ЛЕКЦІИ

ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭТИКѢ

Профессоровъ Вольнаго Университета Общественныхъ Наукъ.

Переводъ съ французскаго А. Ф. К—Ш.

подъ редакціей В. В. Битнера.

С.-ПЕТЕРУРВГЪ
Изданіе „Вѣстника Знанія“
(В. В. Битнера).
1905.

Читальня

„Вѣстника Знанія“.

ЛЕКЦІИ

ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭТИКѢ

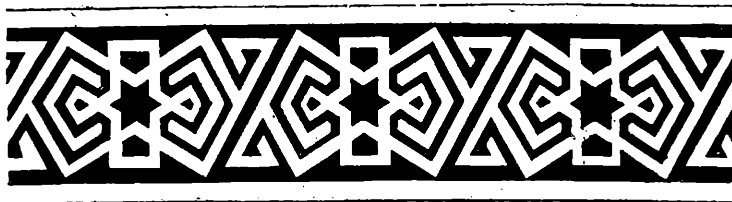
профессоровъ Вольнаго Университета Общественныхъ Наукъ.

Переводъ съ французскаго А. Ф. К—ш.
подъ редакціей В. В. Битнера.

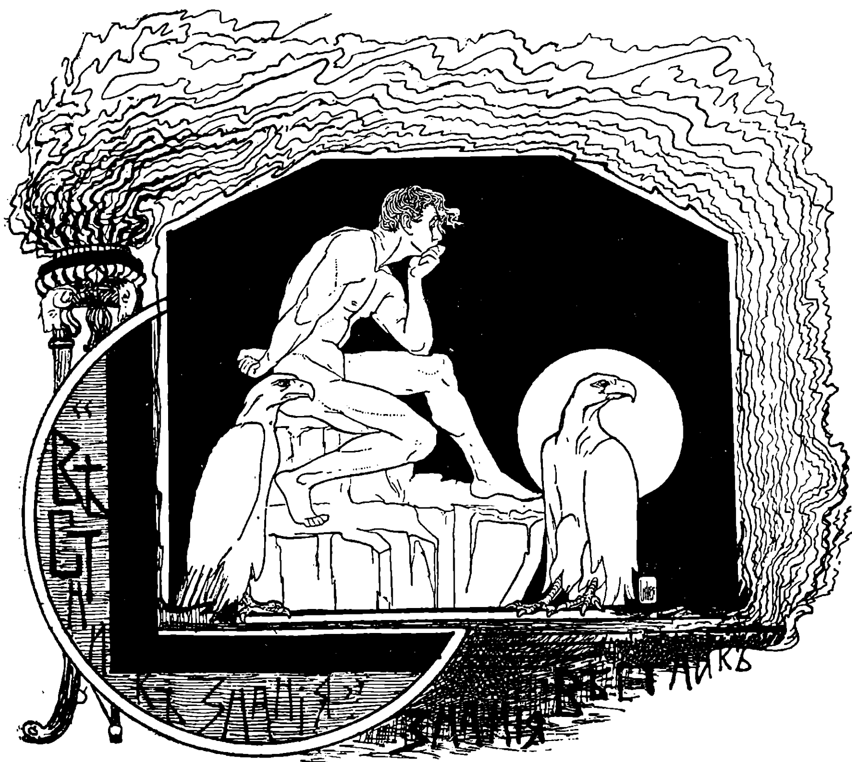
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено ценз. Спб., 29 августа 1905 г. Тип. Т-ва «Народная Польза», Кол. 39.

Лекціи по общественной этикѣ.

Предисловіе къ французскому изданію.

Когда «Свободный коллежъ соціальныхъ наукъ» рѣшилъ предложить ученымъ самыхъ различныхъ философскихъ направленій прочесть рядъ лекцій о принципахъ соціальной морали, предоставивъ имъ полную свободу выбора темъ и философскаго освѣщенія предмета, то рѣшеніе это было встрѣчено, какъ будто, съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Къ чему, говорили себѣ нѣкоторые, обнаруживать передъ публикой разногласіе, которое царитъ между ученіями и касается самыхъ принциповъ нашего поведенія въ жизни? Мораль прежде всего дѣло практики. Она больше нуждается въ авторитетѣ, нежели въ теоріяхъ, и зрѣлище этихъ разногласій можетъ лишь дискредитировать ее и ослабить ея престижъ въ глазахъ присутствующихъ. Противорѣчіе, говоритъ Паскаль, является плохимъ признакомъ истины. Присутствующіе при жаркомъ диспутѣ обыкновенно не принимаютъ стороны ни одного изъ спорящихъ.

Но если, поборовъ наше естественное пристрастіе къ предвзятымъ мнѣніямъ и общимъ сужденіямъ, мы подвергнемъ безпристрастной критикѣ содержаніе этой книги, то замѣтимъ, что хотя каждый изъ авторовъ помѣщенныхъ здѣсь статей и не слушалъ лекцій остальныхъ своихъ коллегъ, но тѣмъ не менѣе всѣ они оказались согласными между собой болѣе, чѣмъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ.

Прежде всего всѣ они питаютъ одинаковое уваженіе къ человѣческой душѣ и ея достоинству, одинаковое чувство серьезной отвѣтственности, которое беретъ на себя всякій, кто берется трактовать вопросы морали; всѣ они проповѣдуютъ терпимость, свободу мысли, откровенность, искренность, идеи долга, добродѣтели, человѣческаго братства; всѣ они питаютъ одинаковое отвращеніе къ парадоксамъ и софизмамъ, которые подъ предлогомъ тонкости и научной безстрастности, затемняютъ самыя ясныя понятія и ослабляютъ волю.

Всѣ эти люди, столь различные между собою, поразительно сходятся другъ съ другомъ въ моральномъ отношеніи. Это не внѣшняя черта, нестоющая вниманія. Что составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, главное орудіе нравственности? Само ученіе? Да, конечно; но прежде всего человѣкъ. Воспитаніе, совершающееся подъ руководствомъ такого человѣка, какъ Сократъ, лучшей частью своей практической полезности обязано самой личности Сократа. Моральное воздѣйствіе совершается въ сферѣ духовнаго общенія.

Впрочемъ, было бы несправедливо сводить согласіе между авторами настоящихъ статей лишь къ сходству ихъ намѣреній и общихъ взглядовъ. Сами ученія также имѣютъ между собою много точекъ соприкосновенія.

Къ числу ихъ прежде всего относится признаніе тѣсной связи между индивидуальной и соціальной моралью, убѣжденіе въ томъ, что невозможно одновременно искать самоудовлетворенія и выполнять свой долгъ, и что нравственность составляетъ общественную сторону нашей жизни, даже всего нашего существа.

Сюда же относится и тотъ взглядъ, что понятіе морали не должно быть смутнымъ и общимъ, не зависящимъ отъ времени и мѣста. Мораль, несомнѣнно, имѣетъ общіе принципы. Но принципы эти, особенно въ настоящее время, недостаточны. Мы хотимъ знать точно, въ чемъ состоятъ наши обязанности въ связи съ культурнымъ прогрессомъ и въ тѣхъ частныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находимся. Съ этой цѣлью, не пренебрегая высшими данными совѣсти и разума, мы обратимся къ исторіи, къ наукамъ о физической и моральной природѣ, къ наблюденію современнаго общества и почерпнемъ отсюда всѣ элементы, которые они могутъ доставить намъ для того, чтобы конкретизировать моральныя понятія, согласно нашимъ настоящимъ потребностямъ.

Но главнымъ общимъ пунктомъ является то убѣжденіе, что въ настоящее время для индивида меньше, чѣмъ когда бы то ни было возможно передать обществу или его представителямъ заботу о поддержаніи и прогрессѣ человѣческой культуры. Въ наше время человѣчество это— уже не нѣсколько людей, это—мы всѣ. Каждый изъ насъ имѣетъ свою, значительную долю власти и вліянія. Нравственное паденіе индивидовъ неизбѣжно поведетъ за собой крушеніе соціальнаго организма. Каждый изъ насъ долженъ носить въ себѣ, въ глубинѣ своей воли и совѣсти, этотъ внутренній принципъ повиновенія долгу, который составляетъ самый существенный признакъ морали.

Сюда же относится, наконецъ, и та преимущественная роль, которая отводится дѣйствію. Всякій чувствуетъ, что мораль, какъ наука, совершенно безполезна, если она не претворяется въ практическіе результаты: воспитаніе разсудка и воли, уменьшеніе эгоизма и извращеннаго самолюбія, прогрессъ справедливости и братства въ человѣческихъ обществахъ. Но въ дѣйствіи нужно видѣть не только объектъ морали. Оно представляетъ собою, въ извѣстномъ смыслѣ, ея двигатель и орудіе совершенствованія. Подобно тому, какъ научные методы найдены были при отыскиваніи законовъ природы, такъ точно, работая надъ осуществленіемъ добра, мы приходимъ постепенно къ его опредѣленію. Бытіе во всемъ предшествуетъ познанію, хотя познаніе, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на бытіе.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ и во многихъ другихъ существуетъ поразительное согласіе между авторами всѣхъ статей, помѣщенныхъ ниже. И согласіе это пріобрѣтаетъ всю свою цѣнность именно въ виду полнаго отсутствія предварительной организаціи.

Было бы, однако, нелѣпо утверждать, что въ сравненіи съ этими общими пунктами, различія не заслуживаютъ вниманія, и мы не могли бы назвать иначе, какъ дѣтской игрой, всякую попытку объединить между

собой всѣ эти ученія при помощи тонкихъ и сложныхъ толкованій. Подъ серьезной и научной формой, присущей всѣмъ этимъ авторамъ, безъ труда можно открыть довольно несходныя направленія; и если слѣдовать имъ въ практическихъ примѣненіяхъ, то они привели бы къ трудно примиримымъ выводамъ.

Какъ относиться къ этому? Слѣдуетъ ли пожалѣть о такомъ результатѣ? Напротивъ, онъ очень цѣненъ. Дѣйствительно, въ моральной проблемѣ, ясно встающей передъ нашимъ обществомъ, современное состояніе наиболѣе образованныхъ умовъ составляетъ одно изъ существенныхъ данныхъ. Ихъ разногласіе, поскольку оно существуетъ. должно быть измѣрено и принято въ разсчетъ. Опасно не знаніе этого разногласія, а преднамѣренное игнорированіе его, потому что подобное отношеніе къ вопросамъ морали можетъ привести къ тому, что мы будемъ принимать наши личныя мнѣнія за пріобрѣтенныя истины, достойныя практическаго примѣненія. Напротивъ, дѣйствительный авторитетъ будетъ принадлежать тѣмъ правиламъ, которыя будутъ установлены просвѣщеннымъ сотрудничествомъ всѣхъ умовъ.

Какъ же должно совершаться это сотрудничество, чтобы имѣть серьез ные шансы на успѣхъ?

Прежде всего, необходимо разграничить, какъ двѣ весьма различныя области, воспитаніе въ чистомъ смыслѣ, въ особенности, элементарное воспитаніе, отъ научнаго изысканія.

Никто не воспитываетъ, никто не имѣетъ права воспитывать дѣтей для себя,—даже отецъ. Мы воспитываемъ ихъ для поддержанія и прогресса человѣчества, для общества и родины, для исполненія обязанностей, ожидающихъ ихъ въ жизни. Отсюда слѣдуетъ, что никто не имѣетъ права прививать дѣтямъ свои убѣжденія, даже самыя дорогія, только потому, что это его убѣжденія: это значило бы подъ прикрытіемъ морали расширить права своей личности за ея естественные предѣлы. Но единственное средство для того, чтобы быть застрахованнымъ отъ смѣшенія собственныхъ идей съ голосомъ разума и безпристрастной совѣсти, состоитъ въ томъ, чтобы держаться правилъ, принятыхъ среди достойнѣйшихъ людей того общества, часть котораго мы составляемъ. Правила эти, несомнѣнно, не всегда очень точны и связны. Если приложить всѣ старанія къ тому, чтобы собрать эти правила, такъ, какъ они есть, въ ихъ наиболѣе совершенной и прекрасной формѣ, то они представятъ собою весь моральный опытъ нашей расы. И только этотъ опытъ можетъ служить, вообще говоря, въ дѣлѣ воспитанія, которое мы даемъ нашимъ дѣтямъ. Воспитатель не долженъ стремиться къ новшествамъ и производить надъ своими воспитанниками ради своихъ индивидуальныхъ взглядовъ опытовъ для измѣренія могущества своего вліянія. Настоящая роль его въ дѣлѣ моральнаго воспитанія заключается въ примѣрѣ и самоотверженности.

Впрочемъ, не нужно забывать, что дѣло идетъ о дѣйствительной, а не о воображаемой жизни въ средѣ идеальнаго общества. А въ области дѣйствительности не только сложныя и спорныя истины, но и самыя элементарныя, самыя обыденныя изъ нихъ оспариваются на каждомъ шагу. Не нужно ни особенной глубины ума, ни знаній, почерпнутыхъ изъ высшихъ источниковъ, чтобы понять, что алкоголизмъ представляетъ собою порокъ гибельный, ведущій къ вырожденію. А какую огромную услугу оказалъ бы обществу тотъ учитель, которому удалось бы уберечь отъ этого порока своихъ воспитанниковъ! Конечно, низкій моральный уровень множества людей имѣетъ глубокія и серьезныя причины. Но онъ проистекаетъ также и отъ лѣности, отъ страсти къ удовольствіямъ, отъ

эгоизма, вспыльчивости, жестокости, преклоненія передъ деньгами, отъ тщеславія, зависти; словомъ, отъ всѣхъ гибельныхъ страстей, опасное вліяніе которыхъ признается всѣми. Возьмемъ хотя бы наиболѣе интеллигентныхъ людей, развѣ они руководствуются въ своихъ обыденныхъ поступкахъ настоящими принципами, раціональными и философскими взглядами на направленіе человѣческой жизни? Развѣ и имъ не случается опираться въ своихъ рѣшеніяхъ даже по поводу очень серьезныхъ вопросовъ на самые элементарные мотивы, лишь очень слабо возвышающіеся надъ тѣми мотивами, которыя управляютъ ограниченными умами. Развѣ не случается иногда, что замыселъ, требующій огромнаго умственнаго напряженія, большихъ и подробныхъ знаній, громаднаго труда, тяжкихъ и упорныхъ усилій, внушающій столько удивительныхъ комбинацій, развѣ не случается, что въ конечномъ счетѣ, если строго отличать цѣль отъ средствъ, онъ представляетъ собой мелкій, эгоистическій расчетъ, очень похожій на диктуемые честолюбіемъ и завистью поступки перваго встрѣчнаго. Такой взглядъ на жизнь и на міръ не отличается большой глубиною, и для оцѣнки его законности, повидимому, достаточно лишь морали здраваго смысла. Когда воспитателю удастся предохранить ввѣренныхъ ему дѣтей отъ всѣхъ пороковъ, осуждаемыхъ обыденной моралью, тогда, вполнѣ естественно, онъ долженъ будетъ искать въ болѣе глубокихъ теоріяхъ средства для того, чтобы повести своихъ воспитанниковъ къ высшему совершенству.

Но ясно, что практическое воспитаніе юношества не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ изысканіемъ. Тѣ самыя правила, которыя нынѣ, санкціонированныя человѣческимъ опытомъ, встрѣчаютъ наше признаніе, являются плодомъ свободнаго и смѣлаго размышленія, которое, съ своей стороны, служитъ хорошимъ урокомъ. То, что сдѣлали наши предшественники, должны въ свою очередь сдѣлать и мы, и такъ какъ человѣчество въ томъ или другомъ отношеніи безпрерывно мѣняется, то мы должны разсмотрѣть, какія спеціальныя проблемы встаютъ въ данное время передъ нами и какія рѣшенія лучше всего отвѣчаютъ нашему человѣческому достоинству. Мораль, какъ мы это ясно видимъ въ настоящее время, не есть и никогда не будетъ законченной наукой. Она представляетъ собою опредѣленную потребность человѣческаго духа, раскрывающуюся по мѣрѣ того, какъ мы работаемъ надъ ея удовлетвореніемъ, и толкающую на новыя изысканія по мѣрѣ своего опредѣленія.

Можно ли сказать, какимъ образомъ и въ какомъ направленіи должны вестись эти изысканія?

Одно, прежде всего, несомнѣнно, что они должны быть совершенно свободны. Это вполнѣ очевидно, потому что дѣло идетъ объ изобрѣтеніи, въ нѣкоторомъ родѣ творчествѣ; а условіемъ всякаго оригинальнаго творчества является полнѣйшая свобода.

Изъ этого замѣчанія вытекаетъ тотъ выводъ, что мы должны привыкнуть къ обсужденію принциповъ практической жизни, подобно тому, какъ обсуждаются и гипотезы естественныхъ наукъ. Борьба мнѣній въ первомъ случаѣ не должна удивлять и возмущать насъ больше, чѣмъ во второмъ. Развѣ моральныя проблемы легче проблемъ физическихъ; и развѣ кто-либо изъ насъ имѣетъ въ этомъ отношеніи достаточное право обвинять въ недобросовѣстности всякаго, кто думаетъ не такъ, какъ онъ?

Въ области моральныхъ изысканій свобода является условіемъ, главнымъ образомъ, отрицательнымъ. Можно ли указать въ этой области кромѣ того какія-либо условія болѣе положительнаго характера?

Моральныя проблемы, можно сказать, представляются обыкновенно

въ одной и той же формѣ: въ формѣ конфликта, нарушающаго покой человѣческой совѣсти и приводящаго ее въ смущеніе тѣмъ болѣе тягостное, что дѣйствіе не ждетъ. Происходящій при этомъ конфликтъ между различными принципами и стремленіями чаще всего возникаетъ между традиціями, привычками, освященными временемъ правилами жизни, съ одной стороны, и между новыми потребностями и жаждой самоусовершенствованія—съ другой. Какъ долженъ разрѣшаться этотъ конфликтъ? Опытъ и разсужденіе учатъ насъ, что въ большинствѣ случаевъ, когда дѣло идетъ о принципахъ дѣйствительно положительныхъ и человѣческихъ, бываетъ опасно или, во всякомъ случаѣ, ошибочно жертвовать тѣмъ или другимъ изъ принциповъ, между которыми наблюдается противорѣчіе; либо ограничиваться образованіемъ общаго и мало объясняющаго понятія, могущаго охватить ихъ обоихъ; либо, наконецъ, просто - на - просто подставлять одинъ вмѣсто другого, какъ если бы ихъ противорѣчіе было лишь видимымъ или воображаемымъ. Необходимо ихъ примирить между собою; но это примиреніе можно совершить лишь тогда, если найденъ не компромиссъ, а новый, высшій принципъ, въ которомъ оба принципа, до сихъ поръ боровшіеся между собою, становятся согласными средствами для осуществленія одной общей цѣли. Такъ, напримѣръ, мы вступили бы на ложный путь, еслибы передъ лицомъ того противорѣчія, которое наблюдается, повидимому, между благомъ личности и благомъ общества, старались бы пожертвовать однимъ или другимъ. Личность это—конкретная реальность человѣчества, общество же представляетъ его естественную и необходимую форму. Слѣдовательно, нужно искать такой высшей цѣли, въ преслѣдованіи которой личность и общество, развивая каждый свои собственныя добродѣтели, будутъ чувствовать себя все болѣе и болѣе солидарными между собою.

Не затрагивая спорныхъ вопросовъ, можно, кажется, дать одно или два указаній.

Первое касается мѣста морали въ человѣческомъ обществѣ.

Античная мораль была моралью привилегированныхъ. О мудрости, которую она считала конечной цѣлью, она составила себѣ такое представленіе, которое не было и не должно было быть осуществимымъ для всѣхъ людей. Созерцаніе и безстрастность требуютъ спеціальныхъ условій: чтобы чисто духовная жизнь однихъ опиралась на матеріальную жизнь, всецѣло возложенную на плечи другихъ, а въ политическомъ отношеніи —чтобы свобода однихъ покоилась на рабствѣ другихъ.

Современный умъ не можетъ допустить этихъ аристократическихъ понятій. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ бы отказаться рисовать себѣ идеалъ человѣка настолько совершенный, насколько позволяетъ человѣческая природа. Но въ то же время онъ хочетъ, чтобы всѣ люди были равны передъ моралью. Кантъ, въ одномъ изъ его посмертныхъ отрывковъ, разсказываетъ, что до того, какъ онъ прочелъ Руссо, онъ презиралъ народъ за его невѣжество и недостатокъ умственной культуры. Руссо раскрылъ ему глаза и научилъ его уважать человѣчество даже въ самомъ ничтожномъ изъ людей. И онъ принялъ въ принципѣ, что всякое правило, которому нельзя придавать всеобщаго характера, не представляетъ собою настоящаго моральнаго правила. Эта точка зрѣнія сама собой напрашивается нашей совѣсти. Мы ищемъ въ морали средства осуществить во всякомъ, кто носитъ на себѣ человѣческій образъ, достоинство, равное тому, какого можетъ достигнуть человѣкъ, наиболѣе одаренный природой, и притомъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, какъ бы мудры и глубоки ни были моральныя умозрѣнія, они дѣйствительно достойны этого имени лишь

въ томъ случаѣ, если приводятъ къ очень простымъ заключеніямъ, доступнымъ для всякаго ума и воли.

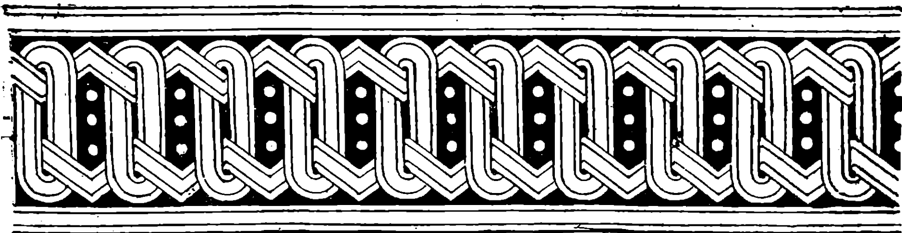
Современный умъ требуетъ отъ морали еще другого характернаго признака, а именно конкретной формы. Мы видимъ на каждомъ шагу, что люди легко соглашаются между собою, когда говорятъ въ общемъ смыслѣ о долгѣ, о родинѣ, о мірѣ и братствѣ, но лишь только дѣло доходитъ до средствъ осуществленія этихъ священныхъ цѣлей, какъ между ними наступаетъ разногласіе. Наша жизнь чрезвычайно сложна, число нашихъ связей возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Намъ нужна мораль, входящая въ подробности, которая говоритъ намъ не только то, что нужно дѣлать добро, но и въ чемъ состоитъ оно; которая трактуетъ не только о цѣляхъ, но и о средствахъ. Иными словами, мораль не можетъ болѣе оставаться изолированною отъ фактическихъ наукъ, которыя указываютъ намъ какъ нашу солидарность по отношенію къ прошлому, такъ и тѣ направленія, въ которыхъ въ настоящее время проявляется человѣческая дѣятельность. Къ морали человѣчества должна присоединиться мораль отдѣльнаго человѣка, въ зависимости отъ нашего положенія въ мірѣ и обществѣ.

Но, вступая въ подобную связь съ положительными науками, не измѣнитъ ли мораль своей природы? Не станетъ ли она наукой о фактахъ? Не измѣнитъ ли она своего идеалистическаго характера? До сихъ поръ еще не было ясно доказано, что это должно случиться. Положительныя знанія могутъ и должны оказывать морали величайшія услуги: они дадутъ матеріалъ для ея принциповъ, они переведутъ ея идеи на языкъ формулъ. А формула, говоритъ идеалистъ Фихте, является чрезвычайно цѣннымъ благомъ для человѣка. Но положительныя знанія не должны поглотить мораль. Не наступилъ еще и, быть можетъ, никогда не наступитъ тотъ моментъ, когда проблему нашего долга можно будетъ разрѣшить съ помощью эмбріологіи или термодинамики. Мораль должна сохранить свою оргинальность, должна попрежнему пользоваться присущими ей методами, и, не подчиняясь другимъ наукамъ, заимствовать отъ нихъ воспомогательныя средства. Если она прибѣгаетъ для своего выраженія къ формуламъ, какъ къ условію строгой точности и полезности, то она не можетъ быть закована въ нихъ навсегда. Она безпредѣльна, какъ человѣческая душа.

Таковы, мнѣ кажется, должны быть первые штрихи теоріи изслѣдованія въ области морали. Развѣ взгляды эти идутъ въ разрѣзъ съ общимъ духомъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ? Скорѣе напротивъ. А если такъ, то не служитъ ли это доказательствомъ правильности идеи, которою руководились организаторы этихъ лекцій? Разногласія, которыя могутъ здѣсь обнаружиться, имѣютъ меньше значенія, чѣмъ сходства. При видѣ того, какъ нѣсколько вполнѣ независимыхъ умовъ, безъ предварительнаго соглашенія, оказываются согласными между собою во многихъ существенныхъ пунктахъ, всѣ мы можемъ лишь укрѣпить въ себѣ увѣренность въ полезности свободнаго изслѣдованія и надежду на постепенное осуществленіе той гармоніи между единствомъ и разнообразіемъ, между всеобщимъ и индивидуальнымъ, въ которой вся жизнь и которая составляетъ конечный идеалъ.

Эмиль Бутру.

I.

Позитивная мораль.—Искусство и наука.

Общія разсужденія.

(Докт. Э. Дэльбе, директоръ «Свободнаго Коллежа соціальныхъ наукъ»).

Пригласивъ людей науки, охотно изъявившихъ свое согласіе прочесть рядъ лекцій о морали, нашъ коллежъ рѣшилъ, чтобы каждый лекторъ былъ совершенно свободенъ въ выборѣ темы и въ ея трактованіи.—Впрочемъ, это лишь частный случай примѣненія того общаго правила, которое лежитъ въ основѣ нашего преподаванія.

Я воспользуюсь этой свободой, чтобы прибавить лекцію общаго характера о *позитивной морали* къ ряду лекцій о позитивизмѣ, которыя я читаю здѣсь съ основанія коллежа. Поступая такъ, я повинуюсь глубокому убѣжденію, живущему во мнѣ уже болѣе полувѣка. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я познакомился съ Огюстомъ Контомъ и приступилъ къ изученію позитивизма. Съ тѣхъ поръ ученіе это не переставало служить для меня интеллектуальнымъ и моральнымъ проводникомъ; я чувствовалъ, какъ крѣпнутъ съ каждымъ днемъ убѣжденія, привязывающія меня къ нему: я обязанъ ему умственнымъ и душевнымъ миромъ, обязанъ неоцѣнимымъ преимуществомъ быть въ состояніи понимать все въ прошедшемъ и настоящемъ, обсуждая все безъ ненависти и страстности, съ относительной точки зрѣнія. Я былъ бы поистинѣ слишкомъ неблагодарнымъ, если бы не посвятилъ всей своей жизни на пропагандированіе этого великаго ученія, въ основѣ котораго лежитъ относительность познанія, этотъ единственный дѣйствительно абсолютный принципъ.

Позитивизмъ охватываетъ все человѣческое знаніе въ его цѣломъ. Огюстъ Контъ сопоставилъ различныя части его въ своей знаменитой классификаціи наукъ, основанной на двойномъ принципѣ убывающей общности и возрастающей сложности явленій. Начинаясь съ явленій матеріальнаго порядка, она восходитъ къ порядку жизненному и человѣческому, общественному и личному. Вершину этой грандіозной лѣстницы, въ качествѣ седьмой и послѣдней науки, занимаетъ мораль. Менѣе общая и болѣе сложная, чѣмъ всѣ другія, она заключаетъ въ себѣ ихъ всѣ; она представляетъ собою цѣль и вѣнецъ всѣхъ другихъ знаній, которыя являются, такъ сказать, лишь предварительными и подготовительными. Дѣйствительно, развѣ она не представляетъ собою науку о самомъ человѣкѣ, который въ своей

недѣлимой сущности составляетъ конечный объектъ всякой человѣческой теоріи?

Удѣливъ морали это выдающееся мѣсто среди всѣхъ другихъ наукъ, Огюстъ Контъ не успѣлъ написать тотъ трактатъ, который онъ хотѣлъ посвятить ей; но онъ оставилъ планъ, и преемникъ его, Пьеръ Лафитъ, развилъ этотъ планъ въ рядѣ замѣчательныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Сорбоннѣ въ видѣ открытаго курса. На основаніи этихъ-то работъ и нѣсколькихъ своихъ собственныхъ очерковъ, я и постараюсь развить передъ вами общіе взгляды на мораль и на ея эволюцію къ позитивному состоянію. Область эта неизмѣрима, я смогу коснуться лишь вершины вещей и буду очень счастливъ, если мнѣ удастся разъяснить всю важность рѣшеній, которыя даетъ позитивизмъ великимъ проблемамъ о назначеніи человѣчества.

I.

Отправнымъ нашимъ пунктомъ является человѣческая природа: мы принимаемъ ее такою, какова она есть, съ ея достоинствами и недостатками, ограничиваясь указаніемъ того, что она имѣетъ добрые инстинкты, альтруистическія стремленія, способныя противостоять стремленіямъ эгоистическимъ и обезпечить торжество общественности надъ личностью, въ чемъ и состоитъ великая моральная проблема.

Согласно своей этимологіи, слово *мораль* (нравственность) заключаетъ въ себѣ одновременно понятіе привычки и мѣры. Слово это составлено хорошо, такъ какъ оно объясняетъ происхожденіе морали, зародившейся отъ привычекъ, саморазвивающихся подъ давленіемъ необходимости въ человѣческихъ группахъ, главнымъ образомъ, въ наиболѣе естественной изъ этихъ группъ—семьѣ, и обязанныхъ также воздѣйствію этихъ коллективностей на составляющихъ ихъ индивидовъ. Здѣсь передъ нами явленіе столь же произвольное, какъ и необходимое, такъ какъ оно наблюдается у животныхъ съ того момента, когда среди нихъ появляется различіе половъ. Развѣ не избито утвержденіе, что у животныхъ имѣются нравы? Ни одно общество животныхъ, временное или постоянное, не можетъ существовать безъ начала порядка. Еще болѣе справедливо это по отношенію къ человѣческимъ обществамъ, въ какія бы формы они ни были облечены. Хотя бы оно состояло даже всего лишь изъ двухъ первобытныхъ существъ, все равно, между ними устанавливается извѣстная степень соглашенія и возникаетъ потребность въ регулирующихъ его правилахъ. Эти правила и вытекающая изъ нихъ привычка и составляютъ зародыши морали.

Порожденная необходимостью, обогащенная непрерывными наблюденіями, мораль образуется мало-по-малу, главнымъ образомъ благодаря воздѣйствію цѣлокупности человѣческихъ группъ на составляющія ихъ части. Группы эти образуютъ *коллективныя существа*, семьи, трибы, кланы, городскія общины, націи, отечества, государства, безъ участія которыхъ человѣческая эволюція оставалась бы необъяснимой.

Въ самомъ дѣлѣ, изолированный человѣкъ не доступенъ нашему представленію: мы можемъ понять его лишь въ обществѣ, т. е. какъ часть болѣе или менѣе многочисленной коллективности, въ которую онъ входитъ, какъ членъ, и которая господствуетъ надъ нимъ, и оказываетъ воздѣйствіе на всю совокупность его способностей. По мѣрѣ того, какъ растетъ въ своемъ значеніи эта коллективность, растетъ и ея вліяніе на каждаго изъ ея членовъ. Дѣйствія и противодѣйствія смѣняютъ другъ друга, отношенія усложняются; обязанности, налагаемыя чувствомъ долга, становятся все многочисленнѣе и опредѣленнѣе; устанавливается порядокъ.

Мораль, являющаяся его выраженіемъ, создается эмпирически; послѣдовательныя пріобрѣтенія передаются по традиціи, благодаря существованію стариковъ, пользующихся глубокимъ уваженіемъ, которое само по себѣ также является источникомъ нравственности.

Такъ, съ теченіемъ времени, и въ различныхъ частяхъ нашей планеты образуется моральное сокровище, сначала маленькое и непрочное, но которое затѣмъ, спустя рядъ вѣковъ, превратится въ *моральный капиталъ человѣчества*. Мы живемъ имъ, и предки наши, создавшіе его, все больше и больше усиливаютъ черезъ его посредство свою власть надъ нами по мѣрѣ того, какъ этотъ капиталъ растетъ. Такимъ образомъ, мораль представляется намъ въ видѣ одного изъ великихъ непосредственныхъ твореній человѣчества, подобно религіи, собственности, рѣчи, съ которой Паскаль уже сравнивалъ мораль, замѣчая, что какъ та, такъ и другая представляютъ собою *науки частныя, но универсальныя.*

Какъ величественно, какое глубокое чувство почтенія и восхищенія вызываетъ оно, это зрѣлище человѣчества, самосозидающагося, безпрестанно самосовершенствующагося съ такими большими и долгими усиліями! Да позволено намъ будетъ почтить это славное прошлое, которому мы обязаны всѣмъ, тѣми же словами, которыми поэтъ привѣтствовалъ завершеніе римскаго величія!

Tantae molis *erathumanos* condere *mores!* Какъ ни огромно было величіе Рима, который почитался своими гражданами, какъ величайшее изъ всего существующаго, *maxima rerum,* мораль, созданная человѣчествомъ, составляетъ твореніе еще болѣе великое, болѣе достойное возбудить въ человѣкѣ чувство законной гордости.

II.

Одновременно съ образованіемъ морали зарождалась и развивалась также и религія подъ давленіемъ тѣхъ же необходимостей: настойчивой, неотложной потребности создать теорію для объясненія міра и огранизовать отношенія между нимъ и человѣкомъ. Эта теорія служитъ также основаніемъ для отношеній между людьми, а это-то именно и есть область морали.

Появившись одновременно и находясь между собою въ естественной связи, религія и мораль опираются одна на другую и въ нѣкоторомъ родѣ сочетаются между собою. Имъ одинаково присущи теоріи фетишистскія, политическія и монотеистическія, какъ и вытекающія оттуда правилá поведенія; между ними наблюдается солидарность, можно было бы даже сказать, неразрывность, въ борьбу съ которой лишь иногда вступаетъ метафизика, но безуспѣшно; древній предразсудокъ, ставившій мораль въ зависимость отъ религіи, выдерживаетъ нападки стоиковъ и даже эпикурейцевъ; христіанство освящаетъ его, и еще въ наши дни онъ попрежнему остается однимъ изъ символовъ вѣры для людей, глубоко привязанныхъ къ христіанской традиціи и не понявшихъ важности недавнихъ открытій науки.

Въ самомъ дѣлѣ, одни лишь эти открытія могутъ служить основаніемъ для морали независимой, въ свою очередь поднявшейся на степень науки. Съ давнихъ поръ философы уже предугадывали, провозглашали и подготовляли эту мораль, къ великому негодованію Паскаля, съ возмущеніемъ доводившаго этотъ планъ до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія: «Смертна ли душа или безсмертна, вѣдь несомнѣнно, что тотъ или иной отвѣтъ долженъ отразиться и на всей морали; а между тѣмъ философы выводили мораль независимо отъ этого вопроса». Это, конечно, должно было инте-

ресовать такого христіанина, какъ Паскаль; но онъ не видитъ, что зло, безпокоющее его, имѣетъ гораздо болѣе древніе корни, чѣмъ воззрѣнія философовъ. Начало его относится къ глубокой древности, когда возникло великое понятіе *Рока* (*Fatum*), источникъ всѣхъ наукъ, противъ котораго безсильна воля самого Юпитера. Одинъ лишь великій Рокъ представляетъ принципъ порядка среди капризныхъ воль боговъ политеизма; онъ истинный отецъ законовъ, которые, постепенно выдѣлившись изъ наблюденія фактовъ, мало по-малу, отъ простѣйшихъ явленій матеріальнаго порядка, распространились на все болѣе и болѣе сложныя явленія біологіи м морали.

III.

Позитивизмъ отвергаетъ всякое внѣшнее вмѣшательство, всякую роль сверхъестественнаго въ человѣческихъ дѣлахъ. Его вѣра—это вѣра въ то, что все относительно, и что всякія, какія угодно явленія связаны между собою естественными законами: что, обладая опредѣленной природой, человѣкъ все черпаетъ изъ самого себя и изъ своихъ отношеній къ міру; что, создавъ въ своей средѣ порядокъ, общества обезпечили его развитіе путемъ прогресса;—но эти убѣжденія не мѣшаютъ ему понимать и оцѣнивать все значеніе заслугъ, оказанныхъ человѣчеству воображаемыми опекунами, въ которыхъ оно должно было вѣрить въ теченіе своего долгаго младенчества.

Да, въ нашихъ глазахъ мораль была твореніемъ безсознательнымъ, вообще, безыменнымъ. Но значитъ ли это, однако, что это великое дѣло совершалось всецѣло эмпирическимъ путемъ и что не происходило никакого теоретическаго вмѣшательства? Мы далеки отъ этой мысли, противорѣчащей самимъ законамъ, управляющимъ ходомъ человѣческой мысли: всегда и вездѣ практика и теорія совмѣстно участвуютъ въ прогрессѣ, при чемъ каждая изъ нихъ вноситъ свою долю въ него подъ высшимъ контролемъ человѣчества. Каждой функціи соотвѣтствуетъ особый органъ— нашелся этотъ органъ и для функцій теоретика, хранителя и проповѣдника морали, функцій, которыя не могли оставаться невыполненными.

Въ глубинѣ гротовъ, въ которыхъ укрывались фетиши и ихъ представители; въ пещерахъ ворожей; въ храмахъ античной теократіи и оракуловъ; на общественныхъ площадяхъ Греціи и Рима, какъ и въ христіанскихъ церквахъ, мечетяхъ и школахъ; вездѣ, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, мораль имѣла свободныхъ или оффиціальныхъ исполнителей, священниковъ, мудрецовъ, философовъ: но каково бы ни было довѣріе къ нимъ, каковъ бы ни былъ ихъ авторитетъ, какова бы ни была приписываемая имъ сила откровенія,—они никогда не были создателями, изобрѣтателями морали въ общепринятомъ смыслѣ.

Роль ихъ состояла въ томъ, чтобы болѣе или менѣе систематически сопоставлять, воплощать во все болѣе и болѣе точныя формулы рѣшенія, найденныя, часто даже подсказанныя здравымъ смысломъ. Роль ихъ состояла также въ преподаваніи, распространеніи этихъ формулъ, весьма нерѣдко въ насильномъ навязываніи рѣшеній, признанныхъ наилучшими: злоупотребленіе, неизбѣжное въ тѣ времена, когда мораль, связанная съ вѣрою, абсолютная, подобно этой послѣдней, не могла допускать обсужденія.

Дѣятельность теоретиковъ въ морали можно сравнить съ дѣятельностью законовѣдовъ въ правѣ; типомъ ея служитъ дѣятельность римскаго претора. Его эдиктъ (указъ) имѣетъ силу закона, такъ какъ вытекаетъ изъ обычая и формулируетъ заключеніе, соотвѣтствующее идеямъ, принятымъ въ данной средѣ. Точно также и въ морали, въ аналогичныхъ условіяхъ,

теоретики составляютъ эдикты и дѣлаютъ ихъ священными, чтобы изъять ихъ изъ обсужденія, издавая ихъ отъ имени неоспоримаго, въ особенности грознаго божественнаго авторитета. Иногда, черезъ большіе промежутки времени, появляются болѣе великіе изъ нихъ, провозглашающіе не отдѣльныя частныя истины, а полные кодексы морали; таковы мудрецы Индіи, Китая, Греціи, Конфуцій и Сократъ, Моисей, Іисусъ, святой Павелъ, Магометъ; таковы также великіе мыслители всѣхъ временъ, говорившіе отъ имени разума и науки.

Идя отъ древнихъ рѣшеній къ новымъ, давая окончательную санкцію установленнымъ правиламъ поведенія въ существенныхъ случаяхъ, власть теоретиковъ сдѣлала возможнымъ образованіе послѣдовательныхъ состояній *моральнаго равновѣсія*, соотвѣтствующаго каждой изъ великихъ фазъ человѣческаго развитія: равновѣсіе это есть то, что называютъ правами народа, націи въ данный историческій моментъ; это—совокупность правилъ и предразсудковъ, господствующихъ въ это время въ обществѣ; это—для даннаго времени—мѣрило человѣческаго поведенія, мѣрило болѣе или менѣе вѣрное, болѣе или менѣе подходящее, такъ какъ оно всегда соотвѣтствуетъ мѣсту и времени.

Каждый возрастъ имѣетъ свои удовольствія, свой духъ и свои нравы.

Мысль эта, такъ хорошо выраженная Буало, вѣрна также и для коллективныхъ существъ. Каждому періоду ихъ развитія, каждой фазѣ ихъ умственнаго состоянія отвѣчаетъ моральный идеалъ, принятый, опредѣленный и освященный теоретической властью: къ идеалу этому и направляется общество, и онъ навязывается ему часто per fas et nefas, потому что все считается дозволеннымъ для достиженія прекрасной самой въ себѣ цѣли, *моральнаго единства*. Впрочемъ, слишкомъ часто для осуществленія моральнаго прогресса случалось прибѣгать къ силѣ и страху, этому началу мудрости, согласно пословицѣ.

IV.

Прійдя къ этому пункту, мы могли бы попробовать дать опредѣленіе морали; но предварительно нужно разрѣшить еще одинъ вопросъ, а именно, что такое мораль, искусство или наука, вопросъ не только лишь формальный, и разрѣшить его важно иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, т. е. бездоказательными утвержденіями или простыми заявленіями безъ достаточнаго разъясненія.

Величайшіе умы, проникнутые сознаніемъ важнаго и почетнаго положенія морали, между прочимъ и Паскаль, даютъ ей имя науки; съ ихъ стороны это—выраженіе ихъ отношенія къ морали, актъ уваженія: если они даютъ ей это имя, то это, такъ сказать, «honoris causa» (чести ради). Въ дѣйствительности же, въ теченіе всего прошлаго, какъ въ то время, когда писалъ Паскаль, такъ и вплоть до нашихъ дней, мораль была лишь искусствомъ. Какъ же опредѣлить иначе совокупность практическихъ правилъ, болѣе или менѣе хорошо согласованныхъ, но не имѣющихъ даже хотя бы самаго первоначальнаго теоретическаго обоснованія? Впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ низшія науки, отъ которыхъ зависитъ мораль, біологія и въ особенности соціологія, еще не были созданы. Едва проникшее въ біологію понятіе закона считалось невозможнымъ ввести въ соціологію, да и сама эта новая наука не получила

еще ни имени, ни опредѣленія. Кто же могъ думать о томъ, чтобы внести это понятіе, внѣ котораго нѣтъ науки, въ область еще болѣе сложную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе трудную, въ область морали, тѣсно связанную съ религіей?

Когда Огюстъ Контъ создавалъ соціологію, то онъ и самъ вначалѣ не выдѣлялъ морали; она оставалась включенной въ нее, какъ одно изъ искусствъ, зависящихъ отъ этой науки. Но болѣе глубокое изученіе показало ему, что ее слѣдуетъ выдѣлить и сдѣлать изъ нея седьмую науку, завершающую и обнимающую всѣ прочія. Разсматриваемая сама по себѣ мораль оказывается самой спеціальной изъ наукъ, такъ какъ единственный объектъ ея—человѣкъ; въ то же время она сложнѣе ихъ всѣхъ. потому что объектъ этотъ—существо наиболѣе сложное. Это легко можно доказать, сравнивъ мораль съ обѣими науками, непосредственно предшествующими ей въ ряду наукъ.

Біологія занимается всѣми живыми тѣлами, а слѣдовательно и общими условіями человѣческаго существованія. Соціологія, непосредственно предшествующая морали, занимается человѣческими обществами и отношеніями между личностью и тѣми обществами, часть которыхъ она составляетъ. Она даетъ намъ средства для освѣщенія и уясненія индивидуальной жизни, непонятной внѣ соціальной цѣли и безъ нея.

Мораль идетъ дальше: она изслѣдуетъ вопросы индивидуальной жизни, которые, очевидно, сложнѣе соціальныхъ, и въ виду этого должна считаться съ очень важными явленіями, которыми можно пренебречь въ соціологіи: таковы воздѣйствія внутреннихъ органовъ на мозгъ, или, въ болѣе общемъ видѣ, воздѣйствія тѣла на разумъ, служащія источникомъ столь многочисленныхъ осложненій.

Здравый смыслъ во всѣ времена замѣчалъ важное значеніе этого взаимодѣйствія между физическимъ состояніемъ и моральнымъ; онъ даже чрезмѣрно преувеличивалъ его, такъ какъ за отсутствіемъ какихъ бы то ни было знаній о мозговыхъ функціяхъ мѣстомъ сосредоточенія нашихъ способностей считались самыя внутренности. Метафизика также допускала эти размѣщенія и часто занималась опредѣленіемъ мѣста для души, объединяющей въ себѣ всѣ умственныя и моральныя способности: она пришла, впрочемъ, лишь къ смѣхотворнымъ представленіямъ, въ родѣ археевъ (жизненныхъ началъ) Ванъ-Гельмонта и роли, приписывавшейся шишковидной железѣ.

Но и есть и другое, главное основаніе, оправдывающее возведеніе морали на степень спеціальной науки. Это основаніе—то, что природа человѣческая, дѣйствительно, недѣлима и должна быть изучаема, какъ таковая.

Тѣло, духъ и сердце или, въ другой формѣ, дѣятельность, разумъ и чувство, эти три силы, эти три элемента человѣческой природы нераздѣльны между собой и зависятъ одинъ отъ другого; они слились въ немъ въ гармоничное цѣлое, всѣ части котораго солидарны; ни одного изъ нихъ нельзя ни изслѣдовать, ни понять, не подвергая въ то же время изученію двухъ остальныхъ: слѣдовательно, человѣку должна быть посвящена спеціальная наука. Эта великая истина до сихъ поръ совершенно не признавалась, и заблужденіе это было, несомнѣнно, одной изъ наиболѣе серьезныхъ причинъ той умственной анархіи, среди которой мы живемъ. Дѣйствительно, врачъ занимается тѣломъ, философъ—разумомъ, священникъ—душою, и каждое изъ этихъ трехъ вліяній стремится всецѣло овладѣть моралью. Для всякаго очевидно, что эти пререканія, это разногласіе, эта борьба въ столь серьезномъ вопросѣ должна повлечь за со-

бою безпорядокъ и безсиліе. Такимъ образомъ, во что бы то ни стало нужно создать науку о человѣческомъ единствѣ, подготовленную трудами Жоржа Леруа, Кабаниса, Галя и окончательно сочетающую положительное знаніе души, т. е. совокупности нашихъ способностей, съ такимъ же знаніемъ тѣла.

Существуетъ названіе, повидимому, какъ разъ подходящее для этой новой науки, а именно, антропологія. Почему въ такомъ случаѣ не замѣнить имъ названія морали? Контъ попробовалъ сдѣлать это; но онъ замѣтилъ, что слово это уже получило спеціальный смыслъ и утеряло свое общее значеніе.

Примѣненіе его, слѣдовательно, подкрѣпило бы дробленіе изученія человѣка и происходящую отсюда путаницу; поэтому онъ полагалъ, что лучше сохранить названіе морали, освященное традиціей и напоминающее столь удачно о благородномъ назначеніи этой науки, призванной обезпечить руководство человѣческимъ поведеніемъ.

Но тутъ возникаетъ возраженіе противъ употребленія слова «наука», которое обыкновенно примѣняется къ отвлеченнымъ понятіямъ общаго порядка. Въ виду того, что назначеніе морали состоитъ въ управленіи, въ руководствѣ, не является ли она скорѣй искусствомъ, чѣмъ наукой? Да, конечно, существуетъ моральное искусство, въ чемъ, какъ мы уже сказали, въ теченіе многихъ вѣковъ, и состояла вся мораль. Искусство это есть то видоизмѣняющее воздѣйствіе, которое человѣкъ оказываетъ на свою собственную природу, либо непосредственно, либо чрезъ посредство живущихъ или исчезнувшихъ общественныхъ соединеній. Но искусство это, высшее изъ всѣхъ искусствъ, опирается на совокупность отвлеченныхъ понятій о вещественности и жизненности; болѣе непосредственно оно опирается на біосоціальныя теоріи, которыя оно комбинируетъ для того, чтобы извлечь оттуда необходимые выводы; наконецъ, еще прямѣе оно вытекаетъ изъ теоріи, субъективно построенной Контомъ, и изъ совокупности законовъ, свойственныхъ человѣческой природѣ; эта обширная отвлеченная область и есть моральная наука.

Такова сложность разсмотрѣнныхъ нами явленій; такова также синтетическая способность этой науки, объединяющей всѣ другія, такъ какъ въ морали законъ и его слѣдствіе—дѣйствіе находятся между собой въ прямомъ и, такъ сказать, непосредственномъ отношеніи. Бываетъ, что искусство и наука неразрывно сплетаются между собою, именно въ виду перевѣса практической точки зрѣнія; но отвлеченная область и область конкретная остаются въ дѣйствительности различными между собой и всегда могутъ быть разграничены при помощи вѣрнаго анализа.

V.

Прійдя къ этому пункту нашего изложенія и опредѣливъ существенныя условія морали, мы полагаемъ, что пора уже опредѣлить точнымъ образомъ ее самоё. Не входя ни въ какія дальнѣйшія обсужденія этого предмета, я просто приведу слѣдующее опредѣленіе, ясно резюмирующее, какъ мнѣ кажется, позитивное понятіе морали:

Мораль это—наука о человѣческомъ единствѣ; цѣль ея въ человѣческомъ совершенствованіи.

Сочетая, для достиженія этой цѣли, присущіе ей законы съ законами низшихъ наукъ, она старается посредствомъ соотвѣтствующаго искусства поставить, удержать или возвратить человѣка, какъ изолированнаго, такъ и объединеннаго въ общество, въ такія условія, которыя

лучше всего способны обезпечить торжество общественности надъ индивидуализмомъ, альтруизма надъ эгоизмомъ.

VI.

Теперь мнѣ достаточно будетъ нѣсколько словъ, чтобы дополнить эти общіе взгляды на мораль съ точки зрѣнія позитивизма.

Какъ будетъ достигнута эта великая цѣль, человѣческое совершенство? Кто будетъ разрабатывать и преподавать мораль? Какова будетъ ея санкція, если только эта санкція необходима?

И прежде всего, какъ будетъ создаваться она? Мы показали, что созданная безсознательными многовѣковыми, упорными соціальными усиліями, она существуетъ силою вещей, но находится еще въ состояніи безформенной массы съ довольно слабой силой внутренняго сцѣпленія. Самая настойчивая необходимость ощущается въ систематизированіи всей совокупности, въ отдѣленіи конкретной части отъ отвлеченныхъ данныхъ. Уже позитивизмъ положилъ начало этому великому предпріятію, необходимость котораго сознается повсюду, и мыслители всѣхъ странъ и народовъ стараются болѣе или менѣе добросовѣстно осуществить его. Тьма, которою окутала этотъ предметъ метафизика—философская или религіозная—наначинаетъ разсѣиваться. Относительныя понятія проникаютъ въ область морали. Совѣсть, сущность, такъ долго казавшаяся абсолютнымъ, непогрѣшимымъ судьей добра и зла, открывается передъ нами въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, какъ сложный результатъ мозговой дѣятельности, видоизмѣняемой прогрессомъ цивилизаціи. Измѣняясь согласно законамъ, управляющимъ эволюціей человѣчества, она является, конечно, вдохновительницей нашего поведенія въ данный моментъ, но подъ условіемъ, что она уже сформирована. Далеко не являясь великой воспитательницей, какъ ее называли, она сама представляетъ сложный результатъ разнообразныхъ вліяній, и главная задача воспитанія именно въ томъ и состоитъ, чтобы, образуя и развивая ее, создать состояніе моральнаго равновѣсія у индивидовъ и въ общественныхъ группировкахъ. Кто станетъ настаивать, вопреки очевидности, будто это равновѣсіе, выраженіемъ котораго служитъ совѣсть, абсолютно устойчиво, изъято изъ-подъ вліяній среды, въ пространствѣ и времени?

Воспитаніе—это цѣлая система идей и привычекъ, необходимыхъ для подготовленія индивидовъ къ жизни въ той средѣ, къ которой они принадлежатъ. Начинаясь въ семьѣ, передающей ребенку всю совокупность принятыхъ предразсудковъ, оно заканчивается теоретическимъ обученіемъ, органомъ котораго можетъ быть только умственная или духовная власть, хранительница науки, обязанная преподавать ее; подъ ея руководствомъ совершается отдѣленіе добрыхъ предразсудковъ отъ злыхъ и санкціонированіе первыхъ серьезными доказательствами, столь же возможными въ морали, какъ и во всякой другой наукѣ. Весь результатъ воспитанія состоитъ въ созданіи въ насъ этой *второй природы*, образованіе которой здравый смыслъ приписываетъ исключительно вліянію привычки: наша идея та же, такъ какъ мы, позитивисты, предразсудокъ должны понимать въ смыслѣ привычки, доступной доказательству,

Но существуютъ предразсудки, которыхъ нельзя доказать и которые, въ силу этого, должны исчезнуть; такъ напримѣръ, нѣтъ предразсудка, болѣе упорнаго, чѣмъ идея санкціи, неотдѣлимой отъ идеи нравственности. Въ морали, какъ и во всякой другой наукѣ, нѣтъ другой санкціи, кромѣ послѣдствій сознательной или безсознательной ошибки, поступка, противорѣчащаго закону, управляющему порядкомъ явленій. Это—вопросъ

объ отвѣтственности, навлекаемой на себя авторомъ поступка, поскольку это дѣло касается его судьбы. Все же остальное всегда было только утопіей, полезной, быть-можетъ, когда всякое доказательство было невозможно, по потерявшей всякое значеніе, когда взяли перевѣсъ позитивныя понятія. Впрочемъ, на практикѣ санкція въ загробной жизни всегда представляла лишь перемѣнный гипотетическій показатель при постоянномъ количествѣ, представленномъ человѣческой, позитивной отвѣтственностью. По уничтоженіи показателя, эта послѣдняя остается полной и достаточной.

Я заканчиваю на этомъ свое изложеніе, безусловно недостаточное для выраженія моральныхъ воззрѣній позитивизма. Если взгляды мои противорѣчили идеямъ многихъ изъ моихъ читателей, то не оскорбилъ я, надѣюсь, никого; я надѣюсь даже, что мнѣ удалось возбудить нѣкоторую симпатію къ искреннимъ убѣжденіямъ, къ возвышенному ученію, общественнаго значенія котораго нельзя не признавать. Царство наше отъ міра сего: кто сильнѣе насъ заинтересованъ въ томъ, чтобы въ немъ царилъ порядокъ, необходимымъ основаніемъ котораго является мораль?

Стюартъ Милль упрекаетъ какъ-то Огюста Конта въ томъ, что его слишкомъ преслѣдуетъ идея долга и что онъ словно опьяненъ моралью. Что же, пусть! Мы гордимся этимъ упрекомъ, сдѣланнымъ нашему учителю; это опьяненіе намъ сладостно; мы попрежнему будемъ пить изъ этого великаго источника, питающаго все человѣчество. Убѣжденные въ томъ, что счастье и долгъ совпадаютъ, мы постараемся все больше и больше развивать въ себѣ альтруизмъ, жить для другихъ, какъ и для насъ самихъ, никогда не упуская изъ виду великой соціальной цѣли, къ которой должны сходиться всѣ усилія человѣка, цѣли, которую нашъ учитель такъ точно опредѣлилъ въ извѣстномъ афоризмѣ:

Дѣйствовать по влеченію и мыслить, чтобы дѣйствовать.

II.

Классификація моральныхъ идей настоящаго времени.

(А. Дарлю, профессоръ Высшей Нормальной Школы въ Севрѣ).

Я отвѣтилъ на приглашеніе Свободнаго Института соціальныхъ наукъ не безъ нѣкотораго колебанія. Съ одной стороны я, принадлежу къ числу тѣхъ, которые считаютъ одной изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей настоящаго времени публичное преподаваніе морали, по мѣрѣ возможности серьезное и систематическое. И признаюсь, что я выступаю здѣсь для того, чтобы не оказаться въ противорѣчіи съ самимъ собою. Но я не вижу еще вполнѣ ясно, какъ сорганизуется оно въ этомъ Институтѣ. Тѣ, кто лучше, чѣмъ кто-либо другой, могли бы вести его, смогутъ посвятить ему лишь краткія минуты, которыя имъ удастся урвать отъ исполненія своихъ профессіональныхъ обязанностей. Имъ придется обращаться скорѣе къ любопытству публики, правда, просвѣщенной и доброжелательной, но разрозненной и неустойчивой, чѣмъ къ любознательности жадно слушающихъ лекціи студентовъ. Наконецъ, они принесутъ въ эту самую аудиторію и изложатъ передъ вами взгляды на жизнь весьма различные и изложенные различнымъ языкомъ. Между тѣмъ, умственный кризисъ нашей эпохи происходитъ не столько отъ недостатка, сколько отъ избытка

идей, со всѣхъ сторонъ осаждающихъ нашъ умъ, не знающій средствъ для ихъ примиренія. Де-Вогюэ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о воплѣ духовнаго голода, который слышится въ настоящій моментъ. Возможно, что нѣкоторые умы страдаютъ отъ голода, но рядомъ съ обильными богатствами, которыми они не могутъ воспользоваться. Настоящая, столь усложнившаяся цивилизація выдвигаетъ больше тенденцій и мотивовъ и притомъ болѣе противорѣчивыхъ, чѣмъ въ прежнее время. Демократическая, промышленная, національная—она, то зажигая, то охлаждая, безпрерывно возбуждаетъ чувство свободы, потребность въ равенствѣ, классовую и расовую борьбу, духъ наживы и денежную лихорадку, мечту о возвращеніи къ природѣ и болѣе простой жизни, духъ индивидуализма и духъ отреченія; она порождаетъ болѣе или менѣе законченныя ученія, въ которыхъ эти стремленія ищутъ своего выраженія, —мораль конкуренціи, мораль войны, мораль соціализма, анархизма, эгоизма, пессимизма и т. п. Въ то же время исторія воскрешаетъ идеи минувшихъ вѣковъ, молчаливо продолжавшія свое существованіе, но которыя, представившись нашему взору, пріобрѣтаютъ новую притягательную силу и снова оживаютъ, хотя оживленіе это, конечно, отчасти искусственное. Буддизмъ находится въ запоздаломъ расцвѣтѣ на нашемъ западѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ или на берегахъ Сены. Развѣ Анатоль Франсъ не разсказывалъ намъ недавно, какъ въ омнибусѣ, отправляющемся отъ Одеона, онъ встрѣтилъ кондуктора, исповѣдующаго буддизмъ? У насъ имѣются также эпикурейцы и стоики. Первые, чтобы нѣсколько замаскировать себя, приняли имя позитивистовъ. Но они, какъ и древній аѳинскій мудрецъ, исповѣдуютъ культъ естественнаго начала, требуя успокаивающей душу покорности его голосу и освобожденія отъ этого тяжелаго, вѣчно грозящаго намъ съ неба теологическаго суевѣрія.

Horribili super aspectu mortalibus instans. Съ грознымъ видомъ встающаго передъ людьми.

Наши стоики и неокантіанцы совершенно не вѣрятъ въ счастіе: они ищутъ убѣжища въ особомъ гордомъ аскетизмѣ; они повторяютъ античное выраженіе: *et coelum et virtus* (и небо и добродѣтель); они говорятъ, подобно Ренану: «Достовѣренъ одинъ лишь долгъ». Иные даже буквально придерживаются стараго ученія. Такъ, Тэнъ, въ концѣ своего очерка о Маркѣ Авреліи и его философіи, пишетъ такія слова: «Мы многому научились въ теченіе протекшихъ шестнадцати столѣтій, но мы не открыли въ морали ничего, что достигало бы высоты и истины этого ученія. Наша позитивная наука лучше проникла въ подробности законовъ, управляющихъ міромъ; но, не считая различій въ языкѣ, она пришла именно къ этому общему воззрѣнію». Наконецъ, каковъ бы ни былъ нашъ образъ мыслей, мы всѣ живемъ въ христіанской атмосферѣ. Христіанство остается краеугольнымъ камнемъ современной совѣсти, обнимающей наши индивидуальныя совѣсти. И тѣмъ не менѣе, умъ нашъ заполняютъ понятія, вырабатываемыя естественными науками въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій и, надо признаться, не легко примиряющіяся ни съ традиціонными вѣрованіями, ни даже съ нашими душевными потребностями.

Испытывая столько противоположныхъ вліяній съ того самаго момента, когда они начинаютъ разсуждать, молодые умы могутъ прійти въ смущеніе. Чѣмъ можемъ мы помочь имъ? Насъ просятъ *познакомить* васъ со всѣми принципами, изъ которыхъ *каждый* долженъ служить руководствомъ для всей жизни, и показать вамъ эту своеобразную галлерею формъ человѣческаго существованія. Но, желая вывести васъ изъ вашего затруднительнаго положенія, не рискуемъ ли мы еще болѣе ухудшить его? Есть ли такой

общій принципъ, такая точка совпаденія, въ которой могли бы встрѣтиться наши мысли? Я попробую отмѣтить ее тамъ, гдѣ я ее вижу. Но пока я скажу еще кое-что отъ себя. Всѣмъ, а не кому-либо одному, принадлежитъ право возводить ту или иную идею на степень общей истины. По крайней мѣрѣ, неоспоримо, что продолжительное размышленіе, приводя идеи къ ихъ принципамъ, всегда упрощаетъ ихъ въ извѣстной степени и уменьшаетъ ихъ разногласіе. Затѣмъ, классифицируя, координируя ихъ, оно лучше обнаруживаетъ ихъ значеніе, ихъ относительную истинность. Вотъ почему, исходя изъ моихъ собственныхъ и изъ вашихъ интересовъ, я счелъ цѣлесообразнымъ представить вамъ обзоръ нѣкоторыхъ моральныхъ идей настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, новѣйшихъ изъ нихъ, и начертить отчасти карту той страны, по которой вы должны будете путешествовать: дѣло нелегкое и потребовавшее бы много времени для своего законченнаго выполненія. Я же выполню его далеко не совершенно. Но въ жизни, хотя бы дѣло шло лишь о краткой лекціи, нужно мириться съ несовершенствомъ.

Я говорилъ о чисто научныхъ понятіяхъ. Важнѣйшее изъ нихъ образовалось въ XIX вѣкѣ, какъ общій выводъ изъ человѣческой и естественной исторіи; это—понятіе эволюціи. Трудно охватить все его значеніе. Можно сказать, что оно измѣнило самый центръ нашихъ возрѣній на міръ и на человѣка. Оно поколебало принципы, на которыхъ мы установили нашу жизнь. Идеалъ искусства, правила поведенія, религіозныя догмы—все это новое воззрѣніе предстало передъ нами въ видѣ историческихъ результатовъ, измѣнчивыхъ мнѣній, въ состояніи постояннаго превращенія. Примѣненное къ самой душѣ, къ совѣсти, оно заставило насъ подняться къ эпохѣ возникновенія обществъ, чтобы присутствовать при зарожденіи совѣсти и прослѣдить образованіе моральныхъ идей. Идеи эти вытекаютъ изъ опыта, накопленнаго человѣческимъ родомъ, и питаютъ безсознательную жизнь каждаго индивида. Самая идея долга представляетъ собою цѣнное наслѣдство, завѣщанное исчезнувшими поколѣніями нынѣшнему человѣчеству. Она предшествуетъ мышленію и не допускаетъ доказательства, какъ думалъ Кантъ. Но она ужъ болѣе не гласъ Божій; она лишь голосъ мертвыхъ, выраженіе той власти мертвыхъ надъ живыми, о которой говоритъ Огюстъ Контъ. Я вспоминаю, какъ Шереръ въ краснорѣчивой статьѣ о моральномъ кризисѣ, изслѣдуя это новое представленіе совѣсти, спрашивалъ съ грустью, что сказалъ бы Кантъ, если бы показать ему все длинное полное слезъ, крови и человѣческихъ ошибокъ прошлое этой идеи, которую онъ считалъ сошедшей съ неба абсолютно чистой. И это заставляетъ содрогаться отъ ужаса самого Шерера.

А между тѣмъ теперь это понятіе стало общепринятымъ; очень часто въ журналахъ и газетахъ можно встрѣтить фразы въ родѣ слѣдующей: «Совѣсть предшествовала вертикальному положенію человѣческаго тѣла», И безпрестанно, съ свойственной идеямъ логичностью,—порождаетъ оно многочисленныя слѣдствія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Нравственность имѣетъ общественное происхожденіе. Добро и зло, главнымъ образомъ, состоятъ въ соотвѣтствіи нашихъ поступковъ съ общественной пользой, съ условіями общественной жизни. То, что является однимъ изъ условій жизни въ обществѣ, какъ уваженіе жизни согражданъ, выполненіе обязательствъ, повиновеніе начальникамъ, требуется общественной властью, рекомендуется общественнымъ мнѣніемъ, представляется достойнымъ, *honestum*, чувствуется обязательнымъ. А то, что наноситъ вредъ обществу,—дурно, наказуемо, позорно. И такъ, мораль, разсматриваемая, какъ одна изъ отраслей соціальныхъ наукъ, потеряла, такимъ образомъ, свое религіозное происхожденіе и божественный ореолъ,—таково первое слѣдствіе

принципа эволюціи, проявляющееся на практикѣ, можно сказать, на вашихъ глазахъ, когда вы приходите слушать насъ въ этомъ Институтѣ. Съ этимъ понятіемъ можно связать имена Огюста Конта и Спенсера, являющихся его различными, почти одинаково важными представителями—одинъ преимущественно въ латинскомъ мірѣ, другой—въ англосаксонскомъ.

Съ другой стороны, принципъ этотъ необходимо заставляетъ насъ, повидимому, разсматривать человѣка въ природѣ, отвести ему мѣсто въ іерархіи животнаго міра, изучать законы человѣческаго общества въ элементарныхъ формахъ животныхъ обществъ, словомъ основать мораль на біологіи,—что и случилось. Такъ образовались моральныя идеи, если не совершенно новыя, то имѣющія, по крайней мѣрѣ, характеръ новизны и выступавшія съ внушительной авторитетностью: это—научныя истины; онѣ обладаютъ въ нѣкоторомъ родѣ матеріальной очевидностью; сама природа преподаетъ ихъ намъ Я отмѣчу изъ нихъ двѣ главнѣйшія. Первая это—идея борьбы за существованіе, или, если угодно, идея отбора, который является результатомъ этой борьбы. Она не нашла догматическаго мыслителя для своей систематизаціи, потому что, взятая сама по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, она поистинѣ слишкомъ жестока, но она проникла въ наши разсужденія, внушаетъ многія изъ нашихъ моральныхъ сужденій, главнымъ образомъ она господствуетъ въ экономической области (мораль конкуренціи) и въ области международныхъ отношеній, гдѣ она такъ легко поддается историческому объясненію. Еще недавно я встрѣтилъ ее на первомъ планѣ въ книгѣ, полной кровавыхъ предсказаній *); она наводитъ автора на мысли въ родѣ слѣдующей: «Милосердіе—чувство антисоціальное и вредное. Милосердіе, жалость, альтруизмъ—все это пережитки прошлаго, умирающіе на нашихъ глазахъ. Будущему они будутъ неизвѣстны».

Другая идея, исходящая изъ того же источника, что и первая, но противоположная ей или, по крайней мѣрѣ, дополняющая ее, это—идея солидарности. Солидарность представляетъ собою фактъ какъ біологическій, такъ въ тоже время и соціальный. Члены организма такъ же солидарны какъ и члены племени или города. Такимъ образомъ, естественная наука даетъ намъ знаніе главнѣйшихъ нашихъ обязанностей и превращаетъ старую басню Менепія Агриппы въ этическій трактатъ. Въ сплоченной и солидарной соціальной средѣ каждый нашъ поступокъ, даже воздержаніе, каждое наше слово, даже молчаніе, производятъ неизгладимое измѣненіе въ жизни другихъ. Каждый живетъ трудами всѣхъ и для всѣхъ. Солидарность эта имѣетъ различныя степени; она бываетъ болѣе или менѣе тѣсной и сложной. Она соединяетъ дѣтей и родителей въ семьѣ, соучастниковъ въ торговомъ предпріятіи, членовъ синдиката въ корпораціи, рабочихъ и хозяевъ въ промышленномъ заведеніи, гражданъ въ отечествѣ: солидарность семейная, экономическая, рабочая, національная, словомъ, благодаря своей растяжимости, идея эта примѣнима ко всей сложности соціальной жизни и ко всѣмъ многообразнымъ видамъ общественнаго долга. Приспособляясь къ новому міропониманію, она преобразуетъ идею братства и организуетъ ее. Она примирима съ идеей борьбы за существованіе. Рабочая солидарность борется противъ класса капиталистовъ, національная солидарность—съ иностранными предпріятіями.

Какую цѣнность имѣютъ эти двѣ великія идеи, или, вѣрнѣе, какое моральное значеніе, потому что дѣло идетъ не объ ихъ критической оцѣнкѣ, а о томъ, чтобы охарактеризовать ихъ, классифицировать. Обѣ

*) „Психологія соціализма“ Г. Лебона.

онѣ выражаютъ факты, естественные законы, наиболѣе общіе законы той соціальной среды, въ которой должна проявляться наша моральная дѣятельность. Слѣдовательно, онѣ ограничиваютъ, а не регулируютъ. Борьба и сотрудничество (кооперація) представляютъ собою факты, съ которыми наша воля должна считаться, какую бы цѣль она ни преслѣдовала, каковы бы ни были ея побужденія. Напримѣръ, предприниматель, видящій въ своемъ предпріятіи лишь средство для наживы, долженъ принимать въ расчетъ вліяніе солидарности капитала и труда, точно такъ же, какъ и тотъ, который предполагаетъ улучшить положеніе своихъ рабочихъ. Равнымъ образомъ, просвѣщенный филантропъ долженъ относиться въ своихъ благотворительныхъ дѣлахъ къ борьбѣ за существованіе и слѣдствіямъ отбора почти съ такимъ же вниманіемъ, какъ и самый послѣдовательный *struggleforlifer* (приверженецъ борьбы за существованіе). Только совѣсть наша, по мотивамъ, принципы которыхъ лежатъ внѣ настоящаго состоянія общества, подсказываетъ намъ, что мы должны измѣнить это соціальное состояніе, что съ одной стороны, мы должны ослабить дѣйствіе борьбы, смягчить ея формы, и что съ другой стороны мы должны укрѣпить въ нашемъ сердцѣ связи естественной солидарности. Короче говоря, идеи борьбы и солидарности суть идеи *натуралистическія*, т. е. идеи, образованныя съ той точки зрѣнія, которая разсматриваетъ человѣка извнѣ, какъ предметъ природы, подчиненный законамъ той среды, въ которой онъ встрѣчается, среды физической и соціальной. Здѣсь мы имѣемъ *вѣрную* точку зрѣнія, принципъ знанія и объясненія вещей. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы знать, что мы *должны* дѣлать той стороной нашей дѣятельности, которую законы окружающей среды оставляютъ безъ опредѣленія, то имѣется другая точка зрѣнія, на которой можетъ остановиться наша мысль.

То же самое относится и къ принципу эволюціи, съ которымъ связаны эти идеи. Принципъ этотъ самъ также лишь относительный; и когда сильное смятеніе, произведенное въ человѣческихъ умахъ его внезапнымъ появленіемъ во всей своей общности, прекратится, то размышленіе, я думаю, покажетъ намъ, что въ жизни своей мы примирились съ тѣмъ принципомъ, который сначала, казалось, разрушили.

Онъ основывается на исторической точкѣ зрѣнія, предлагая намъ разсматривать происхожденіе и развитіе каждаго вида существованія; онъ не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о сущности ихъ природы; онъ не исключаетъ, слѣдовательно, умозрительной точки зрѣнія. Я склоненъ думать, что вопосъ Шерера не заставилъ бы Канта содрогнуться ужъ такъ сильно. Онъ отвѣтилъ бы ему, пожалуй, что-нибудь въ родѣ слѣдующаго; «Я отлично знаю, что человѣческая совѣсть представляетъ естественное явленіе, имѣющее естественныя условія существованія. Она не всегда существовала на землѣ; она родилась на ней. Но это не мѣшаетъ тому, чтобы въ ней заключалась идея, выходящая за предѣлы фактовъ и законовъ, среди которыхъ она появилась, выходящая за предѣлы всей исторіи и являющаяся прообразомъ того, что должно быть въ будущемъ». Пользуясь выраженіемъ Вольтера, можно сказать, что, поучая людей, что предки ихъ нѣкогда ходили на четверенкахъ, нельзя отвратить ихъ взоровъ отъ неба и запретить имъ искать тамъ скрытыхъ силъ. Словомъ, исторія—не наука.

А вотъ и другія идеи натуралистическаго характера. Я упоминалъ о томъ, что моральная проблема—это проблема будущей дѣятельности; она возникаетъ въ тотъ моментъ, когда личность освобождается отъ еизбѣжности подчиняться въ своихъ поступкахъ внѣшнимъ вліяніямъ, атальностямъ борьбы и солидарности. Можно сказать, что въ этотъ моментъ

ею повелѣваетъ ея внутренній инстинктъ, что она увлекается своей силою, которая бьетъ ключомъ въ ней и ищетъ выхода. Взглядъ этотъ, безъ сомнѣнія, старъ, какъ міръ, но недавно въ него были влиты новыя, живыя силы; и хотя я долженъ отказаться отъ подробнаго освѣщенія мотивовъ этого обстоятельства, но я могу сказать, что и они обусловливаются распространеніемъ эволюціонистскихъ идей. Покойный Гюйо великолѣпно развилъ этотъ взглядъ въ своей блестящей книгѣ, имѣвшей несомнѣнное, огромное вліяніе, гораздо больше, чѣмъ полагаютъ. Долгъ, по его мнѣнію, это—лишь сознаніе нашей внутренней мощи; это—избытокъ жизни, требующій для себя выхода. И идеальнымъ признакомъ самой жизни онъ считаетъ «какъ можно болѣе интенсивную (напряженную) и экстенсивную (широкую) жизнь въ физическомъ и умственномъ отношеніи». Мысль эта, конечно, не отличается опредѣленностью; но я думаю, что ее можно *внести въ классификацію*, какъ опредѣленіе принципа анархистской морали. Самъ Гюйо не обманывался на этотъ счетъ. «Мораль, пишетъ онъ, во многихъ и многихъ отношеніяхъ не только αὐτόνομος (автономна, управляетъ сама собою), но и ανομος (безначальна)». «Какъ бича, говоритъ онъ далѣе, нужно избѣгать руководства мыслью, совѣстью. Нужно относиться съ отвращеніемъ ко всякимъ миссіонерамъ и проповѣдникамъ». Онъ желаетъ, чтобы «вѣра была вполнѣ индивидуальна», чтобы «ересь стала единственной и всеобщей религіей». И теоретики анархизма также не обманулись. Они признали Гюйо своимъ учителемъ *).

Какъ и онъ, они берутъ за принципъ «цѣльную, неискаженную жизнь». Какъ и онъ, они отвергаютъ всякую обязанность и всякую санкцію (утвержденіе). Они повторяютъ: «Мораль будущаго не будетъ предписывать ничего. Она скажетъ каждому: Ты свободенъ. Если силы твои среднія, довольствуйся равенствомъ. Если ты чувствуешь себя сильнымъ, сѣй жизнь вокругъ себя, распространяй свои идеи на всѣ четыре стороны, помогай другимъ подыматься, и т. п. Но не нужно больше законовъ. Ни законовъ, ни авторитета, ни религіи».

Однако, инстинктъ можетъ дѣйствовать въ различныхъ направленіяхъ. Великодушный Гюйо возвышалъ инстинктъ на степень любви, въ расчетѣ на то, что онъ называлъ «растущимъ разливомъ чувствительности». Другіе разовьютъ этотъ инстинктъ до ненависти противъ общества, которое они называютъ тиранническимъ за то, что оно мѣшаетъ проявленію ихъ чувствъ, и лицемѣрнымъ за то, что оно стремится регулировать ихъ чувства. Итакъ, въ чемъ же найдетъ свое мѣрило наиболѣе интенсивная и наиболѣе экстенсивная жизнь? Будетъ ли это жизнь честнаго филантропа или жизнь шиллеровскаго разбойника, или, выражаясь лучше, будетъ ли это жизнь Винцента Павла или Наполеона?

Какъ разъ въ то же время принципъ этотъ положенъ былъ за исходный пунктъ нѣмецкимъ мыслителемъ, болѣе смѣлымъ, чѣмъ Гюйо. «Стремленіе къ жизни, къ расширенію своей жизни, говорилъ онъ, вотъ основной законъ существованія. Нужно говорить «да» жизни, всему тому, что дѣлаетъ жизнь роскошной, тропической». Это и есть интенсивная и экстенсивная жизнь Гюйо. Но онъ прибавляетъ: «Нужно говорить «да» заблужденію, если оно намъ полезно, «да»—войнѣ, «да»—злу, если они намъ нужны». И онъ отвергалъ всю христіанскую мораль, которую сохранило доброе сердце Гюйо. Онъ называлъ ее *моралью рабовъ*, моралью, исподтишка сфабрикованною слабыми, бѣдными, больными, несчастными, которые убѣждены, что они любезны Богу именно своею отверженностью.

---

*) «La morale anarchiste», par Pierre Kropotkine.

И онъ провозглашалъ мораль господъ, мораль сильныхъ. Сверхчеловѣкъ придетъ скоро: онъ будетъ любить опасность, въ которой онъ найдетъ, согласно принципу Гюйо, «эквивалентъ долга». Но онъ не дастъ «растущему разливу чувствительности» захватить себя. Побѣдивъ великаго дракона закона, со словами «ты долженъ» на чешуѣ, онъ задушитъ въ себѣ всякую жалость и разовьетъ въ себѣ жестокость. «Вотъ новый законъ провозглашаю я для васъ, братья мои, станьте жестокими!» Само собой понятно, что сверхчеловѣкъ будетъ жизнерадостенъ. «Высшіе люди, учитесь смѣяться». Онъ будетъ смѣяться въ особенности въ битвахъ, ибо мы вступаемъ въ классическій вѣкъ войны, и т. п. Перспектива открыта достаточно. Замѣтимъ, что вводящій въ нее принципъ—для Ницше тотъ же, что и для Гюйо. Только Ницше, по моему, гораздо глубже, чѣмъ Гюйо замѣтилъ существенное, можно сказать, метафизическое условіе анархическаго принципа. Нѣтъ ни истины, ни добра въ себѣ. Онъ воздвигъ свое пламенное ученіе на умственномъ и моральномъ нигилизмѣ. Исторію человѣческаго заблужденія онъ резюмируетъ въ отрывкѣ, озаглавленномъ имъ: «Какъ истинный міръ становится наконецъ басней»; чтобы отдохнуть отъ нашихъ отвлеченныхъ разсужденій, я приведу этотъ отрывокъ почти цѣликомъ по книжкѣ Лихтенбержѣ, изъ которой я заимствую всѣ цитаты и въ которой французскій умъ, какъ мнѣ кажется, удачно освѣтилъ идеи нѣмецкаго мыслителя.

1. Истинный міръ доступенъ Мудрому, Благочестивому, Добродѣтельному; онъ живетъ въ немъ, онъ *есть* этотъ міръ. (Древнѣйшая форма этой идеи—сравнительно остроумная, простая, убѣдительная. Парафразъ этой аксіомы: Я, Платонъ, есмь истина).

2. Истинный міръ недоступенъ въ настоящемъ, но обѣщанъ Мудрому Благочестивому, Добродѣтельному, «раскаявшемуся грѣшнику».

(Прогрессъ идеи: она дѣлается болѣе утонченной, замысловатой и понятной,—она становится женщиной, она становится христіанкой).

3. Истинный міръ недоступенъ, недоказуемъ, проблематиченъ, но, воспринятый лишь мыслью, представляетъ утѣшеніе, обязанность, императивъ.

(Античное солнце попрежнему свѣтитъ на фонѣ картины, но видимо сквозь туманъ критицизма: идея становится тонкой, блѣдной, сѣверной, «кенигсбержанкой»). *)

4. «Истинный міръ»—идея, ни къ чему не служащая, не создающая даже обязанности,—идея безполезная и ставшая излишней: *слѣдовательно*, идеей опровергнутой; уничтожимъ ее.

(День, Завтракъ; возвращеніе здраваго смысла; краска смущенія у Платона; шабашъ всѣхъ свободныхъ умовъ).

5. Мы уничтожили «истинный міръ»; какой міръ остается? міръ призраковъ?

Да нѣтъ же! Вмѣстѣ съ истиннымъ міромъ мы уничтожили и міръ призраковъ.

(Полдень, моментъ короткой тѣни; конецъ самаго долгаго заблужденія; апогей человѣчества; *Incipit Zarathustra* (Заратустра начинаетъ).

Ницше ошибается въ одномъ пунктѣ, когда онъ говоритъ о краскѣ смущенія у Платона. Платонъ былъ очень опытенъ въ душевныхъ дѣлахъ. Я имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ показать, что онъ довольно хорошо зналъ душу нашихъ современныхъ цезаристовъ. Онъ зналъ также и душу и идеи Ницше. Онъ заставилъ его говорить въ одномъ изъ своихъ діало-

*) Проникнута духомъ философіи кенигсбергскаго философа Канта. *Ред.*

говъ; и языкъ, которымъ онъ надѣляетъ его, ни въ чемъ не уступаетъ языку самого Ницше, ни по силѣ, ни по ироніи, ни по глубинѣ. Перечтите рѣчь Калликла въ его діалогѣ «Gorgias» (Горгій).

Что касается до всѣхъ этихъ идей, то для оцѣнки ихъ нужно было бы подвергнуть изслѣдованію ту идею, которая является ихъ принципомъ, идею натуралистическую. Съ точки зрѣнія природы, человѣкъ—это лишь кусокъ живого мяса, не имѣющій существеннаго отличія отъ тысячи насѣкомыхъ, вмѣстѣ съ нимъ распространенныхъ по этой мчащейся въ пространствѣ землѣ, гдѣ зародилась жизнь. Немного выше, въ пространствѣ, нѣтъ, вѣроятно, ничего, кромѣ смерти и мрака; немного дальше во времени, и жизнь погаснетъ и здѣсь, на землѣ. Вы помните, быть можетъ, эти скорбныя, красивыя грезы Гюйо, въ которыхъ ему чудится, какъ океанъ подымается вокругъ него, заливаетъ и уноситъ все:

«Чудится мнѣ, что я самъ не больше какъ одна изъ волнъ его, одна изъ капель воды въ его волнахъ; что земля исчезла, что человѣкъ исчезъ и что остается лишь одна природа со своими безконечными волненіями, своими приливами и отливами, вѣчными измѣненіями своей поверхности, скрывающими ея глубокое и монотонное однообразіе».

Въ натуралистической идеѣ кроется принципъ скептицизма, и мыслитель, рано ли или поздно открываетъ его въ ней то съ гордымъ презрѣніемъ, то со вздохами отчаянія, смотря по своему темпераменту. Но для того, чтобы попытаться понять міръ и самихъ себя, мы можемъ встать на другую точку зрѣнія. Человѣкъ—не только тѣло, одушевленное инстинктомъ чувственнаго проявленія. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духъ, постигающій идею истины и вводящій ее въ свое чувственное воспріятіе явленій. А это именно и есть точка зрѣнія совѣсти. Это — главный мотивъ въ пользу того, что мораль не инстинктъ, а разумъ, не проявленіе чувства, а дисциплина. Въ словѣ свобода, восхищающее анархизмъ, кроется нѣкоторое довольно грубое противорѣчіе. Быть свободными въ одномъ смыслѣ, это значитъ имѣть возможность дѣлать все, что угодно: это свобода инстинкта. Быть свободнымъ въ другомъ смыслѣ, это значитъ имѣть достаточно внутренней силы, чтобы желать дѣлать то, что должно желать: это—свобода духа, которую съ полнымъ правомъ можно назвать повиновеніемъ, это—повиновеніе совѣсти, *Summa Deo servitus, summa libertas*. (Высшее послушаніе Богу, высшая свобода). Такъ появляется идея долга, ускользнувшая отъ Гюйо, потому что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія природы.

Встанемъ теперь на новую точку зрѣнія, которую можно назвать идеалистической или спиритуалистической, для того, чтобы разсмотрѣть нѣкоторыя моральныя идеи различныхъ побужденій. Въ каждомъ принципѣ имѣется нѣчто вродѣ живой силы, подъ вліяніемъ которой онъ стремится отрицать противоположный принципъ. Спиритуалистическій принципъ стремится отрицать природу: по этому признаку можно отличить взаимную связь между спиритуалистическими идеями. Первая изъ нихъ это—мораль состраданія у Шопенгауэра. Представляетъ ли собою Шопенгауэръ одинъ изъ тѣхъ творческихъ умовъ, взгляды которыхъ составятъ предметъ обсужденія для будущихъ поколѣній? Я не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ опредѣленно. Но нужно признать то могучее вліяніе, которое онъ оказалъ на европейскую мысль за истекшіе полвѣка. Онъ подлилъ нѣсколько горечи въ тотъ напитокъ, который пьемъ мы всѣ. Его настроеніе и его идеи мы находимъ въ разсказахъ романиста Захеръ-Мазоха, отъ котораго такъ много заимствовали французскіе писатели. Я не знаю, не обязанъ ли ему чѣмъ-нибудь нашъ Лоти, отъ лучшихъ произведеній ко-

тораго вѣетъ смертью. Во всякомъ случаѣ, то же настроеніе замѣчается и у геніальнаго русскаго романиста Толстого. Шопенгауэръ настойчиво провозглашаетъ, что мораль это—отрицаніе дѣйствительности физическаго міра, ибо природа зла и скрыла корень зла въ «индивидуаціи», въ любви къ себѣ. Чтобы разрушить зло, нужно отказаться отъ индивидуальной жизни, нужно слить свое сердце съ сердцами другихъ. Состраданіе предполагаетъ единство существа. Оно срываетъ покрывало Майи. Оно составляетъ великую тайну моральной жизни. «Тотъ, кто идетъ на смерть ради другихъ людей, свободенъ отъ заблужденія; онъ не ограничиваетъ уже свое бытіе предѣлами личности. И смерть для него не что иное, какъ миганіе глазъ, не прерывающее видѣнія».

Эта прекрасная мысль могла бы принадлежать Толстому. И для Толстого естественная жизнь, жизнь инстинкта—дурна. Человѣкъ не знаетъ, почему онъ живетъ такъ, а не иначе, почему онъ избираетъ ту, а не иную профессію и т. д. Онъ хочетъ наслаждаться; но по мѣрѣ того, какъ жизнь подвигается впередъ, онъ замѣчаетъ, что наслажденіе его горько, и когда онъ приходитъ къ концу, онъ чувствуетъ съ отчаяньемъ въ душѣ, что онъ ошибся, что онъ упустилъ свою жизнь. Для того, чтобы познать тайну жизни, достаточно, по его мнѣнію, смотрѣть на нее глазами умирающаго человѣка. Тогда разсѣется заблужденіе эгоизма, тогда все станетъ яснымъ и легкимъ. Если бы мы могли почувствовать поднимающую насъ волну всеобщей жизни, на мгновеніе оживляющее насъ дыханіе вѣчной жизни, если бы мы могли понять, что все наше существованіе это—любовь, животворящая любовь! Тогда измѣнилась бы душа наша, спала бы съ глазъ нашихъ повязка, мы увидѣли бы въ первомъ встрѣчномъ человѣкѣ половину насъ самихъ, мы подѣлились бы съ нимъ всѣмъ, что мы имѣемъ, не терзаясь мыслью о будущемъ; освободившись отъ вѣчно жалкихъ надеждъ и страховъ, мы обрѣли бы въ покоѣ настоящаго момента то счастье, къ которому мы стремимся всѣмъ существомъ своимъ, не зная, гдѣ оно. Поэтъ говоритъ намъ: «Безумецъ я, когда думаю, что я—не ты *)». Злой, даже угрожая намъ, остается все же частью насъ; это—больной членъ нашего тѣла. Гнѣваясь противъ него, мы ухудшаемъ его болѣзнь и свою собственную. Насиліе не исправляетъ насилія. Не будемъ сопротивляться злому. Кротость ослабитъ, обезоружитъ его руку.

Эта высшая любовь къ ближнему не ограничивается предѣлами отдѣльныхъ обществъ или, скорѣе, развязываетъ ихъ слишкомъ тѣсныя связи. Въ бракѣ она страшится чувственнаго эгоизма, ожесточающаго сердца любящихъ, въ семьѣ она осуждаетъ разсчетливую предусмотрительность, придающую ложную цѣну деньгамъ. Она открываетъ въ обществѣ цѣлый рядъ условностей, которыя скорѣе раздѣляютъ насъ, чѣмъ соединяютъ. Ей нечего узнать отъ науки, которая матеріалистична, вполнѣ можетъ регулировать наши поступки, но ничего не говоритъ душѣ; ничего не можетъ дать ей и религія, которая, приспособившись къ цивилизаціи, стала относить къ загробной жизни ту истину, которую Христосъ проповѣдывалъ для земной жизни. Въ дѣйствительности вся цивилизація это—сплошной обманъ. Однажды Толстой увидѣлъ, какъ молодой гренадеръ прогонялъ нищаго, сидѣвшаго у воротъ казармы. Онъ подошелъ и спросилъ у него: «Развѣ ты не читалъ въ евангеліи, что бѣдные угодны Господу?» Молодой солдатъ, озадаченный, на мгновеніе задумался, затѣмъ лицо его прояснилось: «А—ты, спросилъ онъ,—не знаешь

*) Предисловіе къ «Contemplations».

развѣ военнаго устава?» Толстой прибавляетъ: «Это единственный, извѣстный мнѣ человѣкъ, который строго логически разрѣшилъ вѣчный вопросъ». Общественный регламентъ стоитъ въ противорѣчіи съ закономъ жизни. Однажды понявъ это, можемъ ли мы колебаться?

Эти мечты о тысячелѣтнемъ царствѣ никогда не переставали посѣщать человѣческій умъ. Евангеліе Толстого ничѣмъ не отличается отъ евангелія «товарищей новой жизни», собранныхъ четверть вѣка тому назадъ въ Бостонѣ Томасомъ Лэкъ-Гаррисомъ. Однако, эти великія идеи состраданія, любви къ ближнему, прощенія никогда, кажется, не проникали такъ глубоко въ душу со временъ Христа. Онѣ развили въ насъ почти болѣзненную чувствительность. Мы слышимъ ихъ въ словахъ законодателя, онѣ проникали даже на сцену. Жюль Лемэтръ, этотъ свѣтлый, латинскій умъ (чтобы не разгнѣвать его, скажемъ галльскій *) трактуетъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, идею прощенія. Я привожу имя драматическаго писателя, чтобы имѣть случай указать на то, что учители морали не философы, главнымъ образомъ, но такъ же часто и даже еще чаще—поэты, мыслители. Философъ предпочитаетъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимаюсь теперь я, т. е. классифицированіемъ идей, ихъ терминологіей. Идея, дающая импульсъ, выступающая мотивомъ поступка, не исходитъ прямо отъ него. Въ данный моментъ я охотно представляю себѣ двухъ великихъ учителей нравственной жизни, живущихъ на противоположныхъ концахъ Европы, двухъ восьмидесятилѣтнихъ старцевъ, съ длинной сѣдой бородой, съ убѣдительной рѣчью, какихъ любилъ Гомеръ и какъ представлялъ ихъ себѣ Огюстъ Контъ: Толстого и Рескина **).

Рескинъ, какъ и Толстой, питаетъ отвращеніе къ существующей цивилизаціи, основанной на промышленности и деньгахъ. Какъ и Толстой, онъ убѣждаетъ насъ, что истинная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы любоваться небомъ, вдыхать чистый воздухъ, пить прозрачную воду изъ ручья, собственноручно трудиться. И онъ хочетъ разрушить заводскія трубы, дымъ которыхъ застилаетъ отъ насъ небо, и фабрики, загрязняющія нашу воду. Однако, идеалъ его не тотъ же. Англійское сознаніе, хотя бы и проникнутое мистицизмомъ, все же сильно отличается отъ славянскаго. Идеалъ Рескина—въ чувствѣ восхищенія.

Мы рождены не для того, чтобы мыслить, но для того, чтобы любить, чтобы любить все прекрасное. Восхищеніе—это великая сила души. Оно радуетъ насъ величіемъ другихъ, красотой окружающаго. Оно приноситъ лучъ свѣта въ жизнь бѣдняка, весело прислуживающаго своему хозяину; оно освѣщаетъ хижину отраженіемъ солнца, играющаго въ стеклахъ сосѣдней церкви; оно обогащаетъ наши взоры всѣми красотами природы. Эти благородныя и чистыя мысли раздѣлялись еще другимъ человѣкомъ рѣдкаго ума, жившаго совсѣмъ рядомъ съ нами, но въ нѣкоторомъ уединеніи отъ общества, передъ которымъ онъ лишь одинъ или два раза открылъ сокровища своего ума, по словамъ его друзей неисчерпаемыя: это—Равэсонъ.

Мы думаемъ, что идеи состраданія, любви къ ближнему, восхищенія почерпнуты изъ самаго источника моральной жизни, и что онѣ не могутъ ослабѣть безъ пониженія уровня этой жизни. Однако, онѣ соотвѣтствуютъ

* Чтобы понять эту шутку автора, нужно знать, что Ж. Лемэтръ, знаменитый французскій поэтъ и драматургъ, принадлежитъ къ лагерю ярыхъ націоналистовъ *Прим. переводч.*

**) Лекція эта читана была въ 1899 году, т. е. когда Рескинъ еще жилъ. *Прим. переводч.*

лишь одному изъ двухъ движеній, образующихъ душевный ритмъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа не можетъ цѣликомъ вылиться наружу, иначе она перестала бы существовать. Она должна находить въ себѣ достаточную силу для любви извнѣ. Истинная доброта основана на силѣ, а не на слабости. Хорошо опираться на другихъ; но въ особенности важно, чтобы другіе могли опереться на насъ, а опереться можно только на что-либо прочное. Согласно мысли Эпиктета, наибольшая помощь, которую мы можемъ оказать отечеству, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить ему гражданина, исполненнаго скромности и храбрости. Слѣдовательно, принципъ любви къ ближнему нужно дополнить другимъ принципомъ, который, для краткости, мы назовемъ автономіей совѣсти.

Но, уяснивъ себѣ законъ души съ точки зрѣнія разума, нужно будетъ снова вернуться къ той природѣ, среди которой мы должны жить; нужно будетъ узнать ее и даже начать съ того, чтобы принять ее, чтобы измѣнить. Мы не можемъ оставаться на той почти захватывающей духъ высотѣ, куда переноситъ насъ Толстой, мы должны спуститься съ нея, чтобы вернуться въ свое отечество, къ своему очагу. И въ этотъ моментъ, я думаю, мы поймемъ разногласіе моральныхъ идей. Законъ примѣняется къ безконечному многообразію человѣческихъ поступковъ, въ безконечно разнообразной и измѣнчивой средѣ: онъ преломляется въ ней такъ или иначе и принимаетъ различныя формы, то кроткую, то воинственную, то заключенную въ одиночество монастырской кельи, то ввергнутую въ шумъ общественныхъ площадей. Кто можетъ рѣшить, чья душа была лучше и чище: философа, читавшаго по вечерамъ, при глиняномъ свѣтильникѣ, въ своей кельѣ безъ дверей, или христіанскаго короля, который на своей походной кровати, въ Мансурѣ, перечитывалъ книгу псалмовъ? Сэнъ-Бевъ написалъ прекрасныя и глубокія страницы о различныхъ родахъ святости, противопоставляя радостной смерти Эпаминонда, озаренной свѣтомъ и славою, смерть сестры Паскаля, тихая жизнь которой была разбита стыдомъ и отчаяніемъ, въ которые повергло ее «соизволеніе на обманъ» въ монастырскомъ посланіи. Здѣсь руководящей нити можно искать у мудраго Канта, имя котораго нельзя обойти молчаніемъ въ лекціи о современной морали. Его ученіе моральнаго формализма часто понималось неправильно. Одинъ остроумный переводчикъ «Критики практическаго разума» предполагаетъ, что оно объясняется формалистическими и педантическими привычками кенигсбергскаго профессора, ежедневнымъ появленіемъ котораго, какъ говорятъ, жители руководствовались для провѣрки своихъ часовъ. Но можно полагать, что кантовскій формализмъ имѣетъ другой смыслъ. Кантъ, какъ мнѣ кажется, замѣтилъ и углубилъ слѣдующіе два момента: съ одной стороны естественный міръ, въ которомъ лежатъ корни нашей жизни, несовершенъ, не вполнѣ познаваемъ, безконечно сложенъ. Онъ налагаетъ на насъ ярмо необходимостей, не имѣющихъ яснаго соотвѣтствія съ нашимъ духовнымъ назначеніемъ. Такъ, природа пожелала, чтобы человѣкъ рождался отъ женщинъ, чтобы онъ употреблялъ въ пищу мясо живыхъ существъ, чтобы число людей зависѣло, извѣстнымъ образомъ отъ количества средствъ къ существованію и т. п. Посредствомъ законовъ почвы и климата, законовъ тѣла и мозга она управляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, соціальной эволюціей, порождаетъ склонности, профессіональныя и національныя различія, и т. д. Слѣдовательно, всѣ наши обязанности имѣютъ въ себѣ нѣчто неопредѣленное, случайное, измѣнчивое. Но, съ другой стороны, въ душѣ есть постоянная точка; она имѣетъ духовную природу, аналогична божественнымъ вещамъ, какъ любилъ говорить Платонъ; она должна вносить во всѣ свои временныя дѣйствія мысль

о вѣчности! Таковъ *формальный* моральный принципъ. Итакъ, высшее умозрѣніе оказывается, въ конечномъ счетѣ, согласнымъ съ словами евангелія: «Миръ на землѣ зависитъ отъ доброй воли людей».

III.

Моральное единство.

(Марсель Бернесъ).

Одинъ изъ счастливыхъ результатовъ примѣненія теоретической мысли къ практическимъ вопросамъ состоитъ въ томъ, что оно пробуждаетъ въ насъ вниманіе къ недостаткамъ того общества, въ которомъ мы живемъ, заставляетъ насъ страдать отъ нихъ, открывая намъ переспективы лучшей дѣйствительности, и даетъ намъ, такимъ образомъ, импульсъ къ тому, чтобы вводить въ эту систему исторически сложившихся отношеній, которая образуетъ настоящее, такія измѣненія, которыя постепенно приближали бы насъ къ нашему идеалу.

И передъ мыслью моралиста часто встаетъ вопросъ, о которомъ я хотѣлъ бы поговорить съ вами, вопросъ о моральномъ единствѣ, о нравственномъ мирѣ. Между тѣмъ, о чемъ каждый изъ насъ можетъ мечтать, и тѣмъ, что обнаруживаетъ предъ нами наблюденіе, разница огромная; и дѣйствительность, повидимому, весьма мало способна удовлетворить насъ. Излишне было бы указывать на безразличное отношеніе большинства къ морали. на отсутствіе въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сознательнаго и строго выполняемаго правила жизни, на обыкновенную бѣдность размышленія и моральныхъ идей; и даже тамъ, гдѣ это размышленіе имѣетъ мѣсто, гдѣ оно развивается въ общія понятія о жизни и человѣческихъ цѣляхъ, было бы опять-таки излишнимъ указывать на неисчерпаемое разнообразіе теорій и системъ, на глубокую анархію моральной мысли.

Моральный индифферентизмъ, моральная анархія: таковы два характерныхъ признака настоящаго времени, устанавливаемые моралистомъ, который относится къ нимъ, вообще говоря, несочувственно и считаетъ ихъ пороками, какіе нужно всѣми силами стараться хотя бы ослабить, если ужъ невозможно ихъ уничтожить окончательно. Констатированіе этихъ пороковъ, желаніе найти противъ нихъ какое-либо средство, вотъ что въ значительной степени руководило иниціаторами этихъ лекцій: и я думаю, что попытка эта заслуживаетъ выполненія.

Попытка эта въ настоящее время, безъ сомнѣнія, не первая и не единственная; но такъ какъ всѣ онѣ малопроизводительны и имѣютъ очень узкій кругъ вліянія, то желательно, чтобы онѣ возникали во множествѣ одновременно, кромѣ того, настоящая попытка приняла форму, отличную отъ всѣхъ прочихъ: если намъ удастся разбудить мысль, или хотя бы только расширить горизонтъ моральныхъ теорій, способствуя этимъ моральному единству и миру, то она будетъ нелишней.

Я долженъ добавить, что въ этой попыткѣ, какъ и во всѣхъ современныхъ попыткахъ того же рода, я вижу нѣчто дѣйствительно новое, несвойственное всякому времени. Въ прошлое время, моральный индифферентизмъ и анархія были больше или меньше, чѣмъ теперь? Объ этомъ я не знаю ничего, да и трудно знать это въ точности. Но что я хорошо знаю, такъ это то, что моральная мысль этимъ никогда не интересовалась подобно тому, какъ она интересуется въ наше время; что въ теченіе долгаго періода времени, мораль, повидимому, состояла, главнымъ обра-

зомъ, въ самосозерцаніи и возлагала на экономику и политику заботу объ опредѣленіи и исправленіи того, что совершается внѣ сознанія, предоставляя человѣческимъ интересамъ ограничивать анархію, которая иногда имъ мѣшаетъ, но которой они часто пользуются и съ которой они борются далеко не постоянно. Какъ могли моралисты придавать большое значеніе идеѣ моральнаго единства, когда они добивались лишь внутренняго единства честной души и когда объектъ ихъ былъ, главнымъ образомъ, индивидуальный?

Проблема моральнаго единства, нравственнаго мира это—проблема соціализированной морали; она встаетъ передъ мыслью, заботящейся и о другомъ благѣ, кромѣ своего собственнаго, въ каждую эпоху она могла возникать лишь постольку, поскольку общественныя дѣла стали предварительно доступны для участія всѣхъ, и всеобщее значеніе она могла пріобрѣсти лишь въ тотъ моментъ, когда свобода мысли и дѣйствія гражданъ окончательно стала одной изъ основъ всего соціальнаго порядка. Осуществленіе этого условія произошло сравнительно недавно, проблема эта, слѣдовательно, возникла лишь недавно, во всякомъ случаѣ, въ теченіе долгаго времени она вставала лишь въ скрытой формѣ. Послѣ этого, не будемъ удивляться, что она не была разрѣшена; не будемъ отчаиваться напередъ въ ея разрѣшеніи и не откажемся отъ усилій, даже самыхъ скромныхъ, которыя могутъ содѣйствовать этому результату.

Моральная анархія существовала всегда, но пока она не проникла въ сознаніе, пока вопросъ этотъ не всталъ самъ по себѣ, непосредственно, пока она не причинила страданія, ей нельзя было противодѣйствовать. Если она—зло, то слѣдуетъ разбудить мысль и предупредить ее о существованіи этого зла.

Это полезно, но недостаточно, такъ какъ проблема, важное значеніе которой сознается, не всегда бываетъ правильно поставлена: а что пользы въ провозглашеніи моральной анархіи, въ стремленіи къ миру и единству, если мы не знаемъ сами какъ слѣдуетъ, въ чемъ состоитъ эта анархія, если мы плохо понимаемъ, что такое это единство?

Такимъ образомъ, мы должны поставить себѣ три слѣдующихъ вопроса: Въ чемъ состоитъ моральная анархія? Какую цѣнность имѣютъ общепринятыя представленія о единствѣ и нравственномъ мирѣ? А если они недостаточны, если они противорѣчатъ другъ другу и сами способствуютъ идейному разброду, то какъ приспособить ихъ къ дѣйствительнымъ трудностямъ, къ очевиднымъ недостаткамъ нашего моральнаго состоянія?

Я не претендую дать полный, тѣмъ болѣе—окончательный отвѣтъ на эти три вопроса; даже представить ихъ здѣсь я могу лишь въ общихъ чертахъ. Я хотѣлъ бы только указать нѣсколько идей не новыхъ, но которыми, по моему, недостаточно пользуются, которыя иногда даже не вполнѣ признаются, и на которыхъ въ настоящее время небезполезно остановиться.

I.

Какъ я только-что указалъ, моральная анархія имѣетъ двѣ формы и двѣ главныхъ причины: она связана съ неопредѣленностью и неустойчивостью мнѣній; она происходитъ также отъ крайняго разнообразія и противорѣчивости теорій и системъ.

1. Мысль большинства людей, повидимому, менѣе всего занимается вопросами высшей нравственности, менѣе всего заботится о моральномъ единствѣ. Преобладаетъ впечатлѣніе момента, впечатлѣніе личное и измѣнчивое, не подчиняющееся толпѣ, увлекающее ее, и

превращающее, теперь, какъ и прежде, въ послушное орудіе въ рукахъ демагоговъ, которые льстятъ ей и обращаютъ ея капризы въ достаточные принципы для своихъ дѣйствій. Въ ней встрѣчаются добрые, благородные инстинкты, но перемѣшанные съ дурными; и все это спутывается, сталкивается между собой; дѣйствіе, начатое однимъ образомъ, заканчивается иначе. Требуютъ преданности, восторгаются самопожертвованіемъ; иногда поступаютъ, не думая о себѣ, а заботясь о другихъ, и испытываютъ удовлетвореніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ часто можно услышать, что мораль это—особый міръ, и что въ нашемъ мірѣ главное мѣсто принадлежитъ сочетаніямъ силы и интереса.

Слѣдовательно, если нравственность и существуетъ, то проявленія ея всегда случайны, спорадичны, а потому и мало дѣйствительны; въ нихъ замѣчается отсутствіе координирующаго усилія, то есть, твердой воли, яснаго сознанія возвышенныхъ цѣлей. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что это состояніе нравственности, какъ въ поступкахъ, такъ и во мнѣніяхъ, анархично, вслѣдствіе невѣдѣнія, апатіи, индифферентизма.

Это не значитъ, что при такомъ состояніи вовсе не встрѣчается ни энергичныхъ утвержденій, ни ясно выраженной, въ нѣкоторомъ отношеніи, мѣры сужденія, и даже дѣйствія; и то и другое дается привычкой и традиціей. Рожденіе вводитъ насъ въ предназначенный кругъ, изъ котораго затѣмъ выходятъ лишь въ видѣ исключенія; существуютъ моральные обычаи, которыхъ каждый придерживается болѣе или менѣе строго. И съ практической стороны это даже весьма отрадно; честная жизнь господствуетъ безъ усилій; это—очень необходимая гарантія противъ шатанія освободившагося мнѣнія, которое, попрежнему повинуясь чужимъ воздѣйствіямъ, само полагаетъ по крайней мѣрѣ, что теперь оно выбираетъ свои принципы и не сохраняетъ болѣе своего неизмѣннаго довѣрія по отношенію къ однимъ и тѣмъ же авторитетамъ, а бросается то къ тѣмъ, то къ другимъ, не заботясь о томъ, чтобы узнать, не противорѣчатъ ли они между собою.

Поэтому я могу сказать, что если въ общественной нравственности большую и даже преобладающую роль играютъ привычки, которыхъ придерживаются скорѣе изъ трусости, чѣмъ изъ сознательнаго сочувствія, то это обстоятельство нужно считать отраднымъ, такъ какъ оно предохраняетъ отъ дальнѣйшаго паденія. Но слѣдуетъ ли удовольствоваться этимъ? Нѣтъ, ибо привычка съ теченіемъ времени нарушается, а при свободѣ мысли, традиція отнюдь не замѣщается новой традиціей: хотя бы для возстановленія постепенно распадающихся связей, установленныхъ въ прошломъ, необходимо было только постоянство усилій, извѣстное единство моральной мысли, которыхъ не хватаетъ Тѣмъ больше основаній желать этого единства, трудиться надъ его созданіемъ, если ставить себѣ цѣлью не только сохраненіе моральнаго устава, но и его совершенствованіе.

2. Отвлеченная мысль, какъ бы ни была она ограничена и мало сознательна, имѣетъ въ моральной жызни такое же и даже большее значеніе, чѣмъ общепринятое мнѣніе. Кромѣ измѣнчивыхъ побужденій, порождаемыхъ обстоятельствами, рядомъ съ убывающимъ авторитетомъ привычекъ и традицій, моральное руководство можетъ исходить отъ мысли; и если идеи, организованныя въ теоріи или системѣ, не воздѣйствуютъ сразу же на права, то онѣ мало-по-малу проникаютъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, путемъ диффузіи болѣе или менѣе быстрой, но всегда дѣйствительной. Отъ мысли, касающейся жизни, что-либо всегда дойдетъ до самой жизни; чтобы это было иначе, нужно было бы, чтобы тотъ, кто обдумываетъ ее, не только не хотѣлъ бы ни выражать, ни

распространяться, но чтобы онъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ и не передавалъ бы ее даже своимъ примѣромъ.

Общественная жизнь представляетъ намъ смѣсь моральной апатіи и въѣвшихся привычекъ въ поступкахъ: дѣло моральной мысли состоитъ въ томъ, чтобы внести въ этотъ безпорядокъ, въ это чисто внѣшнее распредѣленіе немного внутренняго единства, плодотворный принципъ организаціи и силы. Размышленіе открываетъ передъ нами вполнѣ ясно анархію и моральный индифферентизмъ; оно усиливаетъ наши страданія, вызванныя этимъ обстоятельствомъ, оно заставляетъ насъ желать найти отсюда выходъ. Почему же такъ часто оно, въ свою очередь, способствуетъ поддержанію, даже усиленію той самой анархіи, съ которой оно должно бороться? и почему оно часто еще больше отдаляетъ насъ отъ моральнаго единства, которое оно имѣло въ виду осуществить?

Дѣло въ томъ, что отвлеченная мысль страдаетъ излишней быстротой и невыдержанностью; лишь только мы замѣчаемъ частицу истины, какъ мы уже придаемъ ей такое значеніе, что этотъ отрывокъ становится въ нашихъ глазахъ самой истиной; мы перестаемъ искать что-либо сверхъ него, мы отказываемся видѣть что-нибудь, кромѣ него. Родившаяся въ умѣ индивида моральная мысль, выходя оттуда, начинаетъ подгонять людей и вещи подъ свое мѣрило; а такъ какъ въ различныхъ умахъ она можетъ принимать различныя формы, то въ результатѣ создаются противорѣчивыя теоріи, указывающія намъ путь къ спасенію въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ.

Возьмемъ, напримѣръ, съ одной стороны мораль натуралистическую, т. е. мораль инстинкта, суровой борьбы, и съ другой стороны—мораль внутренней, духовной жизни: разстояніе между обѣими огромное, и согласовать ихъ между собою тѣмъ болѣе трудно, что дѣло идетъ уже не о предпочтеніи, не о чувствахъ болѣе или менѣе сильныхъ, а объ опредѣленіяхъ, о точныхъ формулахъ, которыя являются результатомъ именно этого столкновенія между идеями и той борьбы, которую ведетъ умъ противъ непріятныхъ ему идей: борьба идей не только за идеалъ или за природу; кромѣ того борьба, ведется, съ одной стороны, противъ низменности инстинкта, съ другой—противъ утопической тщетности чистыхъ идей.

Это даетъ точку опоры всему тому, что было неустойчиваго въ общихъ чувствахъ; но не даетъ еще единства принциповъ; и вся эта попытка приводитъ къ тому, что создаются новыя противорѣчія, моральняя анархія усиливается, и устраненіе ея еще болѣе затрудняется. Ходъ событій, обыкновенно, самъ измѣняетъ непродуманныя мнѣнія людей; гораздо труднѣе заставить систематически мыслящаго человѣка признать необходимость измѣненія и расширенія своихъ принциповъ.

Если таково бываетъ часто вліяніе моральнаго размышленія, то на немъ лежитъ отчасти отвѣтственность за неизгладимыя противорѣчія нашихъ идей и нашихъ правилъ дѣйствія, за ту анархію, которую оно обнаруживаетъ, отъ которой оно страдаетъ само и заставляетъ страдать насъ.

Итакъ, хотя для оправданія попытки моральной мысли, мнѣ достаточно было бы подумать о томъ, что есть искусственнаго и непрочнаго въ тѣхъ вполнѣ внѣшнихъ моральныхъ связяхъ, которыя образуетъ привычка; однако, видя ея результаты, я безъ труда понимаю, почему даже среди мыслящихъ людей имѣются приверженцы традицій; умы эти охватываются страхомъ при видѣ разложенія идей и усиленія индивидуализма, благодаря успѣхамъ въ области изслѣдованія, требуютъ отъ людей, чтобы

они держались убѣжденій и обычаевъ прошедшаго, умоляютъ ихъ наложить на мысль жертвы, и не браться легкомысленно за разрѣшеніе моральныхъ проблемъ.

Въ дѣйствительности, сознательная мысль не составляетъ привилегіи возвышенныхъ натуръ, у которыхъ она бываетъ обращена на похвальныя усилія моральнаго обновленія; и зрѣлище разногласій, вызываемыхъ ею въ опредѣленіи идеала, неудачи, по крайней мѣрѣ, видимыя, которыя оно терпитъ въ своей работѣ,—все это дастъ неполнымъ и неуравновѣшеннымъ умамъ основаніе для того, чтобы считать сложнымъ всякое основаніе идеала вообще, каковъ бы онъ ни былъ. Природа разрѣшаетъ конфликты между существами въ пользу болѣе одаренныхъ, и такимъ образомъ осуществляетъ высшій порядокъ. Почему не долженъ поступать такъ же и человѣкъ? Почему бы сильнымъ, оставивъ опасное лицемѣріе, не перестать, наконецъ, легковѣрно попадаться на удочку слабыхъ и помогать имъ, такимъ образомъ, ослаблять ихъ, сильныхъ? Почему не могутъ они, попирая ногами слабыхъ, итти къ завоеванію болѣе совершеннаго моральнаго строя путемъ повиновенія индивидуальному инстинкту?

Таковы тѣ, правда, крайнія, но безъ труда допустимыя, слѣдствія, которыя можетъ имѣть, отчасти, сознательная мысль, если сравнить съ поставленною цѣлью,—моральнымъ единствомъ достигнутый результатъ — возрастающую, почти неисцѣлимую анархію въ моральныхъ взглядахъ и въ нравахъ. И въ результатѣ, подъ дѣйствіемъ реакціи,—новый расцвѣтъ морали, основанной на традиціи.

3. Заключеніе, выводимое, такимъ образомъ, изъ дѣйствія моральнаго размышленія, назвать неоспоримымъ, пожалуй, нельзя; и то доказательство, которое могутъ найти здѣсь въ защиту своихъ идей послѣдователи морали инстинкта или защитники морали традицій, пожалуй, слишкомъ поспѣшно. Но я полагаю, что если выводы и сомнительны, то самъ принципъ правиленъ, и что въ дѣйствительности моральная партія часто обусловливается дѣятельностью моралистовъ, проистекая также изъ моральной лѣни здраваго смысла. Возможно, что причины, поддерживающія ее какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, не такъ ужъ различны, какъ это можетъ показаться сначала. Между этими причинами имѣется по крайней мѣрѣ одна, вліяніе которой велико въ обоихъ отношеніяхъ и которая, лишь различнымъ образомъ, вызываетъ свои результаты, дѣйствуя на столь различныя умственныя состоянія, какъ умственный міръ человѣка, способнаго, смотря по обстоятельствамъ, жить безъ рефлексіи, и систематическаго мыслителя, у котораго рефлексія проникаетъ и направляетъ всѣ идеи.

Причина эта—та, что мораль оторвана отъ жизни, противопоставлена жизни. Это раздѣленіе не имѣетъ въ себѣ ничего первобытнаго и непосредственнаго, оно обнаруживается особенно ясно вмѣстѣ съ первыми усиліями, направленными къ возвышенію нравственнаго идеала; оно укрѣпляется въ смутные періоды, когда общественная жизнь исчезаетъ, или распадается, или просто на просто не даетъ мѣста никакой благородной мысли, обращаясь въ закрытую арену борьбы непосредственныхъ интересовъ и инстинктовъ. Съ древнихъ вѣковъ мы видѣли, какъ мораль обособляется, и мало-по-малу приводитъ насъ отъ общественной жизни къ порогу индивидуальной души и внутренняго міра. Она проникаетъ туда и погружается надолго, когда религіозное чувство открываетъ передъ душою міръ совѣсти; и съ тѣхъ поръ она возвращается къ жизни лишь по необходимости, какъ къ какому-то испытанію.

Когда раздѣленіе это очень рѣзко, оно производитъ двоякое дѣйствіе: съ одной стороны, жизнь, управляемая инстинктомъ, руководимая мате-

ріальнымъ интересомъ, протекаетъ безъ идеала, безъ другого, по крайней мѣрѣ, идеала, кромѣ подчиненія нѣкоторымъ, весьма самымъ обыкновеннымъ правиламъ приличія; идеалъ не исчезаетъ совершенно, но люди довольствуются тѣмъ, что восхищаются имъ внутри самихъ себя, это—религія; это—будущая жизнь, а не настоящая, дѣйствительная; это, вообще, лишь простое времяпрепровожденіе, а не настойчивая, постоянная потребность и такъ протекаетъ жизнь, безразличная, бѣдная, состоящая изъ незамѣтныхъ, измѣнчивыхъ прибылей и склонностей.

Но съ другой стороны, моралистъ не удовлетворяется такимъ представленіемъ о жизни; и чтобы лучше осуществить свой идеалъ, онъ выходитъ за предѣлы дѣйствительной жизни; онъ замыкается въ себя; мораль кажется ему высшей цѣлью; но мораль имѣетъ своимъ предметомъ личное совершенствованіе, индивидуальное благо; и такимъ образомъ она становится созерцательной или спекулятивной (умозрительной). Человѣкъ чувства восхищается тѣмъ, что онъ видитъ надъ мимолетными реальностями внѣшняго міра; а человѣкъ ума строитъ идеальный міръ своихъ грезъ въ видѣ сложнаго, запутаннаго лабиринта тонкихъ опредѣленій; въ своихъ построеніяхъ онъ уже болѣе не тревожится мыслью о томъ, что есть или о томъ, что дѣлаютъ и думаютъ другіе. Такимъ образомъ, въ идеалѣ вновь отражается безконечное разнообразіе индивидуальныхъ мнѣній, чувствъ и идей. Отрѣзывая мысль отъ всего того, что не относится къ индивиду, осуществляютъ нѣчто вродѣ отвлеченнаго и условнаго единства личности; но такъ какъ для того, чтобы прійти къ этому, были разорваны всѣ связи съ міромъ, съ обществомъ, то отсюда можетъ получиться лишь сложность тенденцій, которыя въ примѣненіи къ міру и къ людямъ не могутъ не противорѣчить другъ другу и не вызывать глубокой моральной анархіи.

Исторически это обособленіе идеала отъ жизни объясняется безъ труда; но въ сущности развѣ это не оскудѣніе дѣйствія съ одной стороны и его отрицаніе—съ другой? Проблема морали—это была практическая проблема по преимуществу, проблема руководства дѣйствіемъ, искательства правила жизни. А благодаря происшедшему расколу, съ одной стороны оказалась жизнь безъ правила, съ другой—правило, обособленное отъ жизни и ставшее либо чувственнымъ состояніемъ, либо конструктивнымъ усиліемъ мышленія, но лишенное своего собственнаго содержанія, того, что дѣлало изъ него правило, своего отношенія къ дѣйствію.

II.

Я уже сказалъ, что одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ современной моральной мысли является возвратъ къ дѣйствію (активности), то есть, поистинѣ, возвратъ къ морали. Здѣсь — источникъ съ одной стороны, столь сильнаго у всѣхъ нашихъ моралистовъ чувства несоразмѣрности, существующей между нашими стремленіями, и, съ другой стороны, не только нравами или моральными взглядами людей, но и самими теоріями и моральными системами.

Для того, чтобы эта несоразмѣрность бросилась въ глаза, достаточно отнести моральныя чувства и идеи къ условіямъ дѣйствія,—что дѣлается все чаще и чаще. Съ каждымъ днемъ мы видимъ, какъ все новые и новые умы признаютъ, что дѣйствіе хорошо и необходимо.

Я думаю, что мы можемъ радоваться такой перемѣнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно пораздумать надъ этимъ и спросить себя, происходитъ ли она вполнѣ такъ, какъ слѣдуетъ, всегда ли наши философы, стремящіеся къ дѣйствію, отдаютъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что такое дѣйствовать, понимаютъ ли онѣ сущность дѣйствія, какъ они этого желаютъ.

Занимающій насъ вопросъ обсуждался недавно на страницахъ одного изъ большихъ французскихъ философскихъ журналовъ *); различныя рѣшенія проблемы моральнаго единства были развиты тамъ съ удивительной возвышенностью и полнотою мыслей. Вопросъ былъ приблизительно слѣдующій: нужно ли для осуществленія моральнаго единства—отказаться отъ теорій или, по крайней мѣрѣ, отъ злоупотребленія теоріями, признать ихъ относительность, смотрѣть на нихъ не какъ на цѣли, а какъ на вспомогательныя средства духа живого, болѣе могучаго, чѣмъ всѣ теоріи; нужно ли, однимъ словомъ, опираться на моральное чувство, которое, дѣйствительно, является прочнымъ и конкретнымъ основаніемъ моральной проблемы? Или наоборотъ, нужно воздержаться отъ всякаго ограниченія критической мысли и ожидать истины отъ построенія теоріи, превосходящей прочія, отъ новаго и болѣе полнаго развитія этой мысли?

Въ обоихъ случаяхъ, вполнѣ очевидно, дѣло идетъ главнымъ образомъ уже не о внутренней нравственности, которая осуществляется въ совѣсти каждаго индивида, но о морали обобществленной, для которой истинное добро есть лишь то, которое распространяется на всѣхъ и является результатомъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ.

Да будетъ позволено мнѣ изложить два этихъ положенія такъ, какъ они мнѣ представляются въ ихъ существенныхъ чертахъ, потому что они, мнѣ кажется, выражаютъ довольно точно настоящее состояніе мысли по вопросу моральнаго единства, и я начну съ замѣчанія, что самая ихъ противоположность можетъ послужить доказательствомъ того, что этого единства еще нѣтъ, даже въ мысляхъ, или же что оно, во всякомъ случаѣ, еще не настолько ясно, чтобы быть замѣтнымъ для каждаго.

Приведемъ сначала доводы тѣхъ, которые боятся излишняго примѣненія анализа и видятъ опасность въ возведеніи на вершину всего въ морали... логической цѣпи идей.—Жизнь не настолько проста, чтобы для выраженія ея достаточно было одной системы; мораль нуждается въ соотвѣтствующихъ наблюденіяхъ еще болѣе, нежели въ анализахъ: анализъ создаетъ теоріи и системы; но такъ какъ наши анализы это—лишь средства выраженія сложной истины, умственно различаемой нами въ фактахъ, то одна изъ нашихъ теорій не можетъ исключать другихъ. Такимъ образомъ, теоріи должны быть просто различными совпадающими выраженіями, различными попытками оформить моральную дѣйствительность, воспринятую сначала умственно; и, если разногласія проникаютъ даже въ моральное чувство, то тамъ они гораздо меньше, чѣмъ въ абсолютныхъ теоріяхъ, въ анализахъ, ставшихъ систематическими.

Между утилитаристомъ, въ родѣ Милля, который видитъ въ нравственности лишь развитіе индивидуальнаго интереса, и ортодоксальнымъ кантіанцемъ, крѣпко привязаннымъ къ формальному и абсолютному закону долга, разстояніе въ теоріи—огромное; они говорятъ на различныхъ языкахъ, и расходятся въ пониманіи даже тамъ, гдѣ слова ихъ учителей совпадаютъ. Измѣнится ли значеніе моего поступка, если, дѣлая то, что предписываетъ мнѣ мораль, я вижу не только мой поступокъ, если я замѣчаю его зависимость, его происхожденіе отъ длиннаго ряда минувшихъ поступковъ, всегда связывающихъ его съ заботами о непосредственномъ личномъ интересѣ; или же, если въ этомъ поступкѣ я вижу нѣчто въ родѣ предваренія въ моемъ естественномъ и чувственномъ бытіи внутренней, невещественной реальности, которую ни въ коемъ случаѣ нельзя исчерпать понятіемъ интереса; такую форму бытія, которая получитъ

*) Revue de Métaphysique et de Morale, 1896.

все свое значеніе лишь тогда, если я отвлеку ее отъ ея временнаго содержанія, чтобы искать въ ней прямого выраженія моего духовнаго бытія, идеальнаго и абсолютнаго?

Такъ, буквальное слѣдованіе теоріямъ порождаетъ глубокія, неустранимыя, внутреннія противоположности.

Если мы, дѣйствительно, хотимъ моральнаго мира, то намъ нужно отдѣлаться отъ всего, что есть слишкомъ ограничительнаго въ формулахъ, и, восходя къ факту, предоставить завязываться сердечнымъ связямъ, которыя изъ всѣхъ связей являются наиболѣе прочными, но и наименѣе опредѣлимыми; а согласно прекрасному и вполнѣ справедливому замѣчанію, подъ оболочкой самыхъ противоположныхъ теорій можетъ скрываться дѣйствительная близость смысловъ. Тотъ, кто говоритъ формальнымъ языкомъ кантіанства, въ дѣйствительности, въ томъ смыслѣ, какой онъ ему придаетъ, ближе къ природѣ и къ полезности, чѣмъ къ долгу и къ внутренней жизни; и языкъ подобнаго натуралиста возвышаетъ насъ, въ самомъ фактѣ, надъ фактомъ и даетъ намъ вѣрное понятіе о содержаніи моральныхъ идей и открываетъ передъ нами какъ бы тайну духовной жизни.

Моральный миръ, при такомъ представленіи, представляетъ собой не просто среднюю теоретическихъ мнѣній, а настоящее единеніе душъ, предшествующее теоріямъ и пользующееся ими для своего выраженія, но не довѣряющее ни одной изъ нихъ, потому что, выражая его, онѣ его ограничиваютъ такъ, что оно всегда превышаетъ то отвлеченное единство, которое онѣ намъ предлагаютъ.

— Какъ не поддаться вліянію такой защитительной рѣчи въ пользу чувства? Но, чтобы быть безпристрастными, выслушаемъ теперь голосъ аналитика.

— Чувство,—говоритъ онъ,—выдвигаемое противъ разума, представляетъ для поступковъ лишь весьма неустойчивое и не прочное основаніе; какъ можетъ быть воздвигнуть моральный миръ на столь неопредѣленномъ фундаментѣ? Исходнымъ пунктомъ моральной мысли служитъ, пожалуй, чувство; но оно является намъ въ видѣ мимолетныхъ и всегда обманчивыхъ образовъ; мысль должна подняться до болѣе устойчивыхъ принциповъ.

Практически требовать отъ проснувшагося размышленія, чтобы оно отказалось отъ самого себя или подчинилось чувству, это значитъ унижать мысль, утаивать часть истины, ту, которая насъ стѣсняетъ, это значитъ подмѣнять философскую искренность самой темной дипломатіей, которая осуществляетъ минутное согласіе, лишь игнорируя пункты разногласія. Это не мораль, а скорѣе политика.

Страхъ передъ точными идеями, лишь только онѣ выражаются черезъ противоположность, это—признакъ мало возвышенной души.—Моральный прогрессъ требуетъ другого. И, дѣйствительно, безпокоитъ и смущаетъ насъ не столько сознаніе нашего раздѣленія, сколько незнаніе, какъ устранить наши разногласія Мы страдаемъ отъ излишней темноты, а не отъ излишняго свѣта; отъ недостатка размышленія, а не отъ избытка анализа; и спасеніе—не въ чувствѣ, которое отъ несовершенныхъ теорій увлечетъ насъ еще ниже, а въ точныхъ опредѣленіяхъ, которыхъ мы должны непрерывно искать, если ихъ у насъ нѣтъ.

Если наши теоріи—неполны и на этомъ основаніи, сложны, то будемъ двигать ихъ впередъ, будемъ критиковать ихъ, чтобы ихъ усовершенствовать: мы выполнимъ, такимъ образомъ, одновременно и дѣло философской искренности и прогрессивной нравственности.

Нравственный прогрессъ, объединеніе достигаются исправленіемъ всего того, что есть слишкомъ узкаго въ нашихъ системахъ: такъ, обнаруживая во всѣхъ формахъ идеала и добра заботу о пользѣ, постепенно пріобрѣтающей болѣе точный, опредѣленный и возвышенный характеръ; давая содержаніе высшимъ нормамъ морали и выражая ихъ согласно ихъ содержанію—всѣмъ этимъ мы способствуемъ нравственному прогрессу и объединенію: и, такимъ образомъ, мораль становится практической и приближается къ жизни.

Еще больше анализа, то-есть, не больше теорій, но теоріи, все болѣе и болѣе глубокія: вотъ въ чемъ исцѣленіе отъ моральной анархіи, открытый путь къ желанному единству.

— Не поколеблемся ли мы передъ этой защитой, переходящей въ нападеніе?

Вникая ближе въ этотъ диспутъ, который способенъ повергнуть насъ въ смущеніе, я замѣчаю, однако, основаніе для надежды.

Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что каждое изъ изложенныхъ мною вкратцѣ воззрѣній защищается, лишь воплощая въ себѣ, такъ сказать, сущность противоположной теоріи. Въ глубокомъ чувствѣ, которое нужно старательно отличать отъ перваго попавшагося, поверхностнаго и неяснаго, мнѣ кажется, можно встрѣтить весь анализъ въ видѣ достигнутыхъ имъ результатовъ; всю критику, обращенную какъ противъ тѣхъ мнѣній, которыя насъ отталкиваютъ, такъ и противъ тѣхъ, которыя привлекаютъ; всѣ условія философской искренности, въ которыхъ только преобладаетъ забота объ охраненіи насъ отъ соблазна, которымъ обладаетъ всякая формула, и отъ той неподвижности, въ которую она приводитъ мысль, ставя ее во внѣшнее положеніе по отношенію къ намъ. Такимъ образомъ, мораль чувства охраняетъ будущность самой мысли, за ея настоящими формами.—Точно такъ же, въ идеѣ, непрерывно обновляющейся надъ давленіемъ противоположныхъ идей, я опять-таки вижу надъ формулой живое вѣчно неисчерпаемое усиліе, нѣчто такое, что еще не нашло своего выраженія, но съ чѣмъ необходимо считаться. Только чувствомъ и разсудочной моралью руководитъ здѣсь желаніе не останавливаться на смутныхъ понятіяхъ, а постоянно двигать впередъ то, что мы схватываемъ лучше всего, что яснѣе всего и точнѣе всего опредѣлено.

Съ одной стороны, я не могу привести ни одного неотразимаго возраженія противъ этого вѣчно подвижнаго чувства, которое въ каждый моментъ, самой неопредѣленностью переживаемаго нами впечатлѣнія, предупреждаетъ насъ о несовершенствѣ нашихъ формулъ, объ ихъ недостаточной способности обнять всѣ элементы проблемы и исчерпать ее. Но, съ другой, я не вижу возраженія, способнаго исключить матеріальную мораль, которая очищаетъ и утончаетъ моральный объектъ, чтобы приспособить его къ высшимъ цѣлямъ, и которая старается связать эти цѣли съ другими, болѣе скромными, но не менѣе необходимыми; но моральный анализъ приводитъ либо къ утилитарной морали, либо къ морали чисто раціональной, и я не вижу вовсе такого возраженія, которое могло бы рѣшительно отвергнуть формальную мораль, если эта мораль открываетъ передъ нами въ духовномъ принципѣ и въ высшей нормѣ нравственности реальный фактъ, живую данную опыта.

Однако, я не думаю, чтобы можно было считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ; остановиться на томъ или другомъ изъ этихъ представленій моральнаго мира невозможно, такъ какъ это связано съ практическими неудобствами.

Возвращеніе къ факту связано съ пренебреженіемъ моральнаго

усилія, и въ большинствѣ случаевъ мораль чувства будетъ приводить насъ лишь къ ловкимъ стратегическимъ пріемамъ, посредствомъ которыхъ мы будемъ обманывать самихъ себя относительно трудностей, избѣгая того, что раздѣляетъ, изъ страха передъ дѣйствіемъ, видимымъ лишь сквозь атмосферу противорѣчій и борьбы. Очень возвышенныя души, высоко культурные умы могутъ подняться съ помощью такого метода до настоящаго условія моральнаго мира, активнаго и плодотворнаго, и воспринять дѣйствіе путемъ чувства; но приведенный въ соотвѣтствіе съ размѣрами средней мысли, этотъ методъ плохо будетъ бороться съ индифферентизмомъ и нисколько не подыметъ насъ выше моральнаго однообразія, поверхностнаго сходства и оффиціальнаго оптимизма.

Но зато развѣ намъ неизвѣстно, что производитъ чисто критическая мысль, состоящая изъ анализовъ и приходящая къ теоріямъ? Діалектикъ, обладающій глубокимъ внутреннимъ чувствомъ моральной реальности и, державшій свои формулы въ умѣ, будетъ имѣть полную возможность увидѣть сквозь нихъ дѣйствіе. Но во что превратятся онѣ при передачѣ другимъ? Конечно, иногда, когда проповѣдникъ нравственности соединяетъ въ себѣ даръ выраженія съ богатыми средствами діалектики, тогда голосъ его проповѣди способенъ вызвать въ слушателѣ мгновенное пробужденіе къ нравственной жизни, въ немъ зарождается какъ бы желаніе активной мысли; но какъ долго это будетъ продолжаться? и что отъ этого останется? Всякій, занимающійся преподаваніемъ, часто замѣчалъ съ горечью, что отъ уроковъ его остается преимущественно то, что есть въ нихъ наиболѣе выдуманнаго, наименѣе искренняго, и что трудно передавать свои мысли такъ, чтобы слушатель понялъ ихъ внутренній смылъ. Часто даже, чѣмъ больше мы стараемся выразить нашу мысль какъ можно точнѣе или придать ей наиболѣе конкретную форму, тѣмъ сильнѣе способствуемъ мы лишь тому, что слушатель удерживаетъ только одни слова или частные примѣры, оторванные отъ идеи, служащей для нихъ основаніемъ.

Такимъ образомъ, мысль, состоящая преимущественно изъ аналитическихъ выводовъ, дѣйствуетъ какъ сухая номенклатура отвлеченныхъ и *рѣзкихъ* формулъ. Во что превращается очень часто въ нашемъ народномъ воспитаніи живая мысль хотя бы Канта? Точно такъ же, отъ идеалистическаго утилитаризма при этомъ останется, главнымъ образомъ, смутное понятіе интереса, приспособленное къ духовному уровню каждаго.

Недостаточно, слѣдовательно, желать претворить мораль въ дѣйствіе, пытаться сдѣлать ее практической для того, чтобы избѣжать противоположностей и выйти изъ моральной апатіи и анархіи: въ результатѣ этихъ попытокъ мы можемъ увидѣть еще рѣзче опредѣлившимися тѣ самые недостатки, которые онѣ имѣли въ виду исправить. Тутъ сентименталисты, представляющіе собою сознательныхъ или безсознательныхъ реалистовъ, ослабляютъ размахъ дѣйствія и моральнаго прогресса; а тамъ интеллектуалисты, являющіеся идеалистами, подмѣниваютъ легкой игрой понятіями всегда трудно опредѣлимыя условія истиннаго дѣйствія.

Главное, что вызываетъ во мнѣ критическое отношеніе къ этимъ взглядамъ, это, во-первыхъ, то, что они слишкомъ сложны и пытаются достигнуть въ обходъ того, къ чему гораздо естественнѣе, проще было бы добраться прямымъ путемъ; во-вторыхъ, то, что являясь въ настоящее время умственными привычками, вышедшими изъ примитивной приверженности къ традиціи, утвержденными и подкрѣпленными работой отвлеченнаго мышленія, они придаютъ форму абсолютнаго тому, что, по природѣ своей, вполнѣ относительно, и ставятъ, такимъ образомъ, проблему мораль-

наго единства въ такія условія, при которыхъ она попрежнему остается неразрѣшимой.

III.

Время не позволяетъ мнѣ доказать справедливость этихъ идей и. опредѣлить то, что мнѣ кажется рѣшеніемъ этой проблемы; я ограничусь поэтому лишь самой общей характеристикой.

Какъ та, такъ и другая сторона хотятъ перевести мораль въ дѣйствіе; но обѣ онѣ умаляютъ дѣйствіе, ограничивая его предѣлами чувствъ или идей. Между тѣмъ, дѣйствіе не только прибѣгаетъ къ нимъ одновременно, оно включаетъ ихъ въ себя и не выходитъ изъ нихъ; оно предшествуетъ имъ, а не является ихъ результатомъ, или болѣе или менѣе искусственнымъ соединеніемъ. Оно представляетъ собою живую реальность духа, прочную связь каждаго изъ нихъ съ остальными и вмѣстѣ съ тѣмъ связь духа съ вещами. Чувство и идея—это только его частичныя выраженія, которыми мы пользуемся затѣмъ для представленія природы духа; но когда мы раздѣляемъ ихъ совершенно, присваивая каждому изъ нихъ особую реальность и дѣлая изъ нихъ первоначальные элементы мысли, чтобы перестроить ее съ ихъ помощью, въ нашемъ построеніи всегда будетъ недоставать одного настоящаго единства, сообщить которое можетъ одно лишь дѣйствіе.

Такимъ образомъ, я свободно могу сказать, что историческая причина, больше всего способствовавшая образованію непроходимой пропасти между чувствомъ и идеей въ моральныхъ теоріяхъ, это—отдѣленіе морали отъ жизни; оно же противопоставило чувство и идею, и въ особенности послѣднюю, инстинкту и природѣ, идеальное—реальному, и внесло мнимую антиномію (разногласіе) индивидуальности и солидарности. Отдѣленіе это повело за собой созданіе соотвѣтствующихъ формъ мысли и рѣчи, которыя перешли въ привычку и, переживя породившую ихъ причину, существуютъ еще и понынѣ. Очевидно, что, пока онѣ существуютъ, трудно снова найти условія настоящей связи духа съ природой, чувства съ идеей, реальнаго съ идеальнымъ, индивидуальнаго съ соціальнымъ, словомъ морали съ жизнью.

Смыслъ дѣйствія составляетъ необходимое условіе рѣшенія практическихъ проблемъ; а такъ какъ, въ сущности говоря, непосредственнымъ результатомъ этого рѣшенія явилось бы именно моральное единство, то можно сказать, что смыслъ дѣйствія есть условіе моральнаго единства. Впрочемъ, смыслъ дѣйствія пріобрѣтаетъ все свое значеніе лишь тогда, когда онъ внушается условіями, дѣйствительно свойственными дѣйствію; очень и очень часто онъ уклоняется въ сторону и сбивается съ правильнаго пути, зарождаясь въ той мысли, будто всѣ его прежнія привычки и, такъ сказать, его вторая природа, закрываютъ доступъ дѣйствію. Событія вполнѣ могутъ обнаружить передъ нами то, что желательно; они открываютъ даже наиболѣе ослѣпленнымъ глаза на относительную цѣнность нашихъ формъ существованія; и такимъ образомъ, въ кризисахъ, иногда носящихъ драматическій характеръ, онѣ способны внушить намъ твердую волю къ дѣйствію; но они не въ силахъ уничтожить тѣ, даже противоположныя тенденціи, которыя руководили нами ранѣе.

Въ этомъ случаѣ мысль наша употребитъ всевозможныя усилія для того, чтобы приспособить усвоенныя ею идеи къ тѣмъ цѣлямъ, превосходство которыхъ надъ всѣми прочими внезапно открылось передъ нею; гибкая и тонкая мысль, пожалуй, добьется своего и, построивъ какую-либо мудрую систему или открывъ какой-либо оттѣнокъ чувства, она

дастъ намъ самимъ искомый методъ. Но противорѣчіе, разрѣшенное въ насъ и для насъ, возродится вновь, лишь только мы перейдемъ къ внѣшнему самопроявленію и лишь только нашъ разумъ натолкнется на сопротивленіе либо со стороны иныхъ разумовъ, которые сдѣлали ту же попытку, но выполнили ее иначе, чѣмъ мы, либо просто-на-просто со стороны тѣхъ, которыхъ отталкиваетъ самая сложность тѣхъ рѣшеній, какія мы имъ предлагаемъ. Пока же трудность, такимъ образомъ, разрѣшена лишь для насъ, она въ дѣйствительности не разрѣшена, такъ какъ дѣло касается практики и вопросъ идетъ о моральномъ единствѣ.

Такова, на мой взглядъ, та ошибка, въ которую впадали даже недавнія попытки, предпринимавшіяся для того, чтобы найти условія моральнаго мира путемъ чувства, либо путемъ анализа.

Въ самомъ дѣлѣ, идея, какова бы ни была ея форма, останавливаетъ движеніе мысли и, по крайней мѣрѣ временно, замыкаетъ ее; а чувство, удовлетворяясь довольно туманными взглядами и теряясь, въ высшихъ умахъ, въ неуловимыхъ оттѣнкахъ, въ концѣ концовъ истощаетъ ее и ослабляетъ ея энергію, что, въ свою очередь, инымъ лишь путемъ приводитъ къ ея ограниченію и замкнутости. Такимъ образомъ, моральное единство перестаетъ представлять собою нѣчто живое, чѣмъ оно должно быть въ активной жизни; представляемъ ли мы его себѣ во всей полнотѣ или нѣтъ, оно во всякомъ случаѣ является высшимъ предѣломъ совершенства; въ немъ рисуются нашему воображенію спокойное блаженство и заслуженный отдыхъ, вознаграждающіе насъ за минувшіе труды и страданія. Разнообразіе моральныхъ идей и отношеній, съ одной стороны, недопустимо потому, что оно противорѣчитъ этому вполнѣ опредѣленному миру, составляющему высшій предѣлъ нашихъ стремленій, съ другой стороны—оно служитъ лишь какъ бы временнымъ средствомъ для выраженія истиннаго, чѣмъ-то вродѣ разнообразящагося въ отвлеченной мысли символа, превышающаго ее высшаго единства. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе оказывается подъ болѣе или менѣе близкимъ вліяніемъ абсолюта, которому подчиняютъ и который самъ по себѣ становится принципомъ морали.

Я думаю, что нѣтъ болѣе явнаго препятствія для развитія дѣйствія или, что то же, для стремленія къ идеалу, какъ это положеніе абсолюта, въ какой бы то ни было формѣ. Во имя морали Кантъ утверждалъ абсолютъ во всѣхъ его формахъ; я полагаю, что, исходя изъ морали же, можно привести это понятіе къ соотвѣтствующей ему роли, роли вспомогательной идеи, а не высшаго принципа.

Мораль это—не то, что мы чувствуемъ душою, и не то, что мы опредѣляемъ формулами; она въ томъ, что мы дѣлаемъ, то есть она прямо и непосредственно связана съ дѣйствіемъ, съ усиліемъ; а дѣйствовать—это значитъ одновременно быть въ природѣ и возвышаться надъ ней, стремиться къ идеалу; это значитъ заодно чувствовать какъ можно глубже и знать насколько возможно ясно. Благодаря дѣйствію, духъ безпрерывно раскрывается вмѣсто того, чтобы замыкаться, и такимъ образомъ въ каждый моментъ обнаруживаетъ свою относительность. И вотъ, каждый разъ, когда равновѣсіе нарушается, когда мы вдругъ начинаемъ видѣть въ дѣйствіи лишь идею, опредѣленіе, формулу идеала,—мы удаляемся отъ жизни; если мы не доходимъ до извращенія самой жизни, мысль наша вскорѣ начинаетъ провозглашать реакцію въ сторону чувства, и въ силу контраста съ неустранимыми противорѣчіями нашихъ теорій, мы ощущаемъ его успокоительное и умиротворяющее вліяніе. Но, завладѣвая нами, чувство быстро ослабляетъ насъ и тогда возвращеніе къ жизни состоитъ

въ томъ, что мы снова бросаемся къ анализамъ и теоріямъ подъ дѣйствіемъ новаго усилія критической мысли.

Возможно, что моральная истина неизбѣжно создается этими поочередными смѣнами, и тогда нужно было бы сказать, что для приближенія къ ней мы должны соединить въ нашей мысли оба момента этого ритма, и что понимать смыслъ дѣйствія это прежде всего значитъ никогда не раздѣлять этихъ моментовъ совершенно, даже когда перевѣсъ, по необходимости, находится на сторонѣ одного изъ нихъ.

Дѣйствіе—едино, при чемъ единство его двоякое; оно едино въ томъ смыслѣ, что становится плодотворнымъ лишь съ того момента, когда оно перестаетъ опираться на индивидуальныя впечатлѣнія или идеи, выбирая для своего основанія наиболѣе прочныя и устойчивыя пріобрѣтенія нравственности; и въ этомъ отношеніи оно по своимъ тенденціямъ реалистично и подчинено вліянію традицій. Но оно несетъ въ себѣ еще другой видъ единства, единство идеальное; оно представляетъ собою дѣйствіе, въ полномъ значеніи этого слова лишь тогда, если въ процессѣ своего совершенія оно стремится создать болѣе богатый, болѣе ясный, а, слѣдовательно, и болѣе долговѣчный синтезъ, нежели тотъ, который ранѣе могъ быть образованъ либо мыслью, либо производимымъ привычкой притупленіемъ противорѣчій прошлаго, и упрочить нѣкоторыя традиціонныя правила; при этихъ условіяхъ оно дѣлаетъ возможнымъ моральный прогрессъ и даетъ ему начало.

Но дѣйствіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ различія; оно живетъ противоположностями; оно опирается на чувство или на идею неудовлетворенности настоящимъ въ моральномъ смыслѣ; оно предполагаетъ желаніе перемѣны, которое каждая мысль опредѣляетъ согласно своимъ собственнымъ тенденціямъ; подъ коллективными постоянными нравственности оно постоянно открываетъ индивидуальныя перемѣнныя, вступаетъ въ связь то съ одной, то съ другой изъ нихъ, совершенствуетъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности, чтобы подготовить истину болѣе полную и болѣе понятную. Только противоположности, и противоположности вполнѣ опредѣленныя, могутъ служить постояннымъ побужденіемъ къ дѣйствію.

Моральный прогрессъ неизмѣнно торжествуетъ надъ установившимися противоположностями; но и изъ того синтеза, котораго намъ удастся добиться, изъ осуществленнаго единства въ свою очередь возникнутъ новыя противоположности, которыя будутъ толкать моральную мысль все дальше и дальше впередъ.

Итакъ, съ одной стороны, моральное единство, понимаемое въ своемъ абсолютномъ значеніи,—химера; искать его въ этой формѣ, это значитъ неправильно ставить проблему: это понятіе совершеннаго и окончательнаго моральнаго единства, полнаго умиротворенія происходитъ отъ традиціи, то есть, отъ моральнаго чувства, суженнаго привычкой, или же еще больше отъ того абсолютнаго довѣрія, которое имѣетъ къ самой себѣ отвлеченная мысль, а это опять-таки не что иное, какъ пережитокъ привычки, желаніе неподвижности, ведущее свое происхожденіе отъ приверженности къ традиціи. Моральное единство можетъ быть лишь единствомъ образованія; оно является результатомъ усилій, направленныхъ къ тому, чтобы привести въ совпаденіе противоположныя идеи.

Съ другой стороны, моральная анархія также не рѣшеніе; она не отвѣчаетъ условіямъ моральной проблемы; явившаяся результатомъ естественнаго и медленнаго разложенія традицій, обобщенная противоположностями, возникающими среди индивидуальныхъ стремленій, когда они кристаллизуются въ теоріи и системы, она можетъ продолжать свое существо-

ваніе лишь до тѣхъ поръ, пока все вниманіе будетъ обращаться на внѣшнія стороны мысли, пока мы будемъ чувствовать больше привязанности къ условнымъ и измѣнчивымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ къ дѣйствительно твердой основѣ жизни и дѣйствія.

Поэтому, если мы хотимъ избѣжать затрудненія, то должны прямо возвратиться къ дѣйствію и ясно увидѣть, что дѣйствіе—прямая противоположность абсолюта; что оно живетъ и возобновляется противоположностями, но что оно ослабляется, гибнетъ, если противоположности становятся абсолютными; что оно заключаетъ въ себѣ общій первоначальный матеріалъ и совпаденіе для безчисленнаго множества усилій, но что оно останавливается и становится невозможнымъ, лишь только его хотятъ подчинить законченному единству.

Какъ сложно это равновѣсіе, скажете вы! Какъ трудно прійти къ нему, какъ утомительно держаться въ немъ! Чтобы достигнуть этого, пожалуй, надо быть больше, чѣмъ человѣкомъ? Я этого не думаю.

Во всемъ этомъ пугаетъ насъ то, что у насъ нѣтъ ни достаточно привычки, ни яснаго пониманія смысла дѣйствія; мы подготовлены исключительно къ жизни чувства, восхищенія или размышленія, анализа, и для насъ очень трудно, не то, чтобы подняться настолько высоко, чтобы охватить взоромъ то, что мы можемъ видѣть лишь послѣдовательно, по частямъ, но скорѣе отдать себѣ отчетъ, что идя просто, не мудрствуя лукаво впередъ, мы осуществляемъ этотъ синтезъ, представляющій собою твореніе самой жизни, дѣйствіе каждаго мгновенія.

Когда мы замѣчаемъ высшую правду дѣйствія, намъ кажется, что мы должны подняться очень высоко, что мы предпринимаемъ опасное восхожденіе, что мы открываемъ неизвѣстное чудо, и мы спѣшимъ показать его всѣмъ. Мы жили взаперти въ нашемъ нѣсколько условномъ восхищеніи и въ нашихъ отчасти искусственныхъ теоріяхъ: и вотъ, при соприкосновеніи съ тѣмъ или инымъ жизненнымъ обстоятельствомъ, мы замѣчаемъ, что есть нѣчто выше всего этого: дѣйствіе. Преисполненные добрыхъ намѣреній, мы начинаемъ дѣйствовать или, вѣрнѣе, суетиться, по пріобрѣтенной привычкѣ. Иногда мы походимъ на статистовъ, которые кричатъ: идемъ! идемъ! и дѣлаютъ при этомъ тѣлодвиженія, не заканчивая ихъ. Однако, мы должны помнить, чтъ здѣсь мы уже не на сценѣ, и что невѣрное движеніе можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія, которыхъ мы не предвидѣли.

Конечно, мы никогда не можемъ сказать, что у насъ достаточно дѣйствія; и каждый разъ, когда новый обращенный спускается съ небесъ чистаго чувства и чистой идеи къ жизни, мы должны восклицать: тѣмъ лучше, однимъ больше! Но не будемъ настолько смѣшными, чтобы думать, будто мы открыли дѣйствіе, когда мы съ большимъ трудомъ начинаемъ производить сложныя движенія, которыми хотимъ заполнить весь міръ. Мы открыли, быть-можетъ, дѣйствіе для самихъ себя и то не безъ труда. Но сколько людей всегда примѣняли его на дѣлѣ, не видя въ немъ такихъ трудностей и принимаясь за него прямо, умѣли управлять имъ и дѣлать его плодотворнымъ. Это тѣ люди, которые, съ момента своего вступленія въ зрѣлый возрастъ, видѣли въ исполняемыхъ ими обязанностяхъ обязанности общественныя, которые старались исполнять ихъ по мѣрѣ своихъ силъ, опредѣляя то, что нужно дѣлать, говоря во всеуслышаніе то, что они думаютъ, и говоря это безъ гнѣва, съ спокойствіемъ людей, увѣренныхъ въ томъ, что они говорятъ, потому что они сами продѣлали это и, слѣдовательно, уяснили себѣ вполнѣ; они исправляютъ ошибки, никогда не впадаютъ въ уныніе передъ злой волей, и тѣмъ легче избѣгаютъ по-

лезныхъ столкновеній и неразрѣшимыхъ противорѣчій, что они болѣе другихъ увѣрены въ своей правотѣ и нисколько не стѣсняются говорить передъ кѣмъ бы то ни было, что дурно и что хорошо.

Для этихъ людей дѣйствіе—дѣло вполнѣ естественное и безконечное; оно состоитъ не въ томъ, чтобы суетиться на общественной сценѣ и провозглашать предъ цѣлымъ міромъ всѣ проблемы, какъ извѣстныя, такъ и неизвѣстныя; но въ томъ, чтобы, во-первыхъ, точно опредѣлить ихъ, а затѣмъ, чтобы сохранить общія условія согласія и соціальнаго мира, внѣ которыхъ нѣтъ добра и ни одинъ вопросъ не разрѣшается согласно съ истиной; слѣдовательно, чтобы упорно сопротивляться всему тому, что ведетъ къ нарушенію спокойствія, которое составляетъ первое условіе всякаго полезнаго дѣйствія.

Дѣятельность этихъ людей, безъ сомнѣнія, не шумливая; она скрывается отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя; но она единственно плодотворная, потому что она одна соединяетъ въ себѣ всѣ условія полезнаго дѣйствія; постоянное обращеніе къ противорѣчіямъ и постоянное приведеніе ихъ къ единству высшей правды.

И если мы хотимъ знать, гдѣ пребываетъ миръ и моральное единство, то намъ достаточно обратиться къ примѣру этихъ людей. Они осуществляютъ ихъ безъ труда въ своей средѣ, въ единственной доступной для нихъ, относительной формѣ.

Моральное единство—это не однообразіе ни въ мирѣ, ни въ противоположностяхъ. Оно состоитъ прежде всего въ отдѣленіи всего, что вошло въ общій моральный кодексъ и о чемъ нѣтъ рѣчи, и въ точномъ разграниченіи субъектовъ, чтобы не судить обо всѣхъ по какому-нибудь одному. Первая гарантія мира и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствія состоитъ въ томъ, чтобы провести согласіе возможно дальше: поступая такъ, мы замѣчаемъ обыкновенно, что въ каждый моментъ мы гораздо меньше отдѣлены одинъ отъ другого, чѣмъ раньше предполагали.

Принявъ эти предосторожности, мы можемъ свободно взяться рѣшительно за все, что насъ раздѣляетъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы были твердо намѣрены не оскорблять другихъ ради удовольствія, а достигнуть поставленной цѣли, чтобы идеи наши выражались мирно, а не воинственно и чтобы, останавливаясь, мы отдѣляли то, что дало намъ обсужденіе, для умноженія тѣхъ, что насъ соединяетъ, оставляя прочее для будущихъ споровъ.

И между противниками, уважающими, такимъ образомъ, другъ друга, истинное моральное единство, не исключающее наилучшаго, конечно, вполнѣ осуществлено.

Если попытка наша, которую мы дѣлаемъ здѣсь, хороша, то, объединяя въ одно дѣло моральнаго дѣйствія самыя различныя мысли, она не можетъ не быть одушевленной этимъ духомъ.

Но сама по себѣ, будучи довольно новой въ средѣ моралистовъ, она не представляетъ собою, повторяю, какого-либо изобрѣтенія. Я вижу въ ней скорѣе подражаніе тому, что дѣлаетъ безсознательно большинство изъ насъ, серьезно обсуждая важный и точный предметъ, обобщеніе того, что мы дѣлаемъ всегда, когда, не видя неразрѣшимыхъ трудностей, ощущаемъ настоящую потребность въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, она составляетъ полную противоположность тщетной суетливости, желаній дѣйствовать, остающихся одними только желаніями; она проникнута той великой, единственной вполнѣ примирительной идеей, что если все исходитъ отъ дѣйствія, то все, въ свою очередь, должно приводить къ возвышенію его.

Условія моральнаго мира это вмѣстѣ съ тѣмъ условія простѣйшей

жизни; это всегда относительный, вѣчно измѣнчивый идеальный синтезъ чувства и идеи, традиціи и прогресса, прошлаго и будущаго, природы и человѣка; синтезъ этотъ мы приводимъ въ осуществленіе, когда, не довольствуясь сознаніемъ цѣнности дѣйствія или его опредѣленіемъ, мы дѣлаемъ больше, нѣчто болѣе истинное и болѣе скромное, когда мы дѣйствуемъ. Чувство, размышленіе прежде всего должны стать средствами, орудіями дѣйствія, но если они являются необходимыми вспомогательными средствами для того, кто дѣлаетъ изъ дѣйствія вѣчно подвижный матеріалъ и объектъ, то они не могутъ замѣнить дѣйствія; они не могутъ произвести его тамъ, гдѣ ихъ не употребляетъ для этого духъ. Поэтому, прежде всего необходимъ, въ неограниченной степени, духъ дѣйствія. Если мы обладаемъ имъ вполнѣ, то мы съ избыткомъ пріобрѣтемъ и моральный миръ.

IV.

Какъ оріентироваться въ нравственныхъ понятіяхъ нашей эпохи?

(Пасторъ Вагнеръ).

Во всякомъ обществѣ есть масса людей, которые остановились, не ждутъ больше ничего, не надѣются уже ни на что и, поглощенные въ свои наслажденія или обремененные своими заботами, живутъ, какъ придется, изо дня въ день.

Одни изъ этихъ людей, не глядящихъ уже въ будущее, говорятъ: «послѣ насъ хоть потопъ!» Для другихъ, потопъ уже наступилъ и поглотилъ ихъ. Имя имъ легіонъ. Вопросъ, подобный тому, о которомъ пойдетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, ихъ интересовать не можетъ.

Но существуетъ другой элементъ, численно болѣе слабый, но болѣе интересный своими влеченіями и горячо волнуемый вопросами будущаго. Онъ думаетъ, что міръ созданъ для продолжительнаго существованія. Онъ не удовлетворенъ, но и не пришелъ въ отчаяніе. Онъ считаетъ своимъ долгомъ не только думать о завтрашнемъ днѣ, но и подготовлять его.

Къ этому-то элементу и обращаемся мы.

Тотъ, кто глядитъ въ будущее, озабоченъ нашимъ нравственнымъ состояніемъ. Онъ открываетъ въ насъ неувѣренность въ руководящихъ принципахъ поведенія; нерѣшительность и растерянность въ сужденіи и въ дѣйствіи; однимъ словомъ, отсутствіе опредѣленности, многочисленные признаки котораго обнаруживаются въ частной жизни.

Эта растерянность, эта безпорядочность проявляются не только среди толпы, но, что еще тревожнѣе, и среди тѣхъ, которые по положенію своему должны указывать направленіе.

Наше нравственное состояніе имѣетъ довольно много сходства съ тѣмъ, которое охватываетъ солдатъ, попавшихъ во время похода въ сомнительную мѣстность. Въ воздухѣ носится нерѣшительность. Солдаты смотрятъ на начальникв, а начальники переглядываются между собою. Гдѣ мы? Не заблудились ли мы? Не лучше ли повернуть назадъ?

Гдѣ та неподвижная точка, по которой въ настоящее время человѣкъ могъ бы направлять свой путь, точка, подобная Сѣверу, отмѣчаемому звѣздой на небосклонѣ и компасомъ среди темныхъ ночей?

Вотъ о чемъ мы спрашиваемъ, и не безъ страха. Какъ всѣмъ, кто ищетъ пути или находится въ сомнѣніи, намъ приходится выслушивать людей, подающихъ совѣты. Многіе изъ нихъ согласно повторяютъ намъ

одно и то же. Ихъ мнѣніе и ихъ единодушіе производятъ впечатлѣніе на тѣхъ изъ насъ, которые нѣсколько склонны къ смущенію. Вотъ что заявляютъ они.

«Недугъ, которымъ вы страдаете, обязанъ своимъ происхожденіемъ современному порядку, въ корнѣ разрушающему всякую устойчивость. Порядокъ этотъ, характеризуемый свободой изслѣдованія и свободой обсужденія, далъ, какъ результатъ, потерю всякой увѣренности и крушеніе всѣхъ опорныхъ точекъ.

Въ философіи, онъ разбилъ даже тѣ рамки, въ которыхъ двигалась мысль нашихъ предковъ.

Въ религіи, онъ разрушилъ самыя священныя вѣрованія. Въ соціальной области, онъ расшатываетъ всѣ достигнутыя положенія и ставитъ подъ сомнѣнія самыя старинныя соглашенія.

Въ нравственности, онъ уничтожилъ всѣ тормазы, всѣ мудрыя границы, которыми вѣрившее въ авторитетъ прошлое сдерживало страсти; онъ разрушилъ руководящіе принципы человѣческаго поведенія».

Наконецъ, мнѣ приходитъ на память множество заявленій въ родѣ слѣдующаго: «Потребность въ сильномъ и постоянномъ авторитетѣ въ настоящее время преобладаетъ надъ всѣмъ. Наше время стремится установить или возстановить его; оно стремится къ нему такъ же, какъ потерпѣвшій крушеніе стремится выйти на твердую землю. Нуженъ твердый авторитетъ и при томъ такой, который могъ бы заставить уважать себя. Современный умъ лишенъ подобнаго авторитета. Задачи, выдвинутыя событіями и занимающія наше сознаніе, неразрѣшимы либеральнымъ методомъ. Умъ нашъ представляетъ синонимъ безпорядка и полнѣйшей путаницы. Авторитарный *) методъ обезпечилъ бы не только легкое, но и изящное разрѣшеніе этихъ задачъ».

Вотъ каковъ совѣтъ. Надо признаться, что онъ подкупаетъ своей простотой. Но чего стоитъ онъ?

Людямъ, уставшимъ отъ извѣстнаго положенія вещей, свойственно охотно рѣшаться на перемѣну. Измѣнить положеніе—это значитъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлать шагъ къ лучшему.

Не будемъ поддаваться столь ребяческимъ побужденіямъ. Станемъ лицомъ къ лицу съ задачей. Подвергнемъ ее той независимой критикѣ, которую обвиняютъ во всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ, но которую, по моему, вполнѣ полезно будетъ примѣнить въ этомъ вопросѣ.

Итакъ, намъ совѣтуютъ возвратиться подъ опеку, порвать съ современнымъ духомъ и съ тѣмъ, что принято называть его злополучными заблужденіями. Въ этомъ, будто бы, спасеніе.

Увѣрены ли мы вполнѣ въ этомъ? Если бы это было такъ, то нашлось бы достаточно легкое средство убѣдиться въ этомъ предварительно. Достаточно было бы узнать, какъ удался другимъ тотъ режимъ, который рекомендуютъ намъ.

Если авторитарная система способна устранить тотъ нравственный разбродъ, признаки котораго, повидимому, обнаруживаются среди насъ, то тѣ мѣста, въ которыхъ эта система процвѣтаетъ, должны быть оазисами нравственности. Со старыми вѣрованіями, съ старинными обычаями, съ политическимъ и духовнымъ абсолютизмомъ тамъ должны были сохраниться всѣ такъ называемыя древнія добродѣтели. И наоборотъ, страны, болѣе всего проникнутыя современнымъ демократическимъ и либераль-

*) Т. е. основанный на преклоненіи передъ авторитетомъ.

Прим. перев.

нымъ духомъ, представятъ явленія соціальнаго и нравственнаго разложенія, признаки глубокаго гніенія. Строгое слѣдствіе изъ подобнаго положенія вещей состояло бы въ томъ, чтобы показать намъ, что общества авторитарныя, закрытыя для того сбивающаго съ правильнаго пути прогресса, который мы пытаемся ввести у себя, что эти общества полны жизни и бодро идутъ по путямъ будущности, и что, напротивъ, тѣ общества, въ которыхъ царитъ современный духъ, парализованы своими пороками, лишены энергіи и иниціативы и приведены къ состоянію застоя и очевидной слабости въ великой жизненной борьбѣ. Это значитъ, что Турція, Испанія и нѣсколько южно-американскихъ республикъ занимали бы первое мѣсто среди всѣхъ націй; а Англія, Сѣверная Америка, Швейцарія и нѣкоторыя другія страны опустились бы на самую послѣднюю ступень, служа грознымъ предзнаменованіемъ той участи, которая ожидаетъ Францію въ близкомъ будущемъ, если она упорно будетъ итти по пути либеральнаго демократизма.

Этотъ способъ разсужденія мнѣ кажется правильнымъ; но онъ вовсе не подкрѣпляетъ того совѣта, который намъ даютъ.

Обратимся теперь къ нашимъ историческимъ воспоминаніямъ. Совпадаютъ ли необходимо эпохи высокаго нравственнаго уровня съ авторитарными эпохами? Кто могъ бы утверждать это? Не такъ давно, въ началѣ XVIII вѣка, наша старая Европа знала времена глубокой нравственной смуты. А тогда республики не существовало. Не было рѣчи ни о демократіи, ни о свободѣ, ни о свѣтскихъ школахъ. Эта нравственная смута, о которой свидѣтельствуетъ сохранившая ея слѣды непристойная литература, свила себѣ гнѣздо, главнымъ образомъ, въ самыхъ консервативныхъ кругахъ.

Въ эпоху нѣсколько болѣе отдаленную, въ концѣ XVI вѣка, въ Европѣ господствовали такіе нравы, которые грозили вырожденіемъ. Въ особенности правящіе классы были до того глубоко поражены этой язвой разложенія, что, казалось, должны были прійти къ гибели. И однако, этотъ міръ, позволявшій себѣ столь странныя выходки въ своемъ поведеніи, ревниво оберегалъ древнія рамки жизни и вѣры. Всякая попытка свободно мыслить, освободиться отъ какого-либо стараго обычая или отъ старинной повинности вызывала въ немъ отвращеніе Все это факты, вовсе не говорящіе въ пользу руководителей, предлагающихъ намъ свои услуги. Но не будемъ хвалиться этимъ. Предположимъ даже, что они вовсе не существуютъ. Наше положеніе критическое; сохранимъ соотвѣтствующее смиреніе. Намъ предлагаютъ средство исцѣленія: авторитетъ. Въ чемъ состоитъ этотъ авторитетъ?

Если я правильно понимаю, подъ этимъ понимаютъ неограниченную власть высшаго и непогрѣшимаго разрѣшенія всякихъ затрудненій. Превосходно. Гдѣ же искать намъ его, этотъ авторитетъ? Какъ создадимъ его вновь, если онъ случайно исчезнетъ?

Въ самомъ дѣлѣ, авторитетъ вѣдь пріобрѣтается и утрачивается. Какъ и все существующее, онъ подчиненъ законамъ эволюціи. Каково бы ни было вліяніе, оно не существовало всегда, и никто не можетъ надѣяться, разъ овладѣвъ имъ, сохранить его на неопредѣленное время. Идеи, люди, учрежденія пріобрѣтаютъ авторитетъ такъ же, какъ пріобрѣтается состояніе, и точно такъ же теряютъ его. То, что въ извѣстную эпоху пользуется всеобщимъ авторитетомъ и признается всѣми, ранѣе было неизвѣстно, а иногда даже и презираемо. Послѣ жизни пролетарія—простолюдина пришла достаточность, извѣстность, сытое существованіе буржуа-домовладѣльца, а затѣмъ дворянство, высшія почести. Когда же вер-

шина была достигнута, то, по закону всего существующаго, снова начался спускъ подъ гору.

Авторитетъ, подобный тому, о которомъ намъ говорятъ, существовалъ въ свое время вездѣ. Гдѣ онъ среди насъ теперь? Достаточно ли облечь имъ человѣка или общественную группу, чтобы онъ сталъ живымъ и дѣйствительнымъ фактомъ? Внимательно изучая его, можно открыть въ немъ двойной базисъ. Онъ покоится на вѣрѣ того, кто имъ пользуется, и на вѣрѣ людей, принимающихъ его. Чтобы итти не спотыкаясь, внушать уваженіе, побѣждать препятствіе, сокрушать сопротивленія, чтобы умѣло владѣть двойною властью матеріальнаго и духовнаго господства, авторитетъ долженъ быть увѣренъ въ самомъ себѣ, въ своей высшей сущности и въ то же время долженъ глубоко корениться въ сердцахъ, подчиняющихся ему, и составлять первый и послѣдній членъ ихъ символа вѣры, самую сущность ихъ мысли.

Мы можемъ возстановить образъ этого авторитета при помощи памяти. Онъ былъ и болѣе уже не существуетъ.

Его двойная основа разрушена. Никто въ него уже не вѣритъ: ни тѣ, кто испытываетъ на себѣ его дѣйствіе, ни тѣ, кто пытается вернуть ему его преобладающее вліяніе. Вотъ доказательство этого:

Истинный авторитетъ, отъ котораго мы встрѣчаемъ остатки, похожіе на скелеты гигантскихъ допотопныхъ млекопитающихся, проявлялся подобно природной силѣ. Онъ проходилъ, словно волна или ураганъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, никого не привѣтствуя, въ спокойной увѣренности своего превосходства. Ему довольно было показаться, чтобы пріобрѣсти власть. *Quia nominor leo* (ибо имя мое—левъ), въ этомъ было вся его мудрость.

Теперь дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Онъ не вѣритъ болѣе въ самого себя, и чувство собственнаго ничтожества снѣдаетъ его. Подъ самонадѣянностью его заявленій сквозитъ полнѣйшая неувѣренность.

Если бы его власть равнялась его притязаніямъ, то развѣ бы онъ искалъ, какъ мы это видимъ, одно за другимъ столько вспомогательныхъ средствъ, развѣ онъ заключалъ бы столько союзовъ и притомъ въ большинствѣ случаевъ союзовъ для него унизительныхъ, развѣ онъ прибѣгалъ бы къ хитрости, къ подкупу, развѣ онъ обращался бы къ самымъ низменнымъ страстямъ и интересамъ, наконецъ, развѣ онъ соглашался бы на какія-угодно уступки, лишь бы только ему позволили существовать? Этотъ гордый авторитетъ, который нѣкогда входилъ лишь въ настежъ растворенныя двери, шелъ лишь по царственнымъ путямъ, теперь не выбираетъ уже дорогъ: нѣтъ ни одной подворотни, ни одной обходной тропинки, по которой онъ не влачилъ бы въ наши дни остатковъ своего былого величія.

Когда онъ можетъ обезпечить себѣ содѣйствіе со стороны Силы, онъ ликуетъ и воображаетъ, что принужденіемъ онъ сможетъ добиться того, на что не соглашаются уже ни по влеченію, ни подъ вліяніемъ убѣжденія, и онъ вводитъ насъ въ обманъ. Многіе изъ нашихъ современниковъ дали, дѣйствительно, ввести себя въ обманъ такимъ грубымъ пріемомъ. Они смѣшиваютъ авторитетъ съ силою, и страхъ для нихъ замѣняетъ вѣру. Но это признакъ низменной души и жалкаго ослѣпленія.

Для тѣхъ, кто не слѣпъ, авторитетъ, который нуждается въ силѣ для того, чтобы заставить признавать себя, тѣмъ самымъ выдаетъ себя самому краснорѣчивое свидѣтельство о бѣдности. Въ этомъ случаѣ онъ уже не что иное, какъ тираннія, эта отвратительнѣйшая форма власти. Древніе называли его выразительнымъ словомъ: безсиліе.

Существуетъ формула, имѣвшая первостепенное значеніе въ наше

время. Она стала какъ бы девизомъ авторитарнаго духа: «*Сила подавляетъ Право*» *). Нѣкоторые видѣли въ этой формулѣ, воздвигнутой, какъ памятникъ реакціи въ срединѣ XIX вѣка, печальный символъ пораженій духа. Увы! они правы въ томъ смыслѣ, что милліоны и милліоны существъ повергались въ прахъ передъ подобнымъ заявленіемъ и изъ людей, рожденныхъ для свободы, превратились въ поклонниковъ силы.

И однако, формула эта—*признаніе*. Для того, чтобы авторитетъ оставался за Силой, Сила должна быть слѣпа и глуха, безразсудна и безчувственна. Но когда глаза ея раскрываются, когда она замѣчаетъ передъ собою нѣчто новое и поразительное, Право, безоружное Право, и идетъ на своего противника, называя его, крича ему:.. «*Я сильнѣе тебя*», въ этотъ моментъ она встрѣтила и привѣтствовала своего господина.

И Сила это хорошо чувствуетъ. Именно для того, чтобы забыться самой, она не перестаетъ внушать своимъ рабамъ свой лживый девизъ. Но она не вѣритъ въ него. И въ этомъ одно изъ лучшихъ доказательствъ того, какъ полно наше время странностями и противорѣчіями.

Никогда, ни въ одну эпоху, не имѣла Сила въ своемъ распоряженіи столь страшнаго орудія. Наука вложила въ ея руки снаряды, передъ которыми всѣ прежнія оружія — дѣтскія игрушки. Но она уже лишь тѣнь самой себя и походитъ на тѣхъ старыхъ воякъ, которые не въ силахъ болѣе поднять своего оружія. Сила стыдится себя, кто не видитъ этого? Она не можетъ обойтись безъ того самаго Права, которому, какъ мы видимъ, она передъ лицомъ всего свѣта, бросаетъ вызовъ. Она подыскиваетъ извиненія, подходящіе мотивы, ищетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи. Когда она предоставлена самой себѣ, ее охватываетъ страхъ. Страхъ передъ чѣмъ? Передъ тѣмъ, что невидимо и не осязаемо, чего нельзя ни разстрѣлять, ни зарубить, ни стереть съ лица земли, ни заключить въ тюрьму, передъ тѣмъ могуществомъ, противъ котораго сила недѣйствительна: она боится духа. Всякое физическое могущество въ наши дни чувствуетъ, что его авторитетъ подорванъ. Воли къ насиліямъ у него достаточно. Оно охотно раздавило бы всѣхъ, кто ему противорѣчитъ, разрубило бы гордіевъ узелъ, бросило бы мечъ на чашку вѣсовъ, но предварительно оно пытается заставить повѣрить, что оно имѣетъ право дѣйствовать такимъ образомъ; ибо оно хорошо знаетъ, и каждый день подтверждаетъ это, что удары авторитета, опирающіеся на одну лишь силу, всегда приводятъ къ пораженіямъ. Вотъ что представляетъ собою авторитетъ въ его грубой формѣ. И тѣмъ, кто видитъ въ немъ спасеніе, мы можемъ сказать: вашъ спаситель значительно потерялъ свою силу. Къ нему можно было бы примѣнить изреченіе: «врачу, исцѣлися самъ». Если бы у насъ былъ только онъ одинъ, чтобы излѣчить насъ отъ того недуга, которымъ мы страдаемъ, мы бы погибли. Грубый авторитетъ по существу своему безнравственъ и не можетъ создавать нравственности. Онъ годится для того, чтобы создавать рабскіе нравы. Но, воспитывая слѣпую покорность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно подготовляетъ для себя въ скоромъ времени возстанія рабовъ, еще болѣе слѣпыя, чѣмъ ихъ покорность.

Но перейдемъ къ авторитету въ его благородной формѣ, къ авторитету духовному, къ тому, что называютъ властью надъ умами.

Чтобы навязать неизмѣнное міропониманіе, древній авторитетъ окружалъ себя категорическими утвержденіями. Онъ заключался въ книгѣ, въ преданіи или въ группѣ людей. Имъ вѣрили на слово. Иногда

---

*) Слова Бисмарка: «*Сила выше права*». *Ред.*

они подкрѣпляли свои заявленія тѣмъ, что приводили въ подтвержденіе чудеса.

Не говоря о злоупотребленіяхъ этимъ авторитетомъ, такъ какъ злоупотребленіе ничего не показываетъ противъ пользованія ими, я напомню только тѣ пріемы, которые онъ употребляетъ, когда пытается теперь оказывать дѣйствительное вліяніе на умы. Сразу же меня поражаетъ одно обстоятельство. Наиболѣе почтенные изъ тѣхъ, кто пользуется подобнымъ видомъ авторитета, освященнаго возрастомъ и уваженіемъ, стараются оправдаться передъ мнѣніемъ тѣхъ, къ которымъ они обращаются. Они не довольствуются простыми утвержденіями, они входятъ въ обсужденіе, приводятъ аргументы. Они не отказываются ни отъ своихъ притязаній, ни отъ своихъ чудесъ. Но вмѣсто того, чтобы, какъ въ былое время, основывать свои разсужденія на этихъ притязаніяхъ и на этихъ чудесахъ, они пытаются обосновать эти послѣднія разсужденіемъ. Они хорошо чувствуютъ, что то, что нѣкогда служило доказательствомъ, нынѣ должно быть прежде всего доказано. Обсуждая это знаменательное явленіе, приходится вывести слѣдующее заключеніе:

Мы имѣемъ здѣсь передъ собою авторитетъ, авторитетъ разума, передъ которымъ старается оправдаться поочередно все то, что пользовалось авторитетомъ въ духовномъ мірѣ. Но развѣ это не единственный авторитетъ, признаваемый современнымъ разумомъ въ томъ, что у него есть самаго возвышеннаго? Итакъ, силою вещей, оказывается, что этотъ авторитетъ медленно развѣнчалъ всѣ прочіе. Волей неволей приходятъ они теперь къ нему за утвержденіемъ. Дѣйствительно прочнымъ останется у нихъ лишь то, что они будутъ въ состояніи оправдать передъ нимъ. Такимъ образомъ, мы присутствуемъ при необыкновенной, величественной борьбѣ: съ одной стороны, передающееся на всѣ области идеи и факта авторитарное давленіе, проявленія котораго наполняютъ собою весь видимый міръ, съ другой стороны, медленное, но глубокое разрушеніе самаго принципа внѣшняго авторитета, производимое прогрессомъ принципа авторитета внутренняго.

Я спрашиваю теперь тѣхъ, кто подаетъ совѣты, подобные только что упомянутому: какъ можете вы рекомендовать намъ пережившій себя родъ авторитета? предлагать намъ то, что болѣе не существуетъ и убѣждать насъ отбросить, какъ недостойное и опасное орудіе, единственную вещь въ мірѣ, которая осталась непоколебленной, и безъ которой не можетъ обойтись никто, даже вы?

О, безъ сомнѣнія, намъ нужна точка опоры, чтобы разобраться и выйти изъ состоянія анархіи; но эта точка опоры въ разумѣ и въ совѣсти, этихъ вѣчныхъ источникахъ и нормахъ всякаго прочнаго авторитета, основахъ человѣческаго духа, краеугольныхъ камняхъ современнаго идеала.

Когда намъ говорятъ, что этотъ идеалъ завелъ насъ въ болото, подобно блуждающему огоньку, намъ дѣлаютъ слишкомъ много чести. Насъ считаютъ при этомъ людьми, которые слѣдуютъ ему и сообразуютъ съ нимъ свои поступки.

Такъ ли это дѣйствительно? Я думаю скорѣе, что нѣтъ. Была ли когда-нибудь эпоха, стоявшая въ болѣе рѣзкомъ противорѣчіи со своими принципами, нежели наша?

Развѣ демократія, свобода, элементарные законы разума и справедливости вошли въ число нашихъ обычныхъ правилъ? Кто осмѣлился бы утверждать это? Не достаточно ли обрисовать въ главныхъ чертахъ современный идеалъ, чтобы знать, въ какихъ пунктахъ онъ расходится съ нашимъ образомъ дѣйствія? Этотъ идеалъ, который въ области мысли, какъ

и въ области дѣйствія, могъ бы быть опредѣленъ однимъ лишь словомъ: *Справедливость*.

Нѣтъ, бѣда наша не въ томъ, что мы отбросили устарѣлую форму авторитета; и я подозрѣваю, что тѣ, кто ссылается на нее и предлагаетъ ее намъ, желаютъ ее больше для того, чтобы обуздать своихъ противниковъ, чѣмъ для того, чтобы найти въ ней узду для самихъ себя.

Бѣда наша въ томъ, что мы измѣнили собственнымъ нашимъ принципамъ. Всѣ недуги, которыми страдаетъ современная жизнь, происходятъ отъ нарушенія того или другого простого, но глубокаго закона. Насъ губятъ наша лживость, наше лицемѣріе, наша невоздержность, наши слишкомъ поспѣшныя заключенія, наше злоупотребленіе свободой, забвеніе законовъ солидарности, поруганіе правъ личности или игнорированіе общаго интереса надъ всѣмъ этимъ—недостатокъ твердости, который происходитъ отъ того, что мы покинули вѣрный путь разума и совѣсти и пошли по извилистымъ и неопредѣленнымъ тропинкамъ мимолетныхъ страстей, низшихъ инстинктовъ. Съ нами случилось то же, что бываетъ съ судами безъ балласта: они плохо держатся въ морѣ и теряютъ равновѣсіе при первомъ напорѣ волны. Конечно, мы шли дурными путями, мы должны поставить себѣ цѣль и преслѣдовать ее настойчиво, но поворотъ, котораго требуетъ положеніе, не тотъ, котораго ожидаютъ отъ насъ поборники авторитета стараго стиля: поворотъ этотъ другой, и они нуждаются въ немъ такъ же сильно, какъ и мы сами, это поворотъ къ разуму и совѣсти, поворотъ къ законамъ истинной жизни.

Говоря о *разумѣ и совѣсти*, какъ о надежныхъ отправныхъ пунктахъ для внушенія поведенія и руководства имъ, нужно ожидать серьезныхъ возраженій, требующихъ всего нашего вниманія.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ возраженій: «Чтобы оріентироваться, нужна неподвижная точка отправленія. Ее можно найти во внѣшнемъ авторитетѣ, но ни въ коемъ случаѣ не въ себѣ. Личность слишкомъ подвержена измѣненіямъ и не способна служить проводникомъ для себя самой. Ея неувѣренный шагъ нуждается въ поддержкѣ извнѣ. Подобно человѣку, который шатается или теряетъ равновѣсіе, она инстинктивно хватается рукой за внѣшнюю точку опоры. Она чувствуетъ, что спасеніе не въ ней, и она тысячу разъ права. Оріентироваться по личному разуму—это значитъ оріентироваться по флюгеру».

Таково ходячее мнѣніе. Къ этому любятъ прибавлять: «Разумъ—узкій и пристрастный судья каждаго, непостоянный, капризный и слабый, какъ онъ самъ». Возраженіе это, надо признаться, сильное. Оно заключаетъ въ себѣ лишь ту ошибку, что несправедливо прилагаетъ къ разуму и его цѣнности общее сужденіе.

Ничто такъ сильно не отличается отъ разума, какъ то, что критикуютъ здѣсь передъ нами подъ этимъ именемъ. Между этими вещами столько же соотвѣтствія, какъ между созвѣздіемъ Большой Медвѣдицы и самкой четвероногаго того же названія.

— Нужно, слѣдовательно объясниться, чтобы устранить недоразумѣнія.

Разумъ—не то, что человѣкъ думаетъ, потому что желаетъ такъ думать, послѣ удачныхъ предварительныхъ размышленій и комбинацій: это скорѣе нѣчто въ родѣ жонглированія своей способностью сужденія, выдѣлыванія ею акробатическихъ фокусовъ. Разумъ же это — то, чего нельзя заставить себя не думать, независимо отъ себя, передъ лицомъ факта, будетъ ли этотъ фактъ за или противъ насъ.

Разумъ, далѣе, не только логическая способность, интеллектъ: это—

совокупность всѣхъ свѣточей, находящихся въ распоряженіи человѣка, вся сумма его средствъ познанія. Видѣть разумъ лишь въ томъ, что доказуемо извѣстнымъ, математическимъ или механическимъ способомъ, это значитъ произвольно ограничивать всю его область одной изъ ея частей. Вѣдь есть превосходныя основанія допускать, что міръ обширнѣе того, что въ немъ видимъ и воспринимаемъ. Слѣдовательно, чувство таинственнаго представляетъ собою одно изъ проявленій разума, который предвидитъ и предчувствуетъ то, что переходитъ за его предѣлы.

Разуму ставится также въ упрекъ то, что онъ слишкомъ индивидуалистиченъ, способствуетъ разобщенію, и въ видѣ примѣра приводятъ резонеровъ, которые спорятъ и изыскиваютъ всевозможныя тонкости, всякій разъ, какъ имъ предлагаютъ преклониться передъ общимъ закономъ.

На это нужно отвѣтить, что если кто дѣлаетъ изъ своего разума также употребленіе, которое изолируетъ, выдѣляетъ его, дѣлаетъ его неспособнымъ къ дисциплинѣ, то виноватъ онъ, а не разумъ. Ибо разумъ не индивидуальная сила. Человѣкъ—не господинъ надъ нимъ, хотя и носитъ его въ себѣ. Онъ составляетъ не его личную, а общую собственность. Онъ не образуетъ узкой и ненавистной опоры индивидуализма низшаго разбора, по существу своему сектантскаго, направленнаго къ исключительности и эгоизму. Напротивъ, онъ составляетъ самую широкую основу для соглашеній, какую только можно установить. Слѣдуя ей, люди становятся выше почти всего того, что ихъ раздѣляетъ.

Бѣдный разумъ! Въ какихъ только преступленіяхъ его не обвиняли? Какъ на него нападаютъ, какъ его осмѣиваютъ въ настоящее время! Всякій бросаетъ въ него камень. То же нужно сказать и о совѣсти, этой моральной формѣ разума. Для нѣкоторыхъ, имѣть совѣсть это значитъ быть бунтовщикомъ, обратиться въ постороннее тѣло въ обществѣ. Насъ предупреждаютъ не довѣрять совѣсти, какъ капризному и пристрастному совѣтнику.

Совѣсть, слышимъ мы, да вѣдь это такая вещь, которая меньше всего въ мірѣ создана для того, чтобы руководить нами. Это почти всегда сомнительное и пристрастное мнѣніе каждаго о своихъ поступкахъ. Это его соучастница, жалкій прирученный фетишъ, раболѣпный оракулъ, постоянно оправдывающій своего господина.

Какъ мало всѣ эти нападки попадаютъ въ цѣль!

Совѣсть это не то легкомысленное мнѣніе, которое намъ случается формулировать и часто приноравливать ко вкусу другихъ, это не та растяжимая норма, которую мы прилагаемъ по нашему желанію. Напротивъ, это судъ, который выше насъ и которому мы подлежимъ, независимо отъ нашей воли. Такъ, одинъ только-что смылъ съ себя обвиненіе и увѣрилъ другихъ въ своей невинности, отлично зная, что онъ лжетъ; но, оставшись наединѣ съ самимъ собой, онъ слышитъ голосъ, называющій его лжецомъ.

Другой оскорбляетъ и обвиняетъ публично человѣка, котораго ему выгодно загрязнить, и тѣ, кто его слышитъ, вѣрятъ ему на слово. Одинъ лишь онъ не вѣритъ ни единому слову изъ того, что онъ говоритъ, такъ какъ онъ не можетъ вѣрить. Его совѣсть преклоняется передъ тѣмъ, кого онъ старается обезчестить. Нѣтъ, совѣсть не въ нашемъ распоряженіи, она господствуетъ надъ нами.

Если разумъ—фактъ, который я не могу отрицать, то совѣсть это—судъ, которому я скорѣе подлежу самъ, чѣмъ творю его. И тотъ и другая одинаково находятся на самой глубинѣ нашего существа и не зависятъ отъ насъ.

Разумъ и совѣсть составляютъ то, что есть въ индивидѣ свободнаго

отъ личнаго характера, самаго всеобщаго и истинно-объективнаго, въ точномъ смыслѣ этого послѣдняго слова.

Наконецъ, если мы не хотимъ слѣдовать имъ, чему же будемъ мы слѣдовать тогда? Даже для того, чтобы убѣдить насъ слѣдовать другимъ путемъ, направить насъ туда, нужно было бы черезъ ихъ же посредничество. Ихъ нельзя ни развѣнчать, ни смѣстить. Такъ же легко было сдвинуть горы или сорвать съ неба звѣзды.

Стараться слѣдовать разуму это значитъ быть на пути къ истинѣ.

Стараться слѣдовать совѣсти (которая есть не что иное, какъ разумъ въ его приложеніи къ качеству нашихъ дѣйствій) это значитъ быть на пути къ справедливости.

Одинъ—правило мышленія; другая—правило дѣйствія.

Разсмотримъ ихъ послѣдовательно. Правило мышленія состоитъ въ примѣненіи всѣхъ своихъ познавательныхъ средствъ къ тому, чтобы итти отъ того, что кажется болѣе достовѣрнымъ, къ менѣе достовѣрному, не пренебрегая ни однимъ фактомъ, ни одной формой опыта; въ томъ, чтобы никогда не заключать о подробностяхъ безъ достаточныхъ мотивовъ, и, въ общемъ, избѣгать замкнутыхъ системъ, закрывающихъ доступъ всякимъ новымъ свѣдѣніямъ. Не останавливать своихъ изслѣдованій на природѣ, на человѣкѣ, ни на одномъ изъ великихъ вопросовъ, господствующихъ надъ жизнью. Не заполнять бездны безконечности и никогда не забывать, что вселенная больше, чѣмъ идея, которую мы въ состояніи составить себѣ о ней. Не открывать сообщеній съ мыслью другихъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, въ особенности съ мыслью противниковъ. Дѣйствительность имѣетъ больше видовъ, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ замѣтить. Мы созданы для того, чтобы пополнять другъ друга.—Изъ этого свободнаго, безпристрастнаго изслѣдованія вытекаютъ искреннія убѣжденія. Эти убѣжденія никогда не бываютъ исключительными. Самый методъ, какимъ они добываются, заставляетъ насъ допустить, что и другія убѣжденія могутъ пользоваться независимостью, не теряя въ искренности. Пройдя за время исканій черезъ различныя, иногда даже противоположныя состоянія духа, мы допускаемъ ихъ и у другихъ людей. Мы находимъ ихъ неизбѣжными и хорошими. Путь свободныхъ убѣжденій это—путь терпимости, этой одной изъ необходимыхъ гарантій истины, которая можетъ быть осуществлена лишь усиліями коллективнаго разума и свободными проявленіями самыхъ различныхъ стремленій

А вотъ правило дѣйствія: законъ, управляющій существомъ, вытекаетъ изъ всей его природы. Вся практическая мораль выражается такой формулой: человѣкъ долженъ быть человѣкомъ, а не мокрой курицей, лисой, змѣей, осломъ или поросенкомъ. Слѣдуя этому принципу, мы не лишимся и не поранимъ ни одной части нашего сустава; мы будемъ жить не исключительно однимъ только аппетитомъ, либо страстью, чувствомъ, умомъ, не какимъ-либо ограниченнымъ интересомъ, а гармоническимъ интересомъ ко всему тому, что въ насъ есть, чтобы каждая часть нашего существа находила тамъ свое примѣненіе и занимала опредѣленное, предназначенное ей мѣсто.

Всякое поведеніе, нарушающее человѣческое равновѣсіе, безнравственно. Нормальная, полная эволюція—вотъ истинная, хорошая жизнь.

Она не можетъ состоять въ торжествѣ личности надъ соціальнымъ тѣломъ. Ни личность, ни соціальное тѣло не существуютъ сами по себѣ: взятыя въ отдѣльности они представляютъ отвлеченность. Жизнь ихъ не знаетъ. Дѣйствительность обнаруживаетъ ихъ передъ нами въ тѣсномъ соединеніи. Ихъ интересы, слѣдовательно, связаны между собою. Вѣнецъ всего—это соціальная братская личность, разсматриваемая и воспитывае-

мая въ своемъ неразрывномъ единеніи съ цѣлымъ, которое, съ своей стороны, обращаетъ и уважаетъ себя, уважая личность.

Вотъ что представляютъ собою оба основные правила человѣка: они составляютъ вмѣстѣ одинъ и тотъ же законъ, высшій руководящій принципъ, послѣдній авторитетъ.

Попробуемъ теперь показать преимущество оріентированія по подобному методу.

Вотъ первое преимущество, спеціально относящееся къ нравственной жизни:

Одинъ изъ слабыхъ пунктовъ мнѣнія нашего времени, впрочемъ, не только нашего, но всѣхъ временъ, состоитъ въ томъ, что нравственный законъ принимается за человѣческое изобрѣтеніе, за своего рода уставъ, въ которомъ соглашеніе и произволъ играютъ большую роль. При такомъ взглядѣ на него компетенція его оказывается уже недостаточной. Кто поэтому можетъ навязывать другимъ то или другое направленіе поведенія?

Аналогичная ошибка заключается во взглядѣ на нравственный законъ, какъ на самодержавное велѣніе божественнаго монарха, соизволеніе котораго замѣняетъ собою высшій законъ.

Въ обоихъ случаяхъ нравственности не достаетъ, въ нашихъ глазахъ, прочнаго основанія. Не видно ея связи съ жизнью. Она вызываетъ въ насъ духъ критики. Мы не вполнѣ понимаемъ, почему одно требуется предпочтительно передъ другимъ. Если мы должны допустить, что то или другое хорошо потому, что оно велѣно, то всякое велѣніе, идущее свыше, хорошо, даже если бы оно на завтра повелѣвало бы противоположное тому, что приказывало наканунѣ. Что-то такое въ насъ возмущается противъ этого взгляда.

Положеніе совершенно мѣняется, если нравственность представляется намъ тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, то есть, толкованіемъ самихъ законовъ жизни, такой, какъ ее создаетъ Богъ, толкованіемъ, подвергающимся безпрерывнымъ поправкамъ, чтобы лучше отвѣчать своему предмету. Повелѣніе, руководящее нами и обязывающее насъ, не исходитъ ни отъ доброй воли одного человѣка или коллективности, ни даже отъ соизволенія какого-либо божественнаго властителя, нѣсколько чуждаго нашихъ дѣлъ,—оно вытекаетъ изъ природы вещей, изъ сущности бытія. Каждый формулированный законъ, каждое полученное повелѣніе встрѣчаетъ въ насъ свой близкій отзвукъ.

При такомъ пониманіи нравственнаго закона, онъ—не въ отвлеченности и не въ произволѣ, а въ реальномъ и необходимомъ. И въ этой формѣ онъ безконечно ближе къ намъ и несравненно сильнѣе. Не думайте, что это можетъ отнять у него его престижъ среди людей и, въ особенности, его религіозный характеръ. Для религіозной души онъ становится тѣмъ неписаннымъ закономъ, о которомъ говорятъ Софоклъ, пророки, Св. Павелъ, и который предшествуетъ всякому другому закону и превышаетъ его. Онъ является всегда новымъ, сохраняющимся во всѣхъ самыхъ различныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ, выраженіемъ вѣчно-дѣятельнаго духа, скрытаго въ глубинѣ вещей; онъ представляетъ собой безпрерывно возобновляющееся внутри насъ побужденіе жить достойнымъ насъ и его образомъ.

Въ этой формѣ, ничего не теряя въ своей силѣ, онъ теряетъ въ своей неподатливости. Онъ представляется намъ не препятствіемъ для нашего развитія, дѣйствующимъ, главнымъ образомъ, посредствомъ отрицаній, запрещеній, ограниченій, подобно тѣмъ садовникамъ-палачамъ, которые насилуютъ природу и заставляютъ деревья принимать формы гео-

метрическихъ фигуръ или животныхъ. Онъ служитъ внутреннимъ импульсомъ, толкающимъ насъ къ гармоничному развитію, къ расцвѣту.

Человѣкъ, признающій законъ авторитета, дѣйствуетъ какъ бы изъ-подъ палки, между тѣмъ какъ поступки человѣка, признающаго внутренній законъ, вполнѣ самостоятельны, ибо они исходятъ изъ центра его намѣреній. Человѣка, подчиняющагося внѣшнему авторитету, можно сравнить еще съ буксируемой баркой, съ вагономъ, который двигается лишь тогда, когда прицѣпленъ къ паровозу. Его сила не въ немъ. Можно почти сказать, что его совѣсть обитаетъ не тамъ, гдѣ онъ самъ. Неудобство такого положенія очевидно. Бываютъ моменты, когда спѣшность рѣшеній, требуемыхъ обстоятельствами, не оставляетъ времени для того, чтобы пойти справиться о мнѣніи, какъ идутъ справляться о времени по башеннымъ часамъ. Вѣрнѣе имѣть совѣсть всегда съ собой.

Этотъ родъ оріентированія по разуму и совѣсти имѣетъ еще другое преимущество, на этотъ разъ соціальное. Онъ объединяетъ намѣренія людей. Смыслъ существованія толкуется людьми различно. Моральныя системы образуютъ безконечно разнообразную форму. Если смотрѣть на всѣ эти цвѣты только съ внѣшней стороны, то кажется, будто между ними нѣтъ никакой связи. Но подобно тому, какъ между самыми несходными растеніями есть общее—корень, почва, климатъ, такъ и самыя разнородныя системы имѣютъ общія черты. Теорія открываетъ передъ нами самыя разнообразныя возможности: практическая необходимость сводитъ ихъ къ нѣсколькимъ существеннымъ и общимъ пунктамъ. Мы можемъ создавать себѣ какія-угодно идеи, иногда совершенно несходныя и даже противорѣчивыя: когда доходитъ до дѣла, мы быстро замѣчаемъ, что не такъ ужъ много есть способовъ устраиваться на практикѣ и дѣлать долговѣчное и стоющее дѣло. Условія, въ которыхъ мы прилагаемъ свои силы, средства, которыми мы работаемъ, аналогія среды и существъ возстановляютъ извѣстное единство. Разными путями мы постоянно приходимъ къ однѣмъ и тѣмъ же задачамъ, которыя нужно разрѣшить тѣми же средствами, при тѣхъ же трудностяхъ.

Различныя моральныя системы можно, пожалуй, сравнить съ дробями, весьма несходными между собою. Практика беретъ на себя дѣло приведенія ихъ къ одному знаменателю.

Оріентируясь по разуму и совѣсти, мы застрахованы отъ пренебреженія тѣми уроками единенія, которые преподаетъ жизнь; мы тщательно собираемъ ихъ, какъ многочисленные залоги мира.

Мы не попадаемъ въ категорію людей, которые, считая существующія между ними различія неустранимыми, обращаются другъ къ другу только за тѣмъ, чтобы объявить: «Между вами и нами нѣтъ ничего общаго».

Наше время страдаетъ нравственнымъ разбродомъ и соціальной раздробленностью, такъ какъ оно оріентируется по тому, что раздѣляетъ людей. Мы руководимся аппетитами и интересами, либо теоріями, пропитанными духомъ исключительности, и враждебными другъ другу вѣрованіями, представляющимися въ видѣ безчисленныхъ неприступныхъ скалъ. Въ результатѣ—дробленіе до безконечности. Дѣйствительно, интересы и аппетиты порождаютъ разногласія, а сектантскій духъ усугубляетъ ихъ, возводя раздѣленіе на высоту принципа.

Благодаря такого рода поведенію, та каррикатура человѣческой личности, та низшая личность, которая живетъ въ каждомъ изъ насъ, или, что въ сущности одно и то же, коллективная личность, представленная большой или малой группой одинаково мыслящихъ, играетъ преобладаю-

щую роль. Торжество на сторонѣ тупого, низкаго индивидуализма: сосѣдъ—врагъ; противникъ—значитъ шарлатанъ, вредный звѣрь, съ которымъ одна расправа—смерть.

Тутъ я могъ бы привести примѣры, взятые среди насъ. Но они направили бы вниманіе на слишкомъ животрепещущія темы и тѣмъ самымъ отклонили бы его съ правильнаго пути. Поэтому, обратимся за примѣрами нѣсколько дальше, чтобы разсмотрѣть ихъ съ большимъ спокойствіемъ.

Недавно глава одного могущественнаго государства сравнилъ себя съ садовникомъ, который ухаживаетъ за національнымъ деревомъ и уничтожаетъ на немъ гусеницъ. Подъ гусеницами онъ, очевидно, подразумѣвалъ соціалистовъ. Но эти послѣдніе, въ свою очередь, также принимаютъ участіе въ уничтоженіи гусеницъ, я убѣжденъ, что по ихъ скромному мнѣнію, одна изъ наиболѣе вредныхъ для дерева гусеницъ, уничтоженіе которой было бы весьма полезно, это—самъ садовникъ.

Вотъ куда приводятъ исключительныя и абсолютныя понятія. Съ ними каждый навѣрное представляетъ для кого-либо гусеницу.

Подобные принципы раздробляютъ соціальное тѣло. Общества уже нѣтъ, а есть какая-то соціальная пыль, предоставляемая на волю судьбы и капризныхъ вѣтровъ, которые разносятъ ее куда-угодно. Возьмемъ за путеводную нить то, что объединяетъ людей и развиваетъ въ нихъ общительность, а не то, что ожесточаетъ ихъ личность до того, что они ощетиниваются и не допускаютъ прикосновенія, подобно дикообразу. А общій элементъ по преимуществу, настоящая основа семейнаго согласія между всѣми членами человѣчества это—разумъ и совѣсть.

Они дѣлаютъ насъ способными не только къ единенію, но и къ дисциплинѣ. Человѣкъ, повинующійся велѣніямъ внутренняго голоса, лучше другихъ, въ случаѣ нужды, умѣетъ понимать и уважать всякое другое повелѣніе, такъ какъ онъ усваиваетъ его духъ. Онъ знаетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ повиновеніе строжайшему приказанію составляетъ высшій актъ свободы. Онъ дѣйствуетъ не какъ животное, не какъ автоматъ, но какъ свободный слуга долга. Просвѣщенная энергія десятка людей, связанныхъ между собой этимъ сознательнымъ повиновеніемъ, имѣетъ больше цѣны и способна произвести большее дѣйствіе, чѣмъ искусственная сплоченность стада, объединеннаго суевѣріемъ, страхомъ или рутиной.

Кто способенъ такъ повиноваться, тотъ способенъ и повелѣвать. Жалуются, что мы не умѣемъ болѣе дѣлать ни того ни другого. Дайте намъ людей разума и совѣсти, и мы вновь обрѣтемъ утерянный секретъ истиннаго уваженія и законной власти. Только тѣ могутъ требовать и достигать подчиненія со стороны другихъ, которые сперва сами преклонились передъ внутреннимъ закономъ и первые подали примѣръ требуемаго ими повиновенія. Они свободны отъ того упрека, котораго не можетъ избѣжать ни одинъ внѣшній авторитетъ: ихъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они взваливаютъ на другихъ тяжкое бремя, котораго сами не касаются даже пальцемъ. Напротивъ, сами неся свою ношу, они убѣждаютъ и другихъ въ свою очередь взять на свои плечи такую же ношу. Такимъ людямъ повинуются не по принужденію, а съ той радостью самопожертвованія, которой они полны и которой они умѣютъ заражать другихъ.

Эта самая способность крѣпко объединяться въ общей цѣли предназначаетъ людей разума и совѣсти для того, чтобы поддерживать и воспитывать традиціи. Здѣсь мы касаемся одной изъ самыхъ щекотливыхъ деликатныхъ и самыхъ трудныхъ соціальныхъ функцій.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ намъ, что для увѣковѣченія традицій,

необходимъ раболѣпный и ограниченный умъ? Это общее мнѣніе, но оно противорѣчитъ всякому серьезному опыту.

Человѣкъ, который клянется формулой, относится съ недостаточнымъ уваженіемъ къ этой формулѣ. Онъ не схватываетъ въ ней ни смысла, ни важности, составляющихъ всю ея цѣнность и безъ которыхъ она теряетъ всякое право на существованіе. Человѣкъ, который клянется учрежденіемъ, книгой, другимъ человѣкомъ, не питаетъ уваженія ни къ кому изъ нихъ, потому что онъ запрещаетъ себѣ подвергать ихъ оцѣнкѣ, словно зная, что они должны бояться его испытанія. То, что достойно почитанія, требуетъ къ себѣ уваженія сознательнаго. Поклоненіе по приказанію это—не почитаніе, а форма неуваженія; вѣрить безъ испытанія, безъ надлежащихъ основаній это значитъ оказывать плохую услугу святымъ вещамъ, и чуть ли не кощунствовать надъ ними. Говорить кому-нибудь: «Я вѣрю тебѣ, но не хочу подвергать тебя слишкомъ близкому разсмотрѣнію»,—это значитъ высказывать ему не довѣріе, а сомнѣніе. Ничто такъ сильно не компрометируетъ традицій, какъ подобное ложное уваженіе.

Онѣ отъ этого умираютъ. Человѣкъ, придерживающійся буквы текстовъ, воображаетъ, что такъ онъ охраняетъ ихъ, на самомъ же дѣлѣ онъ лишаетъ ихъ жизненности; онъ воображаетъ, что укрѣпляетъ учрежденія—и ослабляетъ ихъ, препятствуя имъ оставаться въ соприкосновеніи съ жизнью. Всѣ эти ограниченные хранители традицій представляютъ собою плохихъ наслѣдниковъ великаго сокровища, завѣщаннаго прошлымъ. Въ ихъ рукахъ теряется то, что они, по ихъ заявленіямъ, якобы охраняютъ.

Чтобы оказывать традиціи истинное уваженіе, нужно продолжать ее, сохранять ея жизненность, ея способность къ возобновленію. Нужно возродить ее въ своей личной совѣсти. Поэтому самые вѣрные слуги традицій это—ихъ независимые ученики, эти вѣчно непризнаваемые, но необходимые въ исторической непрерывности работники. Въ ихъ рукахъ прошлое становится не тяжелой дубиной, нещадно колотящей насъ, а надежнымъ посохомъ, поддерживающимъ насъ на пути прогресса и будущности.

Человѣкъ, оріентирующійся по разуму и совѣсти, не только умѣетъ ходить въ строю, терпѣть возраженія, выслушивать мнѣнія, уважать законъ и чужую свободу, почитать и увѣковѣчивать традиціи, но и черпаетъ въ своемъ руководящемъ принципѣ необычайную силу. Въ немъ есть нѣчто болѣе великое, чѣмъ онъ, нѣчто такое, что поддерживаетъ, вдохновляетъ его, закаляетъ его характеръ и укрѣпляетъ его волю, просвѣщая ее. Онъ умѣетъ приходить къ рѣшенію, принимать на себя отвѣтственность, когда нужно, онъ рѣшится остаться въ одиночествѣ, если этого требуетъ моментъ. Вы увидите, какъ увѣренно-спокойно принимаетъ онъ возраженія, порицанія, угрозы и исполняетъ столь трудный, но въ то же время столь необходимый долгъ: противопоставить тиранніи одного лица, какъ и предразсудку, смѣшивающему истину со взглядами большинства, ту непреодолимую преграду, которую называютъ волей. Кто станетъ утверждать, что этими качествами можно пренебрегать среди насъ? Нѣкоторые обвиняютъ насъ въ индивидуализмѣ. Это значитъ смѣяться надъ нашей бѣдностью, попрекать дородствомъ субъекта, ужасающаго своей худобой. Найти въ настоящее время выдающійся характеръ—да вѣдь нѣтъ ничего труднѣе этого.

Эмиль Фагэ сказалъ истину, высказавши однажды такой парадоксъ: *нынѣ тотъ, кто мыслитъ самостоятельно, это—парія.*

Если бы къ состояніямъ человѣческой души позволено было прилагать термины, заимствованныя изъ зоологической классификаціи, то я

сказалъ бы, что огромное большинство нашихъ современниковъ это—моллюски. Они не имѣютъ нравственнаго скелета. Внѣшній авторитетъ не въ состояніи дать его имъ. Напомнимъ отвѣтъ неаполитанскаго короля, когда ему предлагали измѣнить форму своихъ солдатъ: «Одѣньте ихъ, какъ вамъ будетъ угодно, сказалъ онъ, это не помѣшаетъ имъ постыдно удирать съ поля битвы!» Намъ нужна не безполезная перемѣна внѣшняго ярлычка, а позвоночный столбъ.

Но пора закончить эти разсужденія и резюмировать наши мысли. Мы больны, нѣсколько растеряны, это правда, признаемся въ этомъ искренно. Однако, каясь въ своихъ прегрѣшеніяхъ, согласимся признать наличность смягчающихъ обстоятельствъ. Вспомнимъ, что мы переживаемъ эпоху преобразованія, и что не все, имѣющее видъ безпорядка, является таковымъ само по себѣ.

Бываютъ такіе видимые безпорядки, которые представляютъ собою лишь подготовленіе новаго порядка вещей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть хоть разъ мѣсто, гдѣ возводится постройка. Нужно ли отказаться отъ строительства потому, что работы причиняютъ безпорядокъ и сопровождаются непріятнымъ зрѣлищемъ нагроможденныхъ матеріаловъ, горланящихъ рабочихъ и изрытой земли? Только этою цѣною получается домъ. Убѣжища человѣческаго духа такъ же ломки, какъ и наши матеріальныя жилища. Никто не можетъ строить на вѣки. Прослуживъ довольно долгое время, жилища въ концѣ концовъ становятся ветхими, нездоровыми. Человѣческій ядъ пропитываетъ собою старыя стѣны. Тогда ихъ нужно сломать и построить заново. Мы находимся въ разгарѣ перестройки всего. Этотъ переходный періодъ, правда, безъ комфорта, но не безъ величія. Что бы тамъ ни было, а вѣдь очень интересно, когда дождь и снѣгъ застигаетъ насъ за обтесываніемъ камней и мѣшаніемъ известки для будущаго жилища нашихъ наслѣдниковъ. Люди, фанатически преданные старому дому, не должны обезкураживать насъ: пусть себѣ они грѣютъ въ немъ ноги у каминовъ! Мы же, стоя подъ открытымъ небомъ, будемъ согрѣвать свое сердце надеждою на будущій городъ, на современный, широко разбитый, здоровый, залитый свѣтомъ городъ; построивъ его изъ лучшихъ матеріаловъ прошлаго и настоящаго, по наугольнику разума и отвѣсу справедливости, мы начертаемъ надъ входомъ въ него слѣдующій девизъ:

Возлюбимъ другъ друга.

Еще одно, послѣднее слово:

Зрѣлище недостатковъ и ошибокъ настоящаго времени не должно заставлять насъ дурно думать о немъ. Несмотря на все это, его нужно любить. Его нужно любить за его благородную муку о будущемъ, за его заботу о лучшемъ. Будемъ больше смотрѣть на его идеалъ, чѣмъ на то, что оно уже осуществило. Его стремленія болѣе цѣнны, чѣмъ его дѣла, и кромѣ того, если бы мы не могли любить его за его величіе, онъ заслуживалъ бы, чтобы его любили за его несчастія и не за одно это. Развѣ наше время, каково бы оно ни было, не дано намъ Богомъ для того, чтобы дѣйствовать и вышивать по канвѣ мимолетныхъ дней безсмертные узоры?

V.

Справедливость и право.

(Патеръ Винцентъ Момюсъ).

Предметъ этой лекціи, быть можетъ, нѣсколько сухой, но иногда полезно время отъ времени отвлекаться отъ насущныхъ жизненныхъ заботъ и подыматься въ спокойную и блаженную область чистой идеи, принциповъ, философскихъ умозрѣній, гдѣ мысль легко движется въ необозримомъ полѣ отыскиваемой, найденной и созерцаемой истины.

Предметъ этой лекціи, какъ гласитъ заглавіе, — справедливость и право. Поэтому, я долженъ сначала опредѣлить справедливость, а затѣмъ ужъ я разъясню основные принципы права.

I.

Теологи, философы и правовѣды опредѣляютъ справедливость, какъ *постоянную и неизмѣнную волю уважать права всѣхъ и каждаго.*

Справедливость прежде всего — *воля*, то есть, будучи нравственной добродѣтелью, имѣетъ и должна имѣть свой корень тамъ, гдѣ лежитъ источникъ нравственной жизни. А источникъ нравственной жизни не въ умственной способности; можно быть очень умнымъ, даже геніальнымъ человѣкомъ, но если не сумѣть направить и закалить свою волю по пути честнаго и справедливаго, если воля эта слабѣетъ предъ лицомъ долга и права, то, несмотря ни на какой умъ, человѣкъ остается безчестнымъ и достойнымъ презрѣнія. Только отъ воли зависитъ слава безупречной жизни или позоръ преступнаго паденія.

Такимъ образомъ, справедливость есть *воля* и опредѣленіе добавляетъ: *постоянная.*

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы быть дѣйствительно справедливымъ, недостаточно совершать актъ справедливости лишь въ извѣстные моменты, нужно быть способнымъ выказывать себя дѣйствительно справедливымъ всегда и вездѣ, во всѣхъ обстоятельствахъ, какія могутъ встрѣтиться. Справедливость не періодична, а постоянна.

Она также *неизмѣнна*. Проявленіе справедливости на дѣлѣ окружено многочисленными препятствіями; то же, впрочемъ, относится и ко всѣмъ другимъ нравственнымъ добродѣтелямъ. Неизмѣнность въ проявленіи справедливости даетъ намъ силу всегда повиноваться внушеніямъ совѣсти и долга и противиться увлеченіямъ страсти. Идея неизмѣнности прибавляетъ къ идеѣ постоянства желаніе оставаться вѣрнымъ справедливости, несмотря на препятствія, которыя можетъ встрѣтить совершеніе справедливаго акта.

Только что выясненныя мною понятія присущи всѣмъ нравственнымъ добродѣтелямъ, но характерную черту справедливости, дѣлающую изъ нея особую, отличную отъ другихъ добродѣтель, составляетъ то обстоятельство, что предметомъ своимъ она имѣетъ *уваженіе къ праву всѣхъ и каждаго.*

Вотъ въ чемъ состоитъ благородство и величіе справедливости. Прочія добродѣтели совершенствуютъ лишь индивида, разсматриваемаго, какъ изолированная и отдѣленная отъ цѣлаго личность, между тѣмъ какъ справедливость выводитъ его, такъ сказать, изъ рамокъ его собственной личности, чтобы ввести въ связь съ его ближними и соединить его съ ними священными узами уваженія къ праву. Она, слѣдовательно, представляетъ собою добродѣтель великодушную, она само отрицаніе того эгоизма, который можетъ омрачать иногда блескъ индивидуальной добро-

дѣтели; говоря словами св. Ѳомы Аквинскаго, она — *semper ad alterum,* т. е. всегда имѣетъ въ виду другихъ, чтобы охранять ненарушимость ихъ правъ.

Ниже я дамъ точное опредѣленіе права, этого краеугольнаго понятія человѣческой совѣсти, но предварительно я хотѣлъ бы обратить вниманіе читателя на величіе и красоту добродѣтели, имѣющей своею цѣлью внушить уваженіе къ правамъ всѣхъ. Нельзя еще назвать справедливымъ того, кто ограничивается уваженіемъ права своихъ друзей, своихъ политическихъ и религіозныхъ единомышленниковъ, тѣхъ, кто группируется вмѣстѣ съ нами вокругъ одного и того же знамени; чтобы заслужить прекрасное имя справедливаго человѣка, нужно уважать права противниковъ, право меньшинства, право тѣхъ, кто старается доставить торжество тѣмъ идеямъ, которыхъ мы не раздѣляемъ. Однимъ словомъ, нужно любить право ради его самого, и при встрѣчѣ съ нимъ мы не должны спрашивать себя, кто находится подъ его защитой, другъ или врагъ, мы должны лишь преклониться предъ его верховенствомъ и неприкосновенностью.

Тутъ я касаюсь одной изъ самыхъ глубокихъ ранъ нашего времени или, скорѣе, всѣхъ временъ.

Мы энергично требуемъ своего права, мы не допускаемъ, чтобы его игнорировали, но мы остываемъ, когда дѣло идетъ о правѣ другихъ, наши жалобы слабы, когда нарушается право, не касающееся насъ лично; съ этого момента мы перестаемъ быть справедливыми; ибо для того, чтобы быть справедливымъ, нужно любить и уважать права всѣхъ, нужно примѣнять на дѣлѣ евангельское правило: «Не дѣлайте другимъ того, чего вы не хотѣли бы, чтобы дѣлали вамъ самимъ».

Что же такое право?

Право есть законная, ненарушимая и неизмѣнная нравственная способность развивать свою активность, т. е. дѣйствовать, владѣть и требовать.

Она способность *нравственная* въ противоположность способности физической, которую представляетъ сила: исключительная роль силы состоитъ въ томъ, чтобы служить праву. Опредѣленіе прибавляетъ: *законная*, чтобы различить то, что мы можемъ сдѣлать, отъ того, что мы имѣемъ право дѣлать: мы можемъ лгать, но не имѣемъ права на это. Въ своей сущности право *ненарушимо*, т. е. его обязаны уважать вездѣ и всегда. Наконецъ, оно *неизмѣнно*: люди не могутъ измѣнять его основныхъ предписаній; оно выше поразительной измѣнчивости человѣческихъ мнѣній; сегодня оно такое же, какимъ было вчера, какимъ оно будетъ завтра и всегда; идеи мѣняются, нравы преобразовываются, мнѣнія смѣняются одно другимъ, поколѣнія чередуются, имперіи распадаются, троны рушатся, философскія системы, снискавъ на моментъ расположеніе мудрецовъ, погружаются вскорѣ въ забвеніе, чтобы уступить мѣсто новымъ теоріямъ; но право вѣчно остается тѣмъ, что оно есть, и не въ человѣческой власти расширить или сузить предѣлы его господства. Въ чемъ же причина этой священной прерогативы, благодаря которой свѣточъ права горитъ такимъ спокойнымъ и ровнымъ огнемъ? Почему одно только право неизмѣнно, въ то время какъ все человѣческое подчинено фатальному закону измѣнчивости?

Вотъ что говоритъ объ этомъ человѣкъ, язычникъ, возвышенный умъ котораго сумѣлъ подняться до божественнаго происхожденія права.

«Оно, говоритъ Цицеронъ, это—одушевленный законъ, здравый разсудокъ, соотвѣтствующій нашей природѣ, распространенный во всѣхъ умахъ: законъ неизмѣнный, вѣчный, который своими правилами диктуетъ

намъ наши обязанности, своими запрещеніями отвращаетъ насъ отъ всякаго нарушенія, который, съ другой стороны, не приказываетъ и не запрещаетъ напрасно, обращается ли онъ къ добрымъ или дѣйствуетъ на душу злыхъ; законъ, которому нельзя противопоставить ни одного другого и котораго нельзя ни измѣнить, ни отмѣнить. Ни сенатъ, ни народъ не могутъ освободить насъ отъ его узъ; законъ этотъ не нуждается ни въ приложеніи, ни въ иномъ какомъ-либо толкователѣ, кромѣ самого себя: онъ никогда не будетъ однимъ въ Римѣ, другимъ въ Аѳинахъ, такимъ-то въ настоящую эпоху и инымъ въ послѣдующую; единъ, вѣченъ и безсмертенъ законъ этотъ, который будетъ обнимать всѣ народы во всѣ времена. Въ силу его всегда будетъ лишь одинъ общій господинъ или учитель, одинъ всемірный царь или императоръ, т. е. единый Богъ. Вотъ кто творецъ этого закона, властитель, истинный законодатель. Всякій, кто не будетъ ему повиноваться, будетъ убѣгать отъ самого себя, презирая природу человѣка, и, въ силу одного этого, онъ будетъ обреченъ на самыя жестокія мученія, хотя бы онъ и сумѣлъ избѣжать того, что называютъ наказаніемъ».

Итакъ, нужно подняться до идеи Бога, чтобы встрѣтить Господина, высшаго Законодателя, единственнаго, кто достаточно великъ для того, чтобы наложить на насъ естественный законъ и неизмѣнныя предписанія права.

Послѣдніе члены опредѣленія права не нуждаются въ разъясненіи, и я ограничиваюсь указаніемъ на то, что способность дѣйствовать, владѣть и требовать не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ общей пользы и права другихъ.

Право дѣлится на *положительное* (или позитивное) и *естественное*. Положительное право—это совокупность законовъ, управляющихъ гражданами одной и той же страны. Я не буду заниматься имъ здѣсь; оно не входитъ въ мою компетенцію: какъ философъ и моралистъ, я долженъ изслѣдовать лишь естественное право, къ которому особенно приложимо только что сдѣланное мною опредѣленіе.

II.

Естественное право вытекаетъ изъ самаго устройства нашей природы; слѣдовательно, чтобы ознакомиться съ нимъ, нужно знать, кто мы.

Но мы вѣдь, представляемъ собою живыя существа, одаренныя умомъ и свободой,—эти блага каждый человѣкъ получаетъ отъ своей собственной природы. Поэтому, въ силу самой нашей природы, мы имѣемъ право на жизнь, на истину (которая питаетъ умъ) и на свободу.

Мы имѣемъ право на жизнь; лишить насъ ея можно лишь путемъ злодѣйскаго покушенія, ибо это право, очевидно, составляетъ основу всѣхъ другихъ. Нѣтъ нужды особенно настаивать на правѣ на жизнь, потому что никто не можетъ серьезно оспаривать его: поэтому, я ограничиваюсь его констатированіемъ, чтобы ниже коснуться двухъ связанныхъ съ нимъ вопросовъ: войны и смертной казни.

Мы имѣемъ право на истину.

Завоеваніе истины—это одно изъ самыхъ благородныхъ достояній человѣческой природы.

Истина представляетъ равенство между умомъ и его объектомъ: *adaequatio rei et intellectus*. Если понятіе, составленное мною о предметѣ, вполнѣ сходно и адэкватно (тождественно) самому предмету, то я обладаю истиной; если тождества нѣтъ, то я заблуждаюсь. Это строго точное опредѣленіе даетъ намъ высокое представленіе о неоцѣнимомъ величіи человѣческаго ума. Оно можетъ уравнять все, такъ какъ уже по одному

тому, что извѣстная вещь *есть*, она входитъ въ область ума: *ens et verum convertuntur* (сущее и истинное совпадаютъ), говорятъ еще классическіе философы. Слѣдовательно, все существующее составляетъ объектъ ума, который равенъ всему, благодаря обладанію истиной, на которую мы имѣемъ абсолютное право, такъ какъ умъ данъ намъ лишь для того, чтобы созерцать истину.

Но человѣкъ не хоронитъ истины въ тайникахъ своего ума; онъ испытываетъ непреодолимую потребность проявлять ее и распространять вовнѣ, откуда я вывожу естественное право какъ на обученіе, такъ и на устное и печатное слово. Желать удерживать истину въ плѣну, зажимать кому-либо ротъ или ломать его перо потому, что провозглашаемая имъ истина невыгодна и имѣетъ несчастіе противорѣчить нашимъ мнѣніямъ, это значитъ нарушать естественное право и злоупотреблять силой въ пользу той нетерпимости, противъ которой нужно протестовать со всей энергіей. Нужно умѣть выслушивать непріятныя для насъ истины и уважать распространеніе истины во всѣхъ ея формахъ; постараемся опровергнуть, если сумѣемъ, апостоловъ той идеи, которой мы не раздѣляемъ, но, во имя права, предоставимъ свободно обучать, говорить и писать тѣмъ, кто думаетъ не такъ, какъ мы.

Нѣсколько выше я сказалъ, что мы—существа не только разумныя, но и свободныя; мы имѣемъ, слѣдовательно, естественное право на свободу. Всѣ рождаются свободными, *omnes nascuntur liberi*, говоритъ одинъ великій теологъ *).

Я говорю прежде всего о той внутренней свободѣ, которая позволяетъ человѣку направлять свою жизнь такъ, какъ онъ считаетъ лучшимъ, и для которой только Богъ имѣетъ право предначертать ея путь. Подъ божественнымъ окомъ мы пользуемся неограниченной свободой; ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права сказать намъ: «Ты будешь дѣлать то-то, будешь избѣгать того-то». Въ этой идейной области я признаю за однимъ только Богомъ право налагать на меня законы.

Священнѣйшая форма внутренней свободы это—свобода совѣсти. Въ этой области прирожденная свобода души въ особенности не терпитъ никакихъ цѣпей, выковываемыхъ рукой человѣка. Если мнѣ угодно похоронить свою жизнь въ уединеніи монастыря и служить тамъ Богу и моимъ братьямъ согласно внушеніямъ моей совѣсти, то ни за кѣмъ, рѣшительно ни за кѣмъ не признаю я права заносить святотатственную руку на самую святую изъ всѣхъ свободъ.

Но не забудемъ, здѣсь какъ и вообще, что нужно умѣть уважать законное право другихъ; недостаточно требовать свободы совѣсти для себя, нужно также требовать ее для остальныхъ, требовать ее для всѣхъ.

Да будетъ позволено мнѣ привести по этому поводу слова человѣка, имя котораго я произношу всегда съ чувствомъ законной гордости и нѣжной сыновней почтительности: «Всякій, говоритъ Лакордеръ, кто, требуя права, исключаетъ изъ него хотя бы только одного человѣка, кто соглашается на рабство хоть бы одного только бѣлаго или чернаго, даже если бы это рабство выражалось самымъ слабымъ образомъ,—не искренній человѣкъ и не заслуживаетъ того, чтобы бороться за святое дѣло человѣческаго рода».

Признайтесь, читатель, вѣдь это благородныя и великодушныя слова: они достойны этого великаго сердца, такъ сильно любившаго справедливость, право и свободу.

---

*) Суарецъ. *Ред.*

III.

Эта внутренняя свобода (свобода воли) представляетъ естественную способность, которая, сама по себѣ, недоступна для посягательствъ со стороны силы; но сила можетъ связать ея внѣшнія проявленія. Безполезно перечислять нынѣ всѣ тѣ силы, которыя могутъ помѣшать проявленію свободы и пользованію правомъ; я ограничусь однимъ изслѣдованіемъ того, каково должно быть положеніе по отношенію къ естественному праву личности той силы, которую называютъ государствомъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя діаметрально противоположными системами: языческой системой и христіанской идеей.

Согласно языческой системѣ, государство имѣетъ всѣ права, а личность—только обязанности; государство это—какое-то божество, къ ногамъ котораго личность должна сложить и принести въ жертву свои блага, свои права, свою свободу, свою жизнь; словомъ государство— все, оно все можетъ. а личность должна покорно дать растереть себя въ колесахъ этой чудовищной машины, которая поглощаетъ и захватываетъ все.

Въ самомъ дѣлѣ, по Платону, государство имѣетъ надъ индивидомъ право жизни и смерти; больныхъ людей и хилыхъ дѣтей убивать, такъ какъ они безполезны для государства; семью разрушить, потому что семья—независимое общество, а государство должно быть абсолютнымъ господиномъ всего; собственность—уничтожить, ибо собственность одинъ изъ самыхъ прочныхъ устоевъ независимости личности. Государство должно сломить всѣ сопротивленія, все должно молчать и преклоняться предъ его страшнымъ могуществомъ.

Вамъ извѣстно, что Платонъ дошелъ до желанія изгнать поэтовъ. Откуда этотъ остракизмъ (приговоръ объ изгнаніи) противъ людей, которые получили возвышенный и прекрасный даръ украшать истину обаяніемъ воображенія и мечты; которые переводятъ свои душевныя движенія то на нѣжный языкъ вѣтерка, пробѣгающаго по верхушкамъ высокихъ деревъ, то на грозный и звучный языкъ морского прибоя? За что? Или только изъ-за хорошо извѣстной развращенности поэтовъ его времени? Но развѣ, кромѣ того, поэтъ по преимуществу не независимый и свободный человѣкъ? Онъ независимъ, какъ осѣняющее его вдохновеніе, онъ свободенъ, какъ птица, рѣющая въ безбрежныхъ небесахъ; бодрствующая надъ нимъ муза—божество ревнивое и гордое; она улетаетъ и уноситъ его съ собой въ область идеала, гдѣ онъ защищенъ отъ всякихъ посягательствъ грубой силы:

> Поэтъ подобенъ перелетнымъ птицамъ,
> Которыя въ пути не вьютъ себѣ гнѣзда на берегу
> И не садятся отдохнуть въ лѣсу на вѣткѣ *)...

Вотъ почему Платонъ хотѣлъ изгнать поэтовъ; онъ боялся, что съ ихъ волшебныхъ устъ сорвется слово свободы, онъ боялся ихъ вдохновенія, которое не выноситъ контроля государства.

Теоріи Аристотеля въ этомъ пунктѣ сходны съ теоріями Платона.

Наконецъ, языческая идея освящала такое чудовищное отрицаніе всѣхъ правъ, какъ рабство.

Эти человѣкоубійственныя ученія перешли за порогъ школъ, они не были системой, выработанной одиноко стоящимъ философомъ; напротивъ, они нашли свое приложеніе въ государственномъ строѣ Римской Имперіи

*) Ламартинъ

и наложили на него неизгладимую печать. Цезарь былъ абсолютнымъ властителемъ міра, но онъ не довольствовался тѣмъ, что заставилъ его покорно сносить жестокое иго соціальныхъ и политическихъ законовъ; онъ былъ также верховнымъ жрецомъ и, въ качествѣ таковаго, претендовалъ на господство надъ совѣстью.

И вотъ, въ то время, какъ власть цезаря достигла своего апогея, въ то время какъ міръ дрожалъ подъ абсолютнымъ владычествомъ своего повелителя, въ Іудеѣ явился человѣкъ, проповѣдывавшій новое ученіе. Онъ говорилъ: «Любите другъ друга, ибо вы—братья. Не дѣлайте другимъ того, чего бы вы не хотѣли, чтобы дѣлали вамъ самимъ. Блаженны алчущіе и жаждущіе справедливости, воздайте кесарю кесарево и Богу—Божье...» Чтобы поднять на его законную высоту прекрасное имя человѣка, столь странно презиравшееся языческой идеей, онъ, называвшій себя Сыномъ Божіимъ, еще чаще давалъ себѣ имя сына человѣческаго, поучая насъ такимъ образомъ, что послѣ Бога, нѣтъ ничего болѣе великаго, чѣмъ человѣкъ. Онъ говорилъ еще: «Цари народовъ повелѣваютъ ими, не такъ будетъ среди васъ, но тотъ, кто среди васъ захочетъ быть самымъ великимъ, будетъ слугою всѣхъ...» Вотъ христіанская идея государства. По евангельскому ученію, государство, далеко не поглощая права личности, должно напротивъ, покровительствовать ей, защищать ее и вполнѣ проникнуться убѣжденіемъ, что оно—лишь сила на службѣ у права. Такъ понимали и толковали слово Христа и великіе учители католической церкви, въ частности св. Ѳома Аквинскій: «Единственная роль государства,--говоритъ онъ,--состоитъ въ томъ, чтобы оберегать право всѣхъ».

Въ виду этого, всякое утвержденіе права личнаго противъ всемогущества государства есть утвержденіе христіанское.

Четвертаго іюля 1776 года великій народъ торжественно справлялъ въ Филадельфіи праздникъ своей независимости. Утромъ этого прекраснаго дня войска, сражавшіяся за свободу, присутствовали при религіозномъ торжествѣ, и люди, которые во главѣ ихъ шли затѣмъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ свободныхъ гражданъ, составили декларацію, въ которой они утверждали ихъ индивидуальныя права и падающій на государство долгъ—пользоваться своей силой для общаго блага.

Декларація 1776 года является какъ бы прелюдіей деклараціи 1789 года.

А развѣ эти люди, утверждающіе неотъемлемыя права гражданина и обязанности государства, развѣ они демагоги, революціонеры, бунтовщики, зачинщики возмущеній и враги соціальнаго порядка? Нѣтъ, это христіане, сознающіе свое человѣческое достоинство, столь высоко поднятое евангеліемъ, проповѣдующимъ, что Богъ сталъ человѣкомъ; они услышали слова освобожденія, сошедшія съ устъ Христа, и они поняли, что братья Бога не могутъ согласиться быть только рабами человѣка.

Вы видите, читатель, христіанскій духъ это—духъ независимости и свободы; поэтому, христіанская идея лучше всего оберегаетъ право индивидовъ и свободу народовъ.

Состраданіе и естественный отборъ.

(Ж. Бело, членъ главнаго совѣта народнаго просвѣщенія, профессоръ философіи въ лицеѣ Людовика Великаго).

Самый индифферентный человѣкъ, самый большой оптимистъ не можетъ въ настоящее время отрицать, что мы переживаемъ особенно

серьезный нравственный кризисъ. Чувство подобнаго кризиса проявляется со всѣхъ сторонъ до того часто, что само это выраженіе сдѣлалось банальнымъ.

Но не всѣ, пожалуй, имѣютъ точное представленіе о природѣ подобнаго кризиса. Одни видятъ въ немъ лишь болѣе или менѣе замѣтный фазисъ постояннаго превращенія нравовъ и законодательствъ, тѣсно связаннаго съ исканіемъ наилучшаго или вызываемаго измѣненіями въ матеріальныхъ или политическихъ условіяхъ жизни. Другіе, еще менѣе дальновидные, признаютъ въ этомъ кризисѣ одинъ только внѣшній симптомъ нѣкоторое пониженіе уровня практической нравственности, извѣстное ослабленіе воли.

Съ другой стороны, этотъ терминъ подходилъ бы еще меньше, если бы дѣло шло о непрерывной эволюціи, фазисы которой могутъ быть болѣе или менѣе ускоренными, но которая, въ общемъ, измѣняетъ только внѣшнія формы жизни и практическія дѣйствія.

Наоборотъ, что въ настоящее время, выступаетъ наиболѣе рѣзко, такъ это то, что недугъ имѣетъ всецѣло внутреннее начало; самыя основы нравственной жизни кажутся поколебленными, и даже тамъ, гдѣ поведеніе остается порядочнымъ и согласнымъ съ принятыми правилами честной жизни, эта порядочность и эта честность совершенно поверхностныя и вовсе не связаны, или связаны очень слабо, съ принципами, сознательно усвоенными и провозглашенными съ убѣжденіемъ. Какъ будто нѣкоторая доля критическаго сомнѣнія философовъ, такъ долго примѣнявшагося къ отыскиванію подобныхъ принциповъ, проникла въ душу толпы. И толпа, менѣе способная къ возстановленію разрушаемаго критикой, чѣмъ одиноко стоящій мыслитель, и въ то же время горящая большимъ нетерпѣніемъ поскорѣе примѣнить, въ своей упрощенной соціологіи, идеи, къ которымъ она, какъ ей кажется, пришла,—повидимому, замѣчаетъ (временно, я убѣжденъ въ этомъ) одни только отрицательные результаты этой критики, которая проникаетъ ее медленно, нечувствительно и тѣмъ болѣе неизбѣжно, что она въ нѣкоторомъ родѣ безсознательна. Вотъ почему мы слышимъ, какъ провозглашается одно за другимъ банкротство науки, не сумѣвшей якобы организовать жизнь, и банкротство религіи, которая не способна болѣе владѣть душами и руководить ими. Дѣло идетъ о томъ, чтобы вновь обрѣсти самую основу нравственной жизни.

Задачу эту, пожалуй, можно выполнить сравнительно легко, если, примѣняя методъ, не пользующійся въ настоящее время, повидимому, особеннымъ почетомъ, рѣшительно избѣгать всѣхъ вопросовъ, чуждыхъ данному, и возвратить нравственность на ея естественную почву. Ошибка, допущенная съ обѣихъ сторонъ, состоитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что основъ морали ищутъ внѣ того, что составляетъ настоящую область, характерное содержаніе нравственности, я хочу сказать, внѣ условій соціальной жизни, условій поддержанія и прогресса коллективнаго человѣческаго существованія.

Эту-то идею и хотѣлъ бы я постараться освѣтить на вопросѣ, по поводу котораго особенно рѣзко проявился тотъ нравственный кризисъ, который я только что опредѣлилъ; въ немъ довольно ясно можно различить борьбу принциповъ, терзающую современную совѣсть, но въ то же время упомянутое мною выше человѣческое и соціальное рѣшеніе задачи находитъ въ немъ, какъ мнѣ кажется, особенно удовлетворительное примѣненіе. Задача эта, въ которой сталкивались и сталкиваются до сихъ поръ претензіи религіи и науки, касается отношеній между состраданіемъ

и естественнымъ отборомъ; это—мучительный для совѣсти споръ, между чувствомъ человѣческаго братства и біологическими интересами человѣческой расы.

I.

Такъ какъ я главнымъ образомъ хочу смотрѣть на этотъ вопросъ, какъ на удобный случай для точнаго разсмотрѣнія встающей передъ настоящимъ временемъ нравственной проблемы и ея разрѣшенія, то еще прежде самой проблемы, я позволю себѣ опредѣлить ту точку зрѣнія, на которую я думаю встать. Съ позволенія читателя, я начну съ трюизма. Не будемъ бояться трюизмовъ: одно только наше незнаніе проводитъ границу между очевидностью и истиной, и безграничный умъ могъ бы находить, внѣ абсурда, однѣ только избитыя истины.

Моя избитая истина, которую вначалѣ, я увѣренъ, отвергнутъ три четверти мыслителей и девять десятыхъ людей изъ общества, состоитъ въ томъ, что нравственность—дѣло чисто человѣческое, что она постепенно образовывалась человѣчествомъ для человѣчества же.

Такъ оно и слѣдовало. У человѣчества никогда не было внѣшняго учителя, который разъяснялъ бы ему его обязанности и его правила жизни, одинъ только опытъ могъ научить его имъ, т. е. навязать скорѣе его волѣ, чѣмъ открыть ихъ его уму. И эта истина остается даже для того, кто вѣритъ въ откровеніе; дѣйствительно, въ какомъ бы положеніи ни находилось дѣло, никакое откровеніе не могло бы быть понято человѣкомъ, если бы умъ его былъ совершенно чуждъ вносимымъ имъ идеямъ; въ особенности, оно было бы безсильно внушить ему какое-либо правило жизни безъ отношенія къ житейскимъ необходимостямъ, заставить его полюбить тотъ или иной идеалъ, если бы онъ не гармонировалъ съ стремленіями, жившими въ человѣчествѣ еще раньше. Проповѣдь, идущая извнѣ, осталась бы, слѣдовательно, мертвой буквой, и если индивидуальный человѣкъ, повидимому, имѣетъ внѣшнихъ учителей, такихъ же людей, то человѣческая раса всему можетъ научиться только самостоятельно, у своего собственнаго опыта, столь же компетентнаго въ области нравственности, какъ и въ области науки.

Но эта нравственность, безсознательно создающаяся такимъ образомъ въ близкомъ соприкосновеніи съ условіями существованія, вообще, и въ особенности существованія соціальнаго, не представляетъ продукта ума, размышленія; она вытекаетъ не изъ теоріи, но изъ болѣе или менѣе поучительнаго приспособленія. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда человѣкъ начинаетъ наблюдать самого себя и размышлять надъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, онъ находитъ въ себѣ въ совершенно сложившемся видѣ эту безсознательную нравственность въ формѣ *совѣсти*, правда, болѣе или менѣе зачаточной, но уже сильной и ясной; находитъ ее также освященной извнѣ правилами и традиціями соціальнаго порядка, преступить которыя онъ не можетъ. Что же происходитъ затѣмъ? Если человѣкъ хочетъ понять окружающую природу, то еще сильнѣе хочетъ онъ познать самого себя, хотя желаніе это пробуждается въ немъ позднѣе. Онъ будетъ искать объясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ оправданія для тѣхъ принциповъ поведенія, присутствіе которыхъ онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ и которые общество навязываетъ ему извнѣ. Пытаясь истолковать нравственный поступокъ, столь ясный для интуиціи и столь непонятный для ума, онъ можетъ измѣнить и даже извратить его; и дѣйствительно, онъ искажаетъ его, и поистинѣ странно видѣть, сколько времени требуется человѣчеству для того, чтобы возстановить естественный порядокъ вещей,

чтобы вновь открыть нравственный поступокъ въ его положительной дѣйствительности подъ смѣлыми и произвольными толкованіями, которыя въ концѣ концовъ замаскировали и даже исказили его.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ первобытный человѣкъ, не зная природы, обманываетъ свою болѣе нетерпѣливую, чѣмъ глубокую любознательность, обоготворяя силы и явленія физическаго міра, точно также, встрѣчаясь съ внутренней тайной нравственной совѣсти, онъ прибѣгаетъ къ тому же пріему; его воображеніе обоготворяетъ совѣсть и тотъ общественный авторитетъ, который ее санкціонируетъ.

А нравственность, она также подверглась идеализаціи? Этого вовсе нельзя и требовать; вѣдь созданное воображеніемъ божество, естественно, отражаетъ въ себѣ всѣ несовершенства самого человѣчества, и присвоенный ему высшій авторитетъ не способенъ уменьшить неразумность или дикость тѣхъ требованій, которыя ему съ тѣхъ поръ приписываются. Нравственность теряетъ связь съ жизнью; чисто теологическія добродѣтели, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительнымъ поведеніемъ людей, чуждыя и даже противорѣчащія реальнымъ условіямъ существованія, заслоняютъ собою истинныя добродѣтели и даже изгоняютъ ихъ. Личность и даже общество потеряли свою нравственную автономію; они не чувствуютъ себя болѣе распорядителями своей судьбы. Кромѣ того, овеществленный символъ ихъ нравственной жизни имѣетъ въ себѣ что-то неподвижное и застывшее, что останавливаетъ ея нормальное развитіе; и совѣсть, прикованная, такимъ образомъ, къ понятіямъ прошлаго, обречена на то, чтобы постоянно отставать отъ жизни въ то время, какъ ея настоящая роль должна была бы состоять въ томъ, чтобы обгонять ее, устремляя свой взоръ къ идеалу.

Безъ сомнѣнія, понятіе божественности очищается такъ же, какъ и сами нравственныя понятія. Но хотя, такимъ образомъ, силою вещей, нравственность, быть-можетъ, нѣсколько больше приближается къ дѣйствительности, однако содержаніе ея остается попрежнему искаженнымъ въ своей сущности. Совѣсть попрежнему упускаетъ изъ виду соціальную дѣйствительность, продуктъ которой она представляетъ и ту коллективную жизнь, для которой она служитъ орудіемъ и основаніемъ. Она привыкла входить въ непосредственныя сношенія съ Богомъ; и по мѣрѣ того, какъ Богъ отдалялся и идеализировался, нравственное чувство становилось *внутреннимъ*, *субъективнымъ*, *индивидуальнымъ*, игнорируя такимъ образомъ свое происхожденіе и погрѣшая противъ своего назначенія?

Такова, мнѣ кажется, была роль первобытнаго воображенія и религіознаго созерцанія въ дѣлѣ вырабатыванія и, въ особенности, истолковыванія моральной совѣсти.

Какова же теперь роль современнаго научнаго мышленія? Его методъ состоитъ въ употребленіи, во введеніи неизвѣстнаго въ рамки извѣстнаго. Оно возвратитъ человѣка на лоно природы, оно подчинитъ его окружающей средѣ. Мало того, оно опредѣлитъ законы человѣческой природы по аналогіи съ наиболѣе общими законами низшей природы, и въ частности животнаго царства. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ человѣкъ въ силу своей сложности является послѣднимъ изъ объектовъ, встающихъ передъ научной мыслью, то мысль эта, приступая къ его изученію, уже знаетъ то, что она называетъ *природой*, то есть, всю область того, что стоитъ ниже человѣка. Эта тенденція замѣчается уже въ древнемъ ученіи Аристиппа, доказывавшаго на примѣрѣ животнаго, что удовольствіе есть потребность природы, и *вслѣдствіе этого*—правило жизни. Она снова встрѣ-

чается въ другой формѣ въ современныхъ теоріяхъ, которыя составятъ предметъ настоящей статьи. Такимъ образомъ, это первое и, спѣшу добавить, неполное и временное примѣненіе науки къ нравственности привело бы насъ къ регрессу. Кромѣ того, оно почти тотчасъ же подчинило бы человѣческое поведеніе настоящей гетерономіи въ конечномъ счетѣ, это была бы настоящая *аномія* (*беззаконіе*), потому что человѣку не оставалось бы ничего другого, какъ руководиться въ своемъ поведеніи законами окружающей среды, своей собственной природы, даже законами общества, не имѣя возможности создать себѣ никакого самостоятельнаго идеала, никакого правила, составленнаго для достиженія чисто человѣческихъ цѣлей.

Моральная идея состраданія, любви къ ближнему испытала, какъ мнѣ кажется, колебанія, аналогичныя тѣмъ, которыя я только-что описалъ; съ тѣхъ поръ какъ нравственное сознаніе человѣчества окончательно овладѣло этимъ принципомъ, она прошла черезъ тѣ же стадіи. Она очень давно живетъ въ человѣчествѣ, потому что доброжелательность, доброта, преданность съ самыхъ отдаленныхъ временъ и въ самыхъ варварскихъ культурахъ играли важную, почетную роль въ соціальной жизни, безъ нихъ невозможна никакая общественная жизнь, и они встрѣчаются даже среди животныхъ, надѣленныхъ соціальнымъ инстинктомъ. Но намъ кажется, будто идея эта была открыта въ тотъ день, когда ей дано было имя, когда вмѣсто того, чтобы довольствоваться частными и почти инстинктивными добродѣтелями, которыя она внушала и въ которыхъ она была какъ бы разсѣяна, ее рѣшили сформировать въ видѣ яснаго и сознательнаго принципа всѣхъ этихъ добродѣтелей и, пожалуй, всякой добродѣтели.

Но едва только любовь къ ближнему стала такимъ образомъ сознательной, какъ она измѣнила свой характеръ. Въ то время какъ до того она всецѣло обращалась къ внѣшнему міру, къ своему объекту, цѣликомъ, такъ сказать, претворяясь въ дѣйствіе, съ этого момента она принимаетъ характеръ чисто внутренній; она становится добродѣтелью и чувствомъ, элементомъ личнаго и *субъективнаго* совершенствованія. Абсолютную цѣнность признаютъ за душевнымъ состояніемъ, упуская изъ виду его приложенія и то, какихъ результатовъ можно ожидать отъ этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого, добродѣтель эта проявляется, главнымъ образомъ, въ чисто *отрицательной* формѣ: въ вершинѣ нравственной жизни поставили добродѣтель отреченія, самопожертвованія, оставляя въ сторонѣ вопросъ, въ чью пользу отрекаются, ради какого высшаго интереса жертвуютъ собою. Полагаютъ, что эгоизмъ можно побѣдить, только оправдывая жертву ради жертвы, и не видятъ, что отъ эгоизма можно излѣчить, лишь обращая его въ его противоположность, что для того, чтобы не слишкомъ много интересоваться самимъ собой, нужно интересоваться кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь другимъ, что позабыть о себѣ можно лишь въ томъ случаѣ, если всецѣло отдаться какому-либо предмету. Состраданіе представляется еще кромѣ того въ *созерцательной* формѣ, потому что предметъ этотъ считали возможнымъ открыть въ самомъ Богѣ; одна только безконечность казалась способной наполнить сердце человѣка, и намъ предлагаютъ любить ближнихъ въ Богѣ и для Бога вмѣсто того, чтобы любить ихъ непосредственно въ нихъ самихъ и ради нихъ же. Если позволительно выразить мою мысль нѣсколько рѣзко, то положенія эти нельзя назвать иначе, какъ обманчивыми и опасными. Мнѣ кажется (и если бы у меня было больше времени, то я могъ бы доказать это на самой исторіи), что они извратили и обезплодили состраданіе, отвращая его отъ практической дѣятельности. Я, конечно, достаточно знаю свое ремесло философа, чтобы

признать за этими положеніями глубокій метафизическій смыслъ и даже удовлетворительное нравственное толкованіе. Но нравственность создана для всѣхъ, а толпа состоитъ не изъ метафизиковъ. Она понимаетъ только то, что ей говорятъ вполнѣ ясно, она понимаетъ положеніе буквально, а скрытый смыслъ ея не касается. А если все-таки кому-либо угодно говорить ей что-нибудь, превышающее ея пониманіе, то въ такомъ случаѣ, пожалуй, лучше прибѣгать къ туманнымъ отвлеченностямъ, которыя, по крайней мѣрѣ, не могутъ обмануть ее. Но я не вижу, какъ можно поправить дѣло тонкими толкованіями положеній, которыя масса всегда будетъ понимать превратно. Тѣ, о которыхъ я говорилъ, способствовали бы лишь тому, чтобы отвратить состраданіе отъ его настоящаго объекта и его практическаго приложенія и свалить на Бога заботу о результатахъ, вотъ почему я отказываюсь вѣрить имъ.

Чистое научное мышленіе, встрѣтившись съ извращеннымъ, такимъ образомъ, нравственнымъ понятіемъ, еще съ большимъ правомъ относится къ нему съ недовѣріемъ. Оно осмѣлится потребовать у добродѣтели отчета; оно будетъ требовать у нея уже не субъективнаго, мистическиго, а объективнаго доказательства ея превосходства или вѣрнѣе (такъ какъ дѣло идетъ о наукѣ), ея истинности, ея соотвѣтствія съ природой. А такая процедура приводитъ только къ осужденію. Оказывается, какъ полагаютъ многіе, что природа обезпечиваетъ прогрессъ не добротой, не снисходительностью, не добровольнымъ самопожертвованіемъ сильныхъ ради слабыхъ, а, наоборотъ, средствами жестокости, незнаніемъ милости, насильственнымъ и неизбѣжнымъ принесеніемъ слабыхъ въ жертву сильнымъ. *Борьба за жизнь*, приводящая къ *естественному отбору*, то есть къ исчезновенію менѣе одаренныхъ существъ и выживанію сильнѣйшихъ и приспособленнѣйшихъ, которыя одни только призваны продолжать родъ,— вотъ что противопоставляетъ состраданію натуралистическая нравственность во имя біологіи и даже соціологіи.

Идеи эти настолько общеизвѣстны, что я не стану излагать ихъ здѣсь. Я долженъ считать ихъ знакомыми читателю и ограничусь дѣломъ самимъ по себѣ достаточно труднымъ: изслѣдованіемъ практическихъ приложеній этихъ идей, ихъ нравственныхъ выводовъ. Выводы эти вкратцѣ можно формулировать такъ:

Положительно: Нужно стараться быть сильнымъ, сильнѣйшимъ, стараться имѣть какъ можно больше козырей въ игрѣ или, употребляя болѣе общепринятую метафору, стараться быть вооруженнымъ какъ можно лучше въ борьбѣ за существованіе. О родѣ оружія и о законности пріемовъ борьбы нѣтъ больше и рѣчи. Побѣда—вотъ единственное оправданіе: Трудиться для собственнаго счастья, вотъ, слѣдовательно, первый долгъ, потому что тѣмъ самымъ обезпечивается-де лучше всего счастье всѣхъ и прогрессъ расы.

Отрицательно: Нужно тщательно избѣгать помогать слабымъ и искусственно поддерживать жизнь наименѣе одаренныхъ; такъ мы приводимъ расу къ прогрессу; взваливаемъ на плечи общества ничѣмъ не окупаемое бремя, причиняемъ ему тѣлесную потерю, увѣковѣчиваемъ біологическіе и соціальные недостатки. «Всѣ спеціальныя установленія, говоритъ Спенсеръ, которыя въ высокой степени препятствуютъ превосходству пользованія преимуществами превосходства, которыя защищаютъ отсталость противъ порождаемыхъ ею золъ, всѣ установленія, которыя имѣютъ цѣлью стереть различіе между высшимъ и низшимъ, представляютъ собою установленія, діаметрально противоположныя прогрессу организаціи и наступленію высшей жизни».

Таковъ, вкратцѣ, тотъ конфликтъ между принципами, который предстоитъ разрѣшить современной морали; передъ нами встаетъ главнымъ образомъ проблема совѣсти, и проблема, надо признаться, серьезная. Дѣйствительно, съ одной стороны, современная совѣсть, освободившаяся уже отъ метафизическихъ и мистическихъ принциповъ, не можетъ совершенно отказаться встать на точку зрѣнія интересовъ расы и біологическаго прогресса. И однако, принимая эти принципы, мы постараемся избѣгнуть опасности впасть при этомъ не только въ грубый, но и легкій эгоизмъ такъ называемыхъ *struggleforlifers* (безусловныхъ сторонниковъ борьбы за существованіе); мы считаемъ невозможнымъ отказаться отъ добродѣтели, которая при всемъ несовершенствѣ, при всей неполнотѣ своего практическаго приложенія, навсегда останется составной частью нашей нравственной природы. Внутри насъ живетъ чувство, котораго не въ силахъ изгнать изъ насъ никакое усиліе воли, никакой свѣтъ науки; самые ожесточенные поколебались бы, самые убѣжденные начали бы сомнѣваться, если бы имъ показать на примѣрѣ нѣкоторыя примѣненія ихъ теоріи. Можно ли вообразить, чтобы снова стали топить плохо сложенныхъ дѣтей или возстановили чудовищную систему оставленія прокаженныхъ на произволъ судьбы? Или наконецъ (вѣдь отъ анархіи естественнаго отбора легко можно перейти къ тиранніи искусственнаго), можно ли, во имя современныхъ теорій, осуществить то, что даже древность знала, какъ мечту утописта: государство, пользующееся полнымъ правомъ разрѣшать или запрещать браки, согласно съ предполагаемыми интересами расы, свободно распоряжающееся человѣческимъ скотомъ и не обращающее ни малѣйшаго вниманія на свободу и чувства личности? Не пришлось ли бы тогда въ корнѣ измѣнить или уничтожить большинство соціальныхъ институтовъ потому что съ этой точки зрѣнія они должны казаться соціальнымъ зломъ, какъ это недавно показалъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ противниковъ этихъ теорій *); начать хотя бы съ института правосудія, этого неизмѣннаго защитника слабыхъ противъ сильныхъ, этой первой формы кооперацін отсталыхъ, съ цѣлью обезпечить себѣ силу, это первое дѣло любви и состраданія для борьбы съ жестокостями соперничества!

Отсюда видно, что стоящая передъ нами проблема не только серьезна, но вмѣстѣ съ тѣмъ деликатна, сложна, туманна и что противоположности, въ которыхъ она выражается, далеко не вполнѣ точны. Даже сами натуралисты-соціологи, повидимому, колеблются дѣлать отсюда практическіе выводы. Одни, при видѣ противорѣчія между состраданіемъ и отборомъ, приходятъ къ осужденію перваго въ пользу второго.

Но другіе, замѣчая, что состраданіе также представляетъ продуктъ эволюціи, допускаютъ, что филантропія—неизбѣжное зло и что нужно примириться съ ея развитіемъ, и заключаютъ отсюда просто, что общественное благо расы составляетъ условный и произвольный нравственный критерій, придуманный лишь впослѣдствіи, въ то время какъ человѣкъ, подъ давленіемъ какого-то рока, повидимому, осужденъ вѣчно трудиться во вредъ самому себѣ и желать собственной гибели!

Это разногласіе выводовъ само по себѣ довольно утѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, если филантропія развивается такъ неизбѣжно, то поистинѣ невозможно допустить, чтобы она по существу и вообще противорѣчила интересамъ человѣчества. Во имя самой теоріи отбора мы обязаны допустить, что глубоко вредная умственная наклонность должна исключать

*) Ch. Gide: Si les institutions sociales sont sen mal social, Revue d'Economie politique, janvier 1899.

сама себя и въ концѣ концовъ исчезнуть; иначе, естественный отборъ не заключаетъ въ себѣ ничего непогрѣшимаго, и тогда я не вижу, почему я долженъ вѣрить въ него во всѣхъ остальныхъ пунктахъ, разъ я нахожу его ошибочнымъ въ столь важномъ пунктѣ. Мы видимъ, слѣдовательно, что состраданіе, какъ сила сопротивленія нѣкоторымъ формамъ отбора, сама должна быть формой отбора. И оно, въ извѣстномъ смыслѣ, естественно и ни въ коемъ случаѣ не могло бы ни сохраняться, ни развиваться такъ широко и неуклонно, если бы оно представляло для человѣчества только форму медленнаго самоубійства. Натуралистъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ отрицать его.

Замѣтимъ здѣсь, въ какомъ хорошемъ положеніи, въ смыслѣ пробужденія нравственнаго сознанія, находится тотъ, кто принимаетъ въ морали положительную точку зрѣнія. Если совѣсть есть первоначальный даръ или сверхъестественное откровеніе, то присваиваемый ей авторитетъ въ руководительствѣ жизнью можетъ быть только дѣломъ вѣры, не допускающей никакихъ доказательствъ. Если же, напротивъ, совѣсть сама есть продуктъ жизни, если она образовалась безсознательно въ тѣсномъ соприкосновеніи съ условіями существованія, то она неизбѣжно выражаетъ самыя основныя требованія жизни. Безъ сомнѣнія, нельзя заявлять на этомъ основаніи, что она непогрѣшима въ частностяхъ, но она не можетъ быть ошибочной въ своемъ цѣломъ, въ своихъ наиболѣе общихъ принципахъ. Противники эмпиризма въ морали обвиняютъ его въ томъ, что онъ разрушаетъ авторитетъ совѣсти, дѣлая изъ нея безсознательно пріобрѣтенную привычку, отъ которой освобождаются съ того момента, какъ она проникаетъ въ сознаніе. Я не могу понять этого разсужденія; въ самомъ дѣлѣ, когда совѣсть можетъ быть менѣе произвольной, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда она естественна, и когда можетъ быть она менѣе обманчивой, чѣмъ тогда, когда она пріобрѣтена? Неужели нужно, чтобы она была чужда жизни для того, чтобы я могъ взять ее въ руководительницы своей жизни?

Мы можемъ, слѣдовательно, не опасаться за исходъ процесса, который затѣянъ противъ состраданія и который я долженъ передать теперь въ нѣсколькихъ словахъ.

II.

Начнемъ съ формъ состраданія, такъ сказать, наиболѣе матеріальныхъ, борьбу съ которыми противники ихъ—біологи—считаютъ для себя наиболѣе легкой. Наша забота о человѣческой жизни имѣетъ въ себѣ нѣчто злополучное: «Неоспоримо, говоритъ Дюркгеймъ, что мы содержимъ въ нашихъ больницахъ и богадѣльняхъ цѣлую націю кретиновъ, идіотовъ, помѣшанныхъ, всевозможныхъ неизлѣчимыхъ больныхъ, которые не могутъ приносить никакой пользы, и существованіе которыхъ, такимъ образомъ, поддерживается благодаря тѣмъ лишеніямъ, которыя налагаютъ на себя здоровые и нормальные работники; никакая діалектическая тонкость не можетъ восторжествовать надъ очевидностью фактовъ. Возражаютъ, что такіе неизлѣчимые недуги составляютъ исключеніе; но сколько просто немощныхъ людей получаетъ возможность продолжать свое существованіе, благодаря этой самой филантропіи, и все это во вредъ среднему уровню здоровья и общественному благосостоянію. Спенсеръ съ своей стороны допускаетъ, что чисто индивидуальный альтруизмъ оказываетъ нѣкоторое хорошее вліяніе, которое въ достаточной мѣрѣ возмѣщаетъ его дурные результаты. «Но всѣ тѣ предпріятія, прибавляетъ онъ, которыя имѣютъ своей цѣлью массовое покровительство слабымъ вообще, причиняютъ несомнѣнное зло; они задерживаютъ тотъ процессъ естественнаго удаленія,

которымъ общество непрерывно самоочищается». Однимъ словомъ, оффиціальная филантропія, по мнѣнію біологовъ, безусловно вредна, такъ какъ она лишена даже единственнаго своего оправданія — развитія соціальнаго чувства симпатіи у болѣе сильныхъ.

Можно сказать, что эти идеи о вырожденіи расы, благодаря соединеннымъ усиліямъ болѣе искусной медицины и болѣе активной филантропіи, въ извѣстномъ смыслѣ были предугаданы своего рода народной интуиціей, имѣющей довольно широкое распространеніе; это, впрочемъ, можетъ служить для меня основаніемъ для того, чтобы усомниться въ ихъ совершенной научной точности. Развѣ мы не слышимъ на каждомъ шагу утвержденій, что наши дѣды были крѣпче насъ и жили дольше, на томъ-де основаніи, что болѣзни, не лѣчившіяся съ такимъ стараніемъ, уносили слабѣйшихъ, а возвращавшіяся время отъ времени эпидеміи неумолимо подрѣзали дурные человѣческіе ростки, благодаря чему лѣсъ становился болѣе могучимъ?

Зло, причиняемое состраданіемъ, не менѣе сильно, говорятъ эти теоріи, въ области умственной и нравственной. Повсемѣстное распространеніе безплатнаго или очень дешеваго обученія увеличиваетъ-де число деклассированныхъ *) людей, питающихъ отвращеніе къ ручному или фабричному производительному труду и въ то же время по умственному своему развитію не превышающихъ уровня совершенно безплодной посредственности. Развѣ не раздаются въ наше время голоса въ извѣстныхъ сферахъ, указывающіе на слишкомъ широкое распространеніе средняго образованія, сдѣлавшагося слишкомъ доступнымъ, благодаря «демократическимъ тарифамъ»,—какъ на главную причину бюрократизма, промышленнаго и торговаго упадка, отсутствія индивидуальной иниціативы, на что теперь въ модѣ жаловаться?

Въ нравственномъ отношеніи, стало общимъ мѣстомъ, что благотворительность пріучаетъ тѣхъ, кто ею пользуется, къ беззаботности, непредусмотрительности, къ лѣни и пороку. Въ какомъ безвыходномъ положеніи очутился бы законодатель, который, желая успѣшно бороться съ дѣтоубійствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался бы уничтожить очередь въ воспитательныхъ домахъ и прійти на помощь несчастнымъ матерямъ, покинутымъ своими соблазнителями, изъ опасенія, какъ бы эти мѣры не усилили еще больше нравственной распущенности и не поставили бы падшихъ женщинъ, какъ это наблюдается, въ особенно благопріятное положеніе, способное вызывать зависть въ честныхъ матеряхъ семействъ! Кто не давалъ себѣ слова никогда не подавать нищимъ милостыни, прочитавъ какой-либо разсказъ о нищемъ, умершемъ на соломенномъ тюфякѣ, набитомъ процентными бумагами? И обратно, рядомъ съ этими невѣроятными капиталистами крыльца и церковныхъ папертей, сколько бѣдняковъ, имѣющихъ небольшія, но вѣрныя средства къ существованію, тѣмъ не менѣе отбиваютъ охоту къ благотворительности своей беззаботностью и относительной расточительностью! Предусмотрительность является добродѣтелью, свойственною, повидимому, среднимъ классамъ, которые доводятъ ее иногда до излишнихъ размѣровъ; но даже послѣ краткаго наблюденія жизни мелкихъ служащихъ, прислуги, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что они позволяютъ себѣ такіе расходы, которые въ достаточныхъ семьяхъ считаются расходами на роскошь, которыхъ избѣгаютъ и въ которыхъ упрекаютъ себя. При такихъ условіяхъ является вопросъ, не вредна ли благотворительность

*) Т. е. людей, вышедшихъ изъ рамокъ своего класса и не вошедшихъ ни въ одинъ изъ другихъ. *Прим. перев.*

и не способна ли она даже скомпрометтировать развитіе существенныхъ практическихъ добродѣтелей.

Эти положенія въ настоящее время настолько извѣстны и настолько свойственны самимъ филантропамъ, что я могу ограничиться приведенными указаніями, не опасаясь обвиненія въ ослабленіи оспариваемаго положенія. Пока состраданіе считалось добродѣтелью чисто внутренней и индивидуальной, пока, слѣдовательно, въ немъ цѣнили заслугу самопожертвованія выше, чѣмъ дѣйствительную пользу помощи,—вопросъ о томъ, какъ давать и какъ употреблять полученное, не имѣлъ большого значенія. Мало того, нищенство стало даже добродѣтелью, дополняющей состраданіе. «Господа, сказалъ однажды епископъ беллейскій Камюсъ, вашему состраданію рекомендуютъ молодого человѣка, не имѣющаго достаточно средствъ, чтобы дать обѣтъ бѣдности». Въ наше время невозможно уже становиться на такую точку зрѣнія; отъ состраданія требуютъ отчета; и если окончательный итогъ его кажется недостаточнымъ, то оно не можетъ надѣяться ни на какой кредитъ.

Но что, въ концѣ концовъ, доказываютъ приведенныя мною заявленія, если даже они совершенно точны? Просто на просто, то, въ чемъ никто не сомнѣвается, а именно, что есть дурные способы оказывать состраданіе. Но это не можетъ помѣшать тому, чтобы имѣлись и хорошіе способы и нисколько не препятствуетъ тому, чтобы состраданіе, въ своемъ истинномъ принципѣ, оставалось совершенно неповиннымъ во всѣхъ тѣхъ промахахъ, какіе совершаются подъ его именемъ. Однако, прежде чѣмъ защищать состраданіе, мы должны предложить его противникамъ въ свою очередь такой вопросъ: дѣйствительно ли имѣетъ отборъ всѣ тѣ преимущества, которыя ему присваиваютъ? представляетъ ли онъ вѣрный факторъ прогресса?

III.

Наблюденіе надъ исторіей животнаго и растительнаго міра, даже очень бѣглое, показываетъ съ очевидностью, что не всегда сила обезпечиваетъ выживаніе. Всѣ гигантскія породы доисторическихъ временъ исчезли и уступили мѣсто болѣе умѣреннымъ видамъ. Вмѣсто громадныхъ древовидныхъ папоротниковъ каменноугольнаго періода — низкорослыя растенія, ютящіяся подъ деревьями въ лѣсахъ; исчезли мастодонтъ и мамонтъ и еще болѣе баснословные динозавры, которыхъ показала намъ Америка и одинъ изъ которыхъ, недавно открытый Ридомъ (Reed) въ Колорадо, долженъ былъ достигать 40 метровъ длины и 8—высоты. Еще недавно вымерли или находятся на пути къ вымиранію множество рослыхъ и сильныхъ породъ: таковы Aepyornis на Мадагаскарѣ и Dinornis въ Новой Зеландіи, китъ или левъ. Все это показываетъ намъ, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ *сила есть слабость*. Потребность этихъ могучихъ существъ въ обильной пищѣ, жизнь въ одиночку, на которую они вслѣдствіе этого обыкновенно обречены, и которая лишаетъ ихъ преимуществъ объединенія, ихъ слабая размножаемость—таковы недостатки, стоящіе въ связи съ самой ихъ силой. И обратно, *слабость можетъ быть силой*, и басня о львѣ и комарѣ можетъ такъ же хорошо выражать часто подтверждающійся біологическій фактъ, какъ и моральную аллегорію. Неощутимый микробъ сводитъ въ могилу человѣка. Де-Катрфажъ (de-Quatrefages) разсказываетъ, что при нашествіи большой крысы изъ Россіи сѣрая крыса погибла, между тѣмъ какъ мышь ускользнула отъ своего могущественнаго врага именно благодаря своей малой величинѣ, такъ какъ тотъ не могъ настигнуть ея въ ея слишкомъ маленькихъ норкахъ.

Низшіе организмы именно своей простотѣ обязаны своей большей живучестью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть сравнятъ колебанія температуры, которыя можетъ вынести микробъ, способность высушенной круговертки къ оживанію—съ хрупкостью жизни высшихъ животныхъ и человѣка.

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего двусмысленнѣе тѣхъ идей превосходства и отсталости, силы и слабости, которыми злоупотребляютъ, не опредѣляя ихъ, какъ слѣдуетъ, защитники теоріи отбора. То, что составляетъ *преимущество* въ борьбѣ за существованіе, далеко не всегда создаетъ для даннаго существа дѣйствительное *превосходство*. Совершенство и приспособленность не всегда совпадаютъ. Дарвинъ, напримѣръ, сообщаетъ намъ, что большинство видовъ скарабеевъ (навозный жукъ) на островѣ Мадерѣ почти совершенно лишены крыльевъ, и онъ приписываетъ это обстоятельство тому, что скарабеи, взлетавшіе слишкомъ высоко, подхватывались сильными вѣтрами, господствующими въ этомъ мѣстѣ, и, должно быть, сбрасывались ими въ море, гдѣ и погибали. Наименѣе одаренные въ отношеніи летанія одни только должны были выживать и продолжать родъ [1]. Такимъ образомъ, эволюція вмѣстѣ съ закономъ борьбы за существованіе во многихъ обстоятельствахъ, какъ это часто показывали сами эволюціонисты, приводитъ къ явленіямъ регресса въ мірѣ животныхъ.

Тѣмъ съ большимъ правомъ можно ожидать того же въ примѣненіи къ человѣчеству, гдѣ отборъ постоянно перекрещивается со всевозможными условіями, совершенно чуждыми, а то даже и противными истинному превосходству человѣческаго существа. Важнѣйшія изъ этихъ условій это— условія экономическія. Богатые люди вовсе не наилучшіе представители человѣческой природы ни съ физической точки зрѣнія, ни въ умственномъ отношеніи. Даже съ точки зрѣнія оказываемыхъ обществу матеріальныхъ услугъ, наша экономическая организація, чтобы ни думали на этотъ счетъ защитники соперничества, далеко не обезпечиваетъ наибольшаго богатства за наиболѣе полезными людьми. Это не мѣшаетъ тому, что нѣкоторый достатокъ, если не богатство, составляютъ въ наше время основное условіе выживанія индивидовъ, брака и продолженія семьи. Такимъ образомъ, тѣ, кому благопріятствуетъ экономическій отборъ, вовсе не представляютъ собою наилучшихъ людей съ общественной и гуманной точки зрѣнія.

Въ вину тому же экономическому отбору соперничества могутъ быть поставлены также отрицательныя стороны слишкомъ сильнаго неравенства богатства, а эти отрицательныя стороны, съ точки зрѣнія общаго соціальнаго интереса, не подлежатъ сомнѣнію. Прежде всего къ числу ихъ принадлежитъ отклоненіе производства въ сторону изготовленія предметовъ чистой роскоши и дорогихъ бездѣлушекъ, и какъ слѣдствіе этого, вздорожаніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, въ особенности, какъ показываетъ повседневный опытъ, продуктовъ сельско-хозяйственныхъ. Здѣсь лишній разъ видно, насколько ошибочно прилагать къ человѣчеству законъ, едва провѣренный на животномъ мірѣ. Дѣйствительно, у животныхъ одного и того же рода потребности такъ ограничены, что допускаемая ими разница въ степени удовлетворенія этихъ потребностей отдѣльными индивидами, совершенно незначительна; между людьми эта разница можетъ быть неизмѣримой; животныя борются за минимумъ, дальше котораго они не идутъ, тогда какъ потребности человѣка разростаются въ безграничныя желанія, за удовлетвореніе которыхъ люди продолжаютъ бороться. Съ другой стороны, крайнее экономическое неравенство очень мало благопріят-

[1]) Срав. Des Decamps въ «Revue Socialiste», май 1898, стр. 572—599.

ствуетъ наилучшему использованію тѣхъ ограниченныхъ средствъ, которыми располагаетъ человѣкъ. Кому изъ васъ не бросалась въ глаза плохая работа соціальной машины, когда, проходя зимой по деревнѣ или лѣтомъ по городу, онъ видѣлъ столько незанятыхъ удобныхъ и даже роскошныхъ жилищъ, въ то время какъ столько несчастныхъ не имѣютъ крова или ютятся въ смрадныхъ лачугахъ! Сколько имуществъ при нашемъ строѣ, по крайней мѣрѣ временно, недоступно ни для какого употребленія, не служа ни къ чему даже тѣмъ, кто ими владѣетъ! Сколько богатствъ, остающихся безъ движенія и изъятыхъ изъ обращенія, чтобы обезпечить нѣсколькимъ лицамъ короткое удовольствіе! Сколько выгодъ остаются неиспользованными вслѣдствіе недостаточной практики товарищества, сколько переносится невознаградимыхъ лишеній, сколько дѣлается безплодныхъ расходовъ и усилій! Я вовсе не хочу указывать здѣсь, какъ можно было бы избѣжать этихъ отрицательныхъ сторонъ, и даже не думаю утверждать, что есть практическое средство избѣжать ихъ: я хотѣлъ только дать понять, что борьба за существованіе и ея спеціальная форма—соперничество не обладаютъ всѣми добродѣтелями и далеко не могутъ обезпечить ни торжества лучшихъ, ни наибольшаго блага всѣхъ.

Разсматривая отношенія между умомъ и силой или физическимъ здоровьемъ, мы придемъ къ аналогичнымъ заключеніямъ. Что въ мірѣ животныхъ побѣда остается за сильнѣйшими, это мы привыкли считать желательнымъ, справедливымъ и согласнымъ съ интересами рода, ибо здѣсь дѣло идетъ лишь о чисто біологическомъ прогрессѣ. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло по отношеніи къ человѣчеству. Здѣсь интересъ рода вполнѣ непосредственно связанъ съ умственнымъ превосходствомъ, а между тѣмъ наиболѣе развитые умственно вовсе не самые здоровые, какъ и не самые богатые. Слѣдуетъ ли обречь ихъ гибели? «Можно считать достовѣрнымъ, говоритъ одинъ антропологъ-селекціонистъ *) что преждевременная смертность чаще среди людей съ крупнымъ мозгомъ, и такъ какъ, съ другой стороны, высокіе и интеллигентные классы находятся на пути постояннаго вымиранія, то мало вѣроятности, чтобы естественный отборъ привелъ къ умноженію крупныхъ мозговъ и къ повышенію средняго уровня» **). Тотъ же антропологъ однако пишетъ: «Если бы въ человѣческомъ родѣ функція воспроизведенія была сохранена, въ видѣ привилегіи, за одними только избранными индивидами высшей расы, то, вѣроятно, по истеченіи одного или двухъ вѣковъ геніальныхъ людей можно было бы встрѣтить на улицѣ на каждомъ шагу, а люди, равноцѣнные нашимъ знаменитѣйшимъ ученымъ, употреблялись бы для земляныхъ работъ». Но какъ разъ геніальные люди, какъ извѣстно, часто оказываются дурными воспроизводителями, а потомки ихъ, когда они имѣются, обыкновенно бываютъ довольно посредственными людьми.

Наконецъ, можетъ ли имѣть свободный отборъ болѣе удовлетворительные результаты, даже съ точки зрѣнія чисто физическаго интереса расы? Приведенное мною выше мнѣніе о вредныхъ результатахъ прогресса медицинской науки кажется неоспоримымъ, и однако оно не что иное, какъ *апріорное* утвержденіе, не подтверждающееся фактами. Въ самомъ дѣлѣ, статистика показываетъ, что общая жизненность не ослаблена искусственнымъ сохраненіемъ наиболѣе хилыхъ организмовъ, такъ какъ смертность *во всѣхъ возрастахъ* чувствительно понизилась съ того сравнительно недавняго времени, до котораго восходятъ наши статистическія свѣдѣнія,

---

*) Сторонникъ теоріи отбора. *Прим. перев.*

**) Vacher de Lapouge. въ «Revue intern. de Sociologie», Мартъ 1895, стр. 185.

и повидимому, все большій процентъ людей достигаетъ крайнихъ предѣловъ, опредѣленныхъ природой человѣческой жизни. Такая же иллюзія— та расчистка, которую якобы производятъ эпидеміи. Допустимъ въ крайнемъ случаѣ, что далеко не точно, будто такіе бичи, какимъ нѣкогда была чума, щадили всегда самыхъ сильныхъ; но и они оставались ослабленными и изуродованными. «Переживающіе тяжелую холерную эпидемію, оспу, дифтеритъ, какъ мы это видимъ въ некультурныхъ странахъ, говоритъ Крапоткинъ,—вовсе не самые сильные, не самые здоровые и не самые умные. Никакой прогрессъ не могъ бы опираться на этихъ уцѣлѣвшихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они выходятъ изъ испытанія съ разрушеннымъ здоровьемъ, подобно забайкальскимъ лошадямъ, участникамъ полярныхъ экспедицій или гарнизону крѣпости, который въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вынужденъ былъ довольствоваться половиннымъ раціономъ; они выходятъ изъ этихъ испытаній съ надломленнымъ здоровьемъ и впослѣдствіи даютъ въ своей средѣ совершенно ненормальную смертность*)».

IV.

Итакъ, если неразумное состраданіе можетъ причинить нѣкоторое зло человѣческому обществу, то слѣпой отборъ, несомнѣнно, причиняетъ еще больше зла. Развѣ мы не видимъ теперь, что состраданіе, по крайней мѣрѣ, разумно проявляемое состраданіе, въ большей своей части можетъ быть дѣломъ исправленнаго, очеловѣченнаго отбора, старающагося предохранить человѣка отъ суровой природы, умъ—отъ болѣзни, добрую волю—отъ неудачъ, полезный трудъ—отъ бѣдности; затѣмъ, дѣломъ положительнаго отбора, направленнаго къ возвышенію уровня человѣческой природы и противоположнаго чисто отрицательному отбору, дѣйствующему, и часто безуспѣшно, путемъ жертвъ и требующему человѣческихъ гекатомбъ? Наше глубокое невѣдѣніе запрещаетъ намъ допускать подобныя жертвы, не попытавшись предварительно предотвратить ихъ. Вѣдь хилый ребенокъ можетъ окрѣпнуть и дожить до глубокой старости; человѣкъ, въ молодости казавшійся посредственностью, въ зрѣломъ возрастѣ обнаруживаетъ талантъ, и геній. Наполеонъ считался неспособнымъ ученикомъ; Дарвинъ приводилъ своего отца въ отчаяніе своей неустойчивостью къ труду и самъ признается, что событіе, опредѣлившее его ученую карьеру, путешествіе на *Биглѣ*, зависѣло отъ совершенно незначительныхъ обстоятельствъ. Само наше невѣдѣніе запрещаетъ намъ, слѣдовательно, предаваться отчаянію, пессимизму, терять надежду на спасеніе себя и другихъ. Какая болѣзнь неизлѣчима? Какая раса окончательно обречена на вырожденіе? Какое низшее человѣческое существо или племя не способно заключать въ себѣ неизвѣстный зародышъ оригинальности, нѣкоторое скрытое начало возрожденія, требующее для своего проявленія только благопріятныхъ обстоятельствъ? Мы слишкомъ безпомощны въ творчествѣ, чтобы не заботиться о сохраненіи.

Въ борьбѣ за существованіе я вижу два момента: собственно жизненную борьбу между болѣе или менѣе сходными существами, которыя, живя одними и тѣми же источниками къ существованію, стремятся уничтожить другъ друга; и затѣмъ усилія, направленныя на улучшеніе самихъ условій существованія, на преодолѣніе препятствій, налагаемыхъ окружающей средой; эти усилія, напротивъ, приводятъ существа къ ассоціаціи, къ взаимной помощи на благо всѣхъ. Мы видѣли, что первый

*) Цитировано по D. Decamps. Rev-Socialiste, іюнь 1898, стр. 719.

изъ этихъ факторовъ имѣетъ для прогресса лишь весьма сомнительную и весьма неравномѣрную цѣнность; напротивъ, что касается второго, составляющаго отправной пунктъ актовъ и чувства состраданія, его безспорно благотворное значеніе мы видимъ вполнѣ ясно. Даже животнымъ извѣстно оно, и среди многихъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ не только общія начала ассоціаціи, но и почти неизбѣжныя слѣдствія ассоціаціи—доброту, помощь больнымъ и слабымъ *). Человѣческое страданіе должно быть приведено въ связь прежде всего именно съ этими идеями. Точно также вижу я два момента и въ приспособленіи: во-первыхъ, пассивное приспособленіе существъ къ окружающей средѣ, со всѣми сопровождающими его страданіями и смертями, приспособленіе, впрочемъ очень медленное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень ограниченное, котораго могутъ достигнуть сравнительно лишь немногіе индивиды; во-вторыхъ, приспособленіе активное, которымъ существо старается видоизмѣнить окружающую среду въ благопріятную для себя сторону, устранить изъ нея грозящія ему разрушительныя силы, приспособленіе, относительно быстрое и способное легко передаваться какъ между индивидами одного и того же поколѣнія, такъ и отъ одного поколѣнія къ другому. Эта именно искусственная, изобрѣтенная, соціальная и вполнѣ коллективная или, по крайней мѣрѣ, передаваемая форма приспособленія и господствуетъ въ человѣчествѣ и составляетъ его силу. Дѣйствительно, если мы спросимъ себя, какъ совершается въ человѣчествѣ прогрессъ, то возможны три отвѣта: либо онъ обязанъ *обусловливаемому отборомъ уничтоженію* слабѣйшихъ и *передачѣ природныхъ свойствъ* выживающихъ; но отборъ этотъ, какъ мы видѣли, совершенно безпорядочный, а передача эта, по признанію позднѣйшихъ біологовъ, весьма сомнительная и во всякомъ случаѣ очень ограниченная; либо можно сослаться на *воспитаніе* и *наслѣдственную передачу пріобрѣтенныхъ свойствъ*; но воспитаніе еще недостаточно могущественно, чтобы измѣнить самую основу природы и въ особенности передавать по наслѣдству свои въ высшей степени непрочныя пріобрѣтенія; либо, наконецъ, что мнѣ кажется самымъ вѣрнымъ, можно класть въ основу прогресса чисто внѣшнюю *соціальную передачу* и *прямое*, также вполнѣ соціальное *распредѣленіе* преимуществъ, добытыхъ индивидуальными и коллективными усиліями. Сравните то, что изъ знаній такого человѣка, какъ Кассини, или изъ искусства, положимъ, Баха (если взять примѣры, наиболѣе благопріятные для наслѣдственности) можетъ перейти къ ихъ потомкамъ чисто біологическимъ путемъ, съ тѣмъ, что можетъ сообщиться имъ соціальнымъ путемъ, посредствомъ изученія ихъ произведеній и благодаря яркому свѣту ихъ генія! Передаются и распространяются главнымъ образомъ благіе результаты великихъ дѣяній, художественнныя, научныя и промышленныя изобрѣтенія, политическія и общественныя установленія. Развѣ это не значитъ, что прогрессъ обусловливается тѣмъ, что толпа посредственностей постоянно, почти непосредственно и порой безъ исключенія, наслаждается и пользуется усиліями и превосходствомъ одареннѣйшихъ? Что же такое этотъ законъ, какъ не законъ состраданія, конечно, не въ моральномъ и сентиментальномъ смыслѣ этого слова, но состраданія, какъ фактической дѣйствительности? А если такъ, то какой вредъ можетъ

*) Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ отказаться отъ фактическаго обоснованія этихъ утвержденій; подтверждающіе ихъ факты можно найти въ большомъ количествѣ въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, въ частности, много очень интересныхъ фактовъ собрано въ статьѣ C. Fages «Lutte ou Accord pour la vie», Rev. Socialiste, декабрь, 1898 годъ.

произойти отъ того, что мы будемъ намѣренно и сознательно примѣнять его, внѣдрять его въ самое сердце людей?

Такимъ образомъ, ассоціація для лучшаго сопротивленія окружающей средѣ и, въ конечномъ счетѣ, для искуснаго приспособленія среды къ потребностямъ соціализованнаго существа, предоставленіе въ общее пользованіе всѣхъ средствъ, и, какъ неизбѣжное слѣдствіе отсюда, право менѣе одаренныхъ пользоваться превосходствомъ другихъ, вотъ двойной законъ, который кажется намъ столь же естественнымъ, какъ и законъ отбора, и который, по нашему мнѣнію, гораздо больше способенъ превратиться въ нравственное правило. Искусственное сохраненіе слабыхъ и отреченіе сильныхъ отъ своихъ привиллегій—да вѣдь это основной принципъ всякой цивилизаціи! Человѣческій родъ обязанъ ему самымъ существованіемъ своимъ, потому что, вооруженный природой гораздо слабѣе своихъ соперниковъ, онъ сохранился вначалѣ и затѣмъ достигъ своего нынѣшняго господства именно благодаря этому двойному искусству. Что мы выиграемъ, если подъ вліяніемъ индивидуалистической заботливости о строго пропорціональной справедливости, увеличимъ неизбѣжно бремя всѣхъ? Развѣ мы не видимъ, что всякая ассоціація, даже если рѣчь идетъ только объ экономіи, а не о состраданіи, предполагаетъ постоянныя уступки со стороны тѣхъ, которые находятся въ наилучшихъ условіяхъ? Примиримо ли съ строго справедливымъ воздаяніемъ за услуги то обстоятельство, что я плачу три су за отправку письма въ Аньеръ, въ то время какъ мой сосѣдъ платитъ не больше за письмо въ Марсель? Но если, примѣняя этотъ принципъ пропорціональности, я усложню услугу или если даже я откажусь отъ выгодъ ассоціаціи, то вся моя выгода будетъ въ томъ, что самъ я буду платить вдвое больше, не имѣя другого утѣшенія, кромѣ сознанія, что сосѣдъ мой платитъ въ сто разъ больше. Я отлично знаю, что здѣсь уступки дѣлаются въ разсчетѣ на взаимныя услуги, и что состраданіе, слѣдовательно, не принимаетъ здѣсь прямого участія. Но, спрашивается, развѣ въ массѣ случаевъ сопротивленіе нѣкоторымъ реформамъ, страхъ передъ нѣкоторыми общественными установленіями, которыя, въ конечномъ счетѣ, оказались бы полезными для всѣхъ, развѣ все это не вытекаетъ изъ этой узкой заботы о пропорціональной справедливости, изъ болѣе или менѣе завистливаго чувства по отношенію къ большимъ выгодамъ ближняго, то есть, въ концѣ концовъ, изъ отсутствія чувства великодушія и состраданія? Я спрашиваю, развѣ можетъ подобное чувство быть выгоднымъ для коллективныхъ группъ, хотя несомнѣнно, что иногда оно можетъ быть очень прибыльнымъ даже для отдѣльной личности.

Если бы не недостатокъ мѣста, я долженъ былъ бы дать обзоръ уже существующихъ главныхъ формъ актовъ состраданія и показать, что уже и теперь итогъ состраданія оказывается удовлетворительнымъ, и въ особенности, что вопреки всѣмъ несовершенствамъ практики, основной принципъ большинства этихъ дѣлъ остается неприкосновеннымъ даже съ точки зрѣнія самого отбора, если только имѣть въ виду отборъ истинно человѣческій, дѣйствительно согласный съ благомъ общества или даже расы. Исправлять несправедливости природы (наводненія и проч.), произвольно поражающія человѣка или благопріятствующія ему, исправлять также часто неравномѣрно распредѣленныя и такія же роковыя бѣдствія, причиняемыя несовершенствомъ соціальной организаціи однимъ, въ то время какъ другіе извлекаютъ изъ тѣхъ же самыхъ несовершенствъ выгоды, спасать отъ полнаго разрушенія временно приведенныя въ безпомощное состояніе соціальныя силы (болѣзни, временная потеря трудоспособности), изолировать, какъ для леченія, такъ и для того, чтобы по-

мѣшать ихъ распространенію, нѣкоторыя заразныя болѣзни (туберкулёзъ и т. п.), выводить способныхъ и талантливыхъ людей изъ окружающей ихъ неблагопріятной среды, способной задавить ихъ развитіе, и помогать имъ развить плодотворную дѣятельность, поддерживать достойную, хотя и безполезную уже старость, чтобы предотвратить неутѣшительное и деморализующее зрѣлище потухающей въ нищетѣ трудовой жизни, вотъ каковы, въ числѣ множества другихъ, тѣ цѣли, преслѣдованіе которыхъ вполнѣ согласуется съ коллективными интересами и съ повышеніемъ уровня жизни.

Но, возразятъ мнѣ, всѣ эти дѣла стоятъ ли чего нибудь, требуемыя ими жертвы должны вѣдь зачитываться въ пассивъ, и онѣ, пожалуй, не возмѣщаются сомнительными выгодами?

На это я прежде всего замѣчу, что часто итогъ этотъ подводится очень плохо; представлять себѣ понесенныя лишенія и пріобрѣтенныя выгоды, какъ одинаковыя величины, это значитъ разсуждать чисто матеріалистически и не обращать должнаго вниманія на психологическій моментъ. Въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто совершенно обратное: при правильно организованной благотворительности, тотъ, кто даетъ, теряетъ гораздо меньше, чѣмъ выигрываетъ тотъ, кто получаетъ. Лишая себя ничтожной суммы, достаточный человѣкъ не измѣняетъ изъ-за этого своего образа жизни, между тѣмъ, какъ эта сумма, при хорошемъ употребленіи, иногда можетъ послужить къ спасенію бѣдняка, борящагося съ гнетущей нуждой. Я иду дальше: отреченіе богачей отъ части ихъ избытка иногда служитъ на благо имъ самимъ; я имѣю въ виду не только ихъ нравственное совершенствованіе, не только бòльшую независимость характера и радости, которыя они находятъ въ тѣхъ самыхъ дѣлахъ, которымъ они себя посвящаютъ. Я хочу сказать, что начиная съ извѣстнаго момента, избытокъ становится вреднымъ для самого того, въ чьемъ распоряженіи онъ находится. Развѣ не извѣстно, что изысканная и слишкомъ обильная ѣда, привычка постоянно ѣздить въ экипажахъ, частое повтореніе ночныхъ свѣтскихъ развлеченій неуклонно надламываютъ здоровье богатыхъ людей?

Боятся, что состраданіе поведетъ къ усиленію беззаботности, лѣни и порока. Но развѣ не видятъ, что если избытокъ богача не будетъ истраченъ на дѣла общественной благотворительности, то онъ пойдетъ на разгулъ, на поддержаніе дутыхъ предпріятій ложнаго искусства и безсовѣстныхъ паразитовъ? Самая неразумная милостыня никогда не причинитъ столько зла, какъ безсмысленная расточительность, и я предпочелъ бы видѣть, какъ богачъ помогаетъ человѣку, не заслуживающему помощи, чѣмъ видѣть его спокойное отношеніе къ безстыдному воровству со стороны праздной прислуги или къ завѣдомому мошенничеству безсовѣстнаго поставщика.

Далѣе, въ балансѣ состраданія, какъ мнѣ кажется, оцѣниваютъ слишкомъ низко самое поддержаніе чувства симпатіи, которое составляетъ основу всякой соціальной жизни, всякой силы и всякаго прогресса, а именно оно то лучше всего и объясняетъ акты чистой гуманности. Какой ущербъ въ итогѣ, если для того, чтобы избѣжать непосредственнаго и частичнаго ущерба, развиваютъ противоположныя чувства, поощряя узкій эгоизмъ struggle for life! *) Еще разъ: если, экономически разсуждая, обогащатсься не всегда значитъ оказывать услуги, если конкуренція часто ведетъ къ поддѣлкамъ и къ изготовленію недоброкачественнаго товара, то разсуждая съ моральной точки зрѣнія, удача также не служитъ признакомъ превосходства, торжествовать не значитъ совершенствоваться, и я боюсь, какъ бы мораль соперничества также не доставила бы намъ

---

*) Борьба за существованіе.

одни только недоброкачественные характеры. Воспитаніе безкорыстныхъ чувствъ, поддержка чувства преданности вполнѣ стоятъ жертвъ и можетъ ли быть, съ общественной точки зрѣнія, дѣло болѣе полезное, болѣе выгодное помѣщеніе капитала?

Попробуемъ теперь формулировать вкратцѣ заключенія этого долгаго обсужденія.

Разсматриваемое само по себѣ, независимо отъ правилъ и условій своего проявленія, состраданіе есть простое чувство, какъ таковое, оно необходимо, и въ большинствѣ случаевъ бываетъ двигателемъ самой справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, голое неумолимое право—это синонимъ неподвижности; каждый шагъ впередъ въ организаціи болѣе совершенной соціальной справедливости требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны тѣхъ, для которыхъ выгодно существующее въ данный моментъ право, чтобы установить право болѣе справедливое. *Общество*, пожалуй, только справедливо, когда оно приходитъ на помощь въ бѣдствіи, анонимнымъ авторомъ котораго оно является, и исправляетъ послѣдствія своихъ несовершенствъ и своихъ прошлыхъ несправедливостей. Но *индивидъ* остается истинно сострадательнымъ, когда онъ добровольно становится орудіемъ этой соціальной справедливости и налагаетъ на себя нѣкоторую личную жертву, чтобы облегчить зло, за которое онъ лично неотвѣтственъ.

Но именно отсюда видно, что состраданіе не можетъ быть чѣмъ-то самодовлѣющимъ; сведенное къ состоянію чистаго чувства, вполнѣ субъективной добродѣтели, оно подвержено всяческимъ уклоненіямъ. Оно нуждается, слѣдовательно, въ правилѣ, и такимъ правиломъ оказывается соціальное правило общей пользы и справедливости. Если состраданіе совершенно не интересуется практическими результатами и реальнымъ воздѣйствіемъ своихъ актовъ, то именно тогда оно мнѣ кажется «мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ», о которыхъ говоритъ апостолъ. Безъ сомнѣнія, давать не любя, это значитъ поступать противно нравственности; но, дѣйствуя подъ вліяніемъ слѣпой чувствительности и смутной религіозности, причинять вредъ тому, котораго якобы любишь, или дѣлать добро нѣкоторымъ, въ ущербъ всѣмъ, это съ соціальной точки зрѣнія еще хуже.

Такимъ образомъ, проявленіе состраданія—дѣло довольно щекотливое, такъ какъ мы должны любить каждаго во всѣхъ; его трудно проявлять на дѣлѣ еще потому, что любовь къ ближнему, повидимому, теряетъ въ живости то, что выигрываетъ въ объемѣ, и въ вѣрности то, что выигрываетъ въ силѣ.Двигающая состраданіемъ сила находится, можно сказать, въ обратномъ отношеніи къ благоразумію правила. Анонимная, холодная, оффиціальная помощь со стороны государства или какого-либо общества мало соблазнительна, между тѣмъ какъ индивидуальное проявленіе состраданія оказывается мало дѣйствительнымъ и легко доступнымъ для всевозможныхъ ошибокъ и заблужденій. Но это психологическое затрудненіе вполнѣ легко разрѣшимо: это дѣло воспитанія и привычки. Кто сталъ бы настаивать на томъ, будто интересъ дѣла не способенъ породить столько же энергіи, вызвать къ себѣ такую же преданность, какъ и личный интересъ? Кто осмѣлился бы утверждать, будто великое безличное дѣло коллективнаго блага и общественнаго идеала менѣе способно волновать истинно возвышенныя души, чѣмъ чисто личныя симпатіи и сочувствіе?

Итакъ, я убѣжденъ, что состраданіе, нисколько не отказываясь ни отъ активнаго участія индивида, ни отъ столь цѣннаго проявленія личныхъ чувствъ доброжелательности и братства, можетъ и должно становиться все болѣе и болѣе соціальнымъ. Соціальнымъ будетъ оно, во-пер-

выхъ, по своимъ *объектамъ и мотивамъ*, потому что желая дѣлать добро кому-либо, нужно всегда сохранять въ себѣ заботу о благѣ всѣхъ, потому, наконецъ, что чувствительность, трогающаяся частнымъ несчастіемъ есть только начальный стимулъ, а не вѣнецъ и высшее совершенство состраданія. Соціальнымъ затѣмъ будетъ оно въ своихъ *пріемахъ*, потому что при хорошо организованномъ состраданіи дѣло будетъ итти не столько о томъ, чтобы возмѣщать лишенія или освобождать отъ усилій, сколько о томъ, чтобы создать такія условія, при которыхъ усилія эти возможны и не осуждены на безплодность, чтобы давать людямъ доброй воли точку опоры, первую основу дѣйствія, безъ которой неизбѣжно должно наступить уныніе и даже отчаяніе, наконецъ, чтобы возстанавливать или создавать энергіи (напримѣръ, помощь трудомъ). Соціальными будетъ, наконецъ, состраданіе по своимъ *средствамъ*, потому что организованная помощь, въ формѣ ли частныхъ дѣлъ благотворительности или даже въ извѣстной мѣрѣ въ формѣ общественной помощи, въ принципѣ, должна быть болѣе дѣйствительной и менѣе тягостной, лучше освѣдомленной, а, слѣдовательно, болѣе равномѣрной, болѣе соотвѣтствующей дѣйствительнымъ нуждамъ и должна распредѣляться болѣе справедливо, чѣмъ чисто-индивидуальная помощь.

Такимъ путемъ состраданіе избѣжитъ ошибокъ болѣе или менѣе мистическаго субъективизма; тѣмъ же самымъ путемъ отразитъ натискъ безчеловѣчнаго натурализма. Мы уже показали, что было бы по истинѣ безуміемъ, стремясь къ осуществленію человѣческаго идеала, опираться больше на законы низшей природы и на неопредѣленное дѣйствіе чисто біологическихъ силъ, чѣмъ на психологическіе принципы, предпочитая слѣпую причинность нравственной и разумной цѣлесообразности.

Теологи говорятъ, что Богъ любитъ самого себя безконечной любовью; точно также конечнымъ идеаломъ и правиломъ истиннаго состраданія должна быть просвѣщенная любовь къ человѣчеству со стороны человѣчества же. Какими бы невозмѣстимыми, а, слѣдовательно, геройскими ни казались требуемыя состраданіемъ жертвы со стороны индивида, для человѣческаго общества онѣ должны казаться лишь временными. Съ точки зрѣнія нравственности и для совѣсти индивида, состраданіе должно быть только преданностью прогрессу справедливости, добровольнымъ и сознательнымъ превосхищеніемъ, со стороны болѣе счастливыхъ, высшаго идеала соціальной взаимопомощи, приближеніе къ идеальному обществу, гдѣ жертва и борьба одинаково исчезнутъ, уступивъ мѣсто братскому сотрудничеству.

VII.

Этика Соціализма.

(Ж. Сорель).

Этика соціализма представляетъ величайшія трудности; обыкновенно, занимающіеся ею писатели пытаются показать, какъ слѣдуетъ разрѣшить соціальный вопросъ, вмѣсто того, чтобы истолковывать соціалистическое движеніе; между тѣмъ движеніе это пріобрѣло въ настоящее время столь широкое распространеніе и настолько точныя характерныя черты, что его можно изучать, какъ естественное явленіе. Не слѣдуетъ ограничиваться обсужденіемъ мнѣній принадлежащихъ перу выдающихся соціалистическихъ писателей; опытъ показываетъ намъ, что народъ часто уклоняется отъ руководства тѣхъ, которые воображаютъ, что ведутъ его за собой; нако-

нецъ, какъ говоритъ Мерлино, *соціализмъ вещей* гораздо интереснѣе *соціализма соціалистовъ* *).

Всякій, кто занимался историческими науками, знаетъ, что ни одно великое соціальное движеніе невозможно свести къ одному лишь принципу; всякая попытка опредѣлить какую-либо эпоху абстрактной формулой кончается неудачей; формула эта никогда не приложима въ точности къ тѣмъ фактамъ, которые она якобы объясняетъ. Всюду мы находимъ смѣшеніе двухъ противоположныхъ принциповъ; они соотвѣтствуютъ двумъ системамъ стремленій и чувствъ, которыя перемѣшиваются между собой, сталкиваются и сочетаются другъ съ другомъ, при чемъ актеры этой драмы не сознаютъ ни той сложной роли, которую они играютъ, ни двойственнаго происхожденія мотивовъ своего дѣйствія.

Въ современномъ соціализмѣ легко различить два противоположныя этическія понятія: одно—понятіе естественнаго права, а другое—историческаго права; первое, воплощающее въ себѣ традиціи либеральной буржуазіи, относится къ эпохѣ французской революціи; второе, разработанное главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Маркса, черпаетъ свои принципы въ изученіи соціальныхъ условій, созданныхъ крупной промышленностью. Не нужно, однако, думать, будто существуетъ какая-либо абсолютно чистая школа; ни одинъ соціалистъ не оставался постоянно вѣрнымъ одному только ученію

Естественное право вложило великолѣпное оружіе въ руки людей, нападавшихъ на установленныя власти; имъ пользовались самыя различныя группы, потому что оно даетъ только отрицательные результаты и дѣйствіе его чисто разрушительное: когда приходитъ день революціи, то соціальная группа, находящаяся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для наслѣдованія власти, возстанавливаетъ авторитетъ въ свою пользу.

Первые соціалисты употребляли противъ буржуазіи то же оружіе, которое эта послѣдняя употребляла противъ привиллегированныхъ классовъ стараго порядка; они вновь провозгласили принципы XVIII вѣка и требовали доли для четвертаго сословія.

Умъ нашъ настолько лѣнивъ, что отвлеченная логика, традиція, аналогія всегда имѣютъ въ нашихъ глазахъ большой авторитетъ; наконецъ, политическій языкъ созданъ былъ теоретиками естественнаго права. Чтобы объяснить устойчивость положеній естественнаго права, къ приведеннымъ основаніямъ интеллектуальнаго порядка нужно прибавить еще одно, относящееся къ области чувства: въ обществѣ, проникнутомъ духомъ іерархіи, очень много людей, желающихъ подражать высшимъ классамъ; вполнѣ естественно, что будущія демократическія преобразованія рисуются въ воображеніи по типу преобразованія, поставившаго у власти третье сословіе.

Настоящее соціалистическое движеніе, соотвѣтствующее второй системѣ стремленій и единственное, о которомъ я буду говорить въ настоящій моментъ, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

Это одновременно возмущеніе и организація; это собственное дѣло пролетаріата, созданнаго крупной промышленностью; этотъ пролетаріатъ возстаетъ противъ іерархіи и противъ собственности; онъ организуетъ группы для коопераціи трудящихся; онъ переноситъ на общество будущаго принципы, выработанные имъ въ своей средѣ для своей собственной соціальной жизни; онъ пытается внести разумъ въ соціальный строй, уничтоженіемъ руководства общества капиталистами.

---

*) Formes et essence du socialisme, стр. 4.

Манифестъ, по поводу открытія Интернаціонала, провозглашаетъ, что предстоящая *великая цѣль* состоитъ въ *экономическомъ освобожденіи* рабочихъ; онъ объясняетъ, что это освобожденіе состоитъ въ уничтоженіи классоваго раздѣленія и въ организаціи кооперативнаго труда; опытъ, говоритъ Марксъ, показалъ, что можно обойтись безъ хозяевъ, и что наемный трудъ долженъ исчезнуть, уступивъ мѣсто *высшей формѣ* обобществленнаго труда.

Прежде, чѣмъ итти дальше, замѣтимъ, что Марксу часто ставили въ упрекъ, будто онъ свелъ весь соціальный вопросъ къ слишкомъ узкой экономической проблемѣ, къ поискамъ матеріальныхъ улучшеній. Профессоръ С. Таламо, въ статьѣ своей о книгахъ Мерлино, писалъ въ этомъ году *): «Для соціалистовъ, вообще, рабочій вопросъ—это вопросъ чисто экономическій и даже, точнѣе, вопросъ питанія». Несомнѣнно, что ошибка (если таковая имѣется) происходитъ не отъ Маркса: этотъ послѣдній помнилъ, что писалъ Гегель о противоположности между господиномъ и слугою и о процессѣ появленія разума въ тотъ моментъ, когда эта противоположность сглаживается. Ученикъ не воспроизвелъ цѣликомъ мысль своего предшественника; но онъ находился подъ ея вліяніемъ и, пожалуй, даже преувеличилъ ту роль, которую долженъ играть разумъ въ будущемъ обществѣ **).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я возьму за основу изслѣдованія, произведенныя Марксомъ, потому что никто, кромѣ него, не пытался дать философское толкованіе соціалистическому движенію.

II.

Прежде всего нужно сказать нѣсколько словъ вообще о взглядахъ Маркса и Энгельса на право и нравственность, потому что марксисты сильно запутали этотъ вопросъ; они слишкомъ часто забывали, что для того, чтобы вполнѣ понимать Маркса, нужно постоянно возвращаться къ Гегелю. Этотъ послѣдній разсматривалъ *систему потребностей*, какъ первый моментъ гражданскаго общества; поэтому вполнѣ естественно, если Марксъ говорилъ, что общество покоится на экономическомъ фундаментѣ. Когда размышляешь о тѣсныхъ узахъ, связывающихъ образъ мышленія Маркса и Гегеля, то удивляешься, что могли такъ усердно стараться опредѣлить отвлеченныя отношенія зависимости между правомъ и экономіей: понятіе системы вовсе не соотвѣтствуетъ отношеніямъ между продуктами, послѣдствіями, отразившимися вліяніями, отношеніямъ, которыя были предложены для толкованія марксистскаго ученія.

Штаммлеръ сказалъ, что экономическую *матерію* нельзя изучать безъ юридической *формы*, что экономическое явленіе состоитъ въ повтореніи фактовъ, обнимаемыхъ однимъ и тѣмъ же юридическимъ опредѣленіемъ, что *изолированная экономія* свелась бы къ технологіи; онъ настаивалъ, слѣдовательно, что экономія не можетъ объяснять право.

Если обратиться къ теоріи прибавочной цѣнности, которая занимаетъ такое важное мѣсто въ *Капиталѣ*, то увидимъ, что методъ разсужденія Маркса не особенно сильно расходится съ методомъ Штаммлера.

Для каждаго момента производственнаго процесса онъ точно опредѣляетъ соотвѣтствующія ему юридическія нормы; юридическую систему онъ разсматриваетъ, какъ остовъ, по которому распространяется экономическое движеніе. Задача, кромѣ того, поставлена скорѣе въ этической, чѣмъ

*) Rivista internationale di scienze sociali e discipline auxiliarie, Январь 1899.
**) Revue de Métaphysique et de Morale, мартъ 1899 г. стр. 171.

въ экономической формѣ; мы видѣли появленіе типическихъ личностей, подобныхъ тѣмъ, какихъ разсматриваетъ право, лишенныхъ индивидуальныхъ качествъ и не обнаруживающихъ никакихъ количественныхъ различій въ своихъ средствахъ дѣйствія; всѣ капиталисты объединены въ одинъ капиталистическій классъ, дѣйствующій, какъ одна личность; всѣ рабочіе сведены къ однородному типу. То, что дѣлаетъ Марксъ, представляетъ метафизическое изслѣдованіе; по праву и экономіи онъ пытается опредѣлить общій темпъ и существенные принципы капиталистическаго общества *).

Часто настаивали на томъ, что у Маркса не было никакого намѣренія установить моральную систему. Я думаю, что до сихъ поръ вопросъ ставился не такъ, какъ слѣдуетъ.

Мы знаемъ отъ Энгельса, что въ послѣдніе годы своей жизни Марксъ живо чувствовалъ необходимость дополнить свои труды теоріей семьи; по смерти своего друга, Энгельсъ издалъ книжку, дѣйствительное значеніе которой не было признано; въ ней видили лишь популяризацію гипотезіи Л. Моргана. Принципъ, выдвинутый Энгельсомъ, въ высшей степени интересенъ: онъ говоритъ, что нельзя ограничиваться разсмотрѣніемъ способовъ производства матеріальной жизни, что нужно разсматривать также способы воспроизводства рода. Утверждали, что здѣсь простое сходство словъ **); его принципъ слѣдуетъ перевести такъ: рядомъ съ *юридическимъ отношеніями*, въ которыхъ совершается производство, нужно принимать во вниманіе *аффективныя отношенія* которыя обнаруживаются въ семьѣ. До сихъ поръ, на сколько мнѣ кажется, марксисты ничего не извлекли изъ этого ученія; я считаю полезнымъ нѣсколько остановиться на немъ.

Въ исторіи институтовъ семью можно разсматривать съ трехъ точекъ зрѣнія:

1°, какъ группу, управляемую своимъ главою; Флакъ часто указывалъ на то, что семейственное законодательство стоитъ въ тѣсномъ соотношеніи съ принципами политическаго законодательства;—соціалисты вообще стоятъ за полное уничтоженіе авторитета въ семьѣ; вотъ почему требуютъ они, чтобы дѣти воспитывались государствомъ.

2°, какъ группировку экономическихъ интересовъ;—соціалисты хотятъ уничтожить этотъ характеръ семьи; поэтому они настаиваютъ на экономической независимости женщины.

3°, какъ аффективную группировку;—Энгельсъ полагаетъ, что семья сведется къ этому въ будущемъ; такое упрощеніе можетъ показаться слишкомъ сильнымъ, потому что соціальныя явленія скорѣе имѣютъ тенденцію усложняться, чѣмъ упрощаться; но насъ здѣсь интересуетъ то важное значеніе, которое соціализмъ придаетъ аффективнымъ отношеніямъ и значеніе это становится очевиднымъ путемъ исключенія двухъ остальныхъ видовъ отношеній въ семьѣ.

Энгельсъ не разъ останавливается на томъ, чѣмъ долженъ быть брачный союзъ; существенными характерными чертами его онъ считаетъ преданность, взаимность и уваженіе. Чтобы избавить супруговъ отъ грязной процедуры бракоразводнаго процесса, онъ отвергаетъ законное принужденіе. Онъ думаетъ, что народится новая нравственность, когда

*) Стараться выводить право изъ экономіи было бы заблужденіемъ, аналогичнымъ тѣмъ, которыя такъ часто совершаются учеными, заявляющими, что они заимствуютъ отъ естественныхъ наукъ теоремы о силѣ, матеріи, объ эволюціи; они не видятъ, что во время своихъ изслѣдованій они ввели космологическія гипотезы, которыя они вновь и находятъ. Эти гипотезы стали точнѣе, но онѣ не измѣнили своей природы, пройдя черезъ свои приложенія.

**) Это мнѣніе было выражено Б.Кроче и Г. Куновымъ.

привьются новыя формы брачнаго союза; онъ съ отвращеніемъ отталкиваетъ мысль, будто бы бракъ превратится въ простой случайный союзъ; онъ очень хорошо видитъ, что семейная жизнь тѣсно связана съ этикой.

Не трудно было бы представить различныя части нравственной жизни въ формѣ системы *); въ ней можно было бы различить три момента: 1°, *семья*, разсматриваемая въ ея существенныхъ чертахъ съ аффективной точки зрѣнія; 2°, *дружелюбіе*, которое противоположно семьѣ, потому что оно переноситъ на чужихъ тѣ чувства, которыя, первоначально, сохранились внутри семейной группы; 3°, *гуманная справедливость*, столь коренным образомъ измѣняющая характеръ семьи и общества съ тѣхъ поръ какъ за нимъ признало верховенство **).

Эти сопоставленія ярко освѣщаютъ принципы нравственности; я ограничусь двумя замѣчаніями. Любовь учитъ насъ, съ какой энергіей исполняетъ человѣкъ акты, лишенные всякой законной обязательности; въ то время, какъ исторія юриспруденціи есть исторія хитросплетеній, изобрѣтавшихся для того, чтобы обходить юридическія правила, исторія нравственности показываетъ намъ, что понятіе *добродѣтели* отожествляется съ абсолютнымъ подчиненіемъ свободнымъ обязательствамъ. Съ другой стороны, любовь открываетъ намъ глубокую пропасть, лежащую между правомъ и нравственностью; любовь не считается съ *юридическими масками*: *личность*, созданная исторіей и выражающая извѣстныя соціальныя отношенія, исчезаетъ; остается только человѣкъ, тотъ *чувствующій индивидъ*, о которомъ говорятъ писатели XVIII вѣка ***).

III.

Всѣ знаютъ, какъ трудно составить себѣ ясное представленіе объ образованіи историческаго права; трудность эта настолько велика, что часто считали необходимымъ вообразить фиктивный остовъ, предназначенный для соединенія различныхъ фазъ развитія; пытались, напримѣръ, свести весь историческій процессъ къ эволюціи логики; либо сравнивали человѣчество съ живымъ существомъ, иные заимствовали образы изъ механики и термодинамики (механической теоріи теплоты). Эти искусственныя средства въ дѣйствительности нисколько не освѣщаютъ вопроса.

При изученіи современнаго соціализма нужно разсмотрѣть два основныхъ принципа: *борьбы классовъ* и *исторической миссіи пролетаріата*. Ученики Маркса, которымъ приходилось бороться съ противниками, опиравшимися на естественное право, часто прибѣгали, въ видѣ стратегическаго пріема, къ высмѣиванію всѣхъ этическихъ запросовъ и къ настаиванію на одной только матеріальной сторонѣ борьбы. Они дошли даже до того, что смотрѣли на юридическія установленія, какъ на маккіавелевскія продѣлки, къ которымъ прибѣгаютъ правящіе классы для того, чтобы обезпечить сохраненіе выгоднаго для нихъ порядка. Моральныя основы миссіи оставались въ тѣни, и о побѣдѣ пролетаріата говорили, нисколько не заботясь объ этическихъ качествахъ борьбы. Это ученіе, вполнѣ заслу-

---

*) Я, думается мнѣ, первый предложилъ это, полное марксистскаго духа, толкованіе въ «Sozialistische Monatshefte» (сентябрь 1898 г.); въ этой статьѣ я указалъ также на необходимость дополнить то, что называютъ обыкновенно историческимъ матеріализмомъ, такой системой, въ которую вошла бы эволюція религіи и общественной жизни.

**) Прудонъ хотѣлъ разсматривать эту *справедливость*, какъ существенный элементъ права.

***) Театръ и романъ въ широкихъ размѣрахъ пользуются этимъ различіемъ.

живающее названія матеріалистическаго въ худшемъ значеніи этого слова, нашло наиболѣе полное свое выраженіе въ трудахъ Лоріа. Этотъ послѣдній разсматриваетъ право и мораль, какъ *соединительныя установленія*, предназначенныя для обезпеченія господства за сильнѣйшими. Нисколько не протестуя противъ этихъ парадоксовъ, марксисты обвинили Лоріа въ томъ, что онъ ограбилъ Маркса!

Чтобы вполнѣ ясно понимать, что разумѣлъ Марксъ подъ борьбой классовъ, полезно вспомнить данное въ «Капиталѣ» драматическое изображеніе разгоравшейся въ Англіи великой борьбы за ограниченіе труда. «Созданіе нормальнаго рабочаго дня, говоритъ онъ, есть результатъ долгой и упорной гражданской войны между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ». Въ адресѣ, по случаю возникновенія Интернаціонала, онъ говорилъ, что *билль* о десяти часахъ былъ не только практическимъ успѣхомъ, но и *торжествомъ принципа*, что съ ними проникъ въ англійское общество новый взглядъ на экономику. Мысль его можно выразить вполнѣ точно, если сравнить этотъ великій соціальный конфликтъ съ тридцатилѣтней войной, а билль о десяти часахъ—съ вестфальскимъ договоромъ: въ обоихъ случаяхъ право получило новые основные принципы, и вскорѣ важныя послѣдствія этого сказались во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Въ «Капиталѣ» есть еще одно весьма характерное мѣсто, которое позволяетъ, пожалуй, еще лучше уяснить себѣ этическій характеръ классовой борьбы. Изложивъ основанія, приводившіяся хозяевами и рабочими соотвѣтственно въ опроверженіе и въ защиту принципа нормальнаго рабочаго дня, онъ прибавляетъ: «Здѣсь есть антиномія; право борется здѣсь противъ права; и оба носятъ на себѣ печать закона, управляющаго товарнымъ обмѣномъ. Кто рѣшаетъ споръ между двумя правами? Сила». Итакъ, во время этого конфликта, оба класса воздвигаютъ юридическія системы въ защиту своихъ требованій; каждый изъ классовъ по своему понимаетъ полицейскую роль государства по отношенію къ частнымъ и общимъ интересамъ (какъ говоритъ Гегель). Для хозяевъ процвѣтаніе страны связано со слѣпой игрой закона предложенія и спроса; всякое покушеніе противъ этого *естественнаго закона* нарушаетъ, по ихъ мнѣнію, порядокъ, противно наукѣ и является злоупотребленіемъ полицейскимъ правомъ. Для рабочихъ, производство должно контролироваться соціальной предусмотрительностью; чрезмѣрный трудъ подтачиваетъ существованіе рабочаго класса и представляетъ собою злоупотребленіе, которое административная власть должна устранить, чтобы спасти будущность страны.

Такимъ образомъ, борьба классовъ переносится на юридическія системы; можно сказать, что это—борьба между двумя принципами, *борьба на почвѣ права*; каждая изъ системъ характеризуется *политическимъ представленіемъ каждаго класса о роли закона* и вытекающимъ изъ этого представленія общимъ ходомъ экономической жизни страны. Марксъ можетъ говорить, что экономія капитала цѣликомъ заключается въ случайностяхъ предложенія и спроса, а экономія труда вся—въ соціальной предусмотрительности.

Ясно, что вся классовая борьба не обнаруживаетъ столь точно опредѣленныхъ характерныхъ чертъ, какъ вышеупомянутыя; я взялъ примѣръ изъ Англіи и въ такую эпоху, когда классы достигли высокой степени организованности; нуженъ долгій періодъ эволюціи для того, чтобы классы пришли къ такимъ развитымъ формамъ и такъ сильно проникнуты были этическими идеями; но ясно, что только въ наиболѣе развитомъ государствѣ можно найти дѣйствительные соціальные законы; аггрегаты, еще мало

опредѣлившіеся, открываютъ передъ нами только случайности, не подчиняющіеся никакимъ законамъ.

Въ послѣдніе годы возникла мысль о необходимости дополнить теорію классовой борьбы теоріей взаимопомощи, чтобы придать соціальному конфликту болѣе нравственный характеръ. Пробовали, а между прочимъ довольно неудачно, искать примѣровъ взаимопомощи среди животныхъ. Обзоръ исторіи соціализма показываетъ намъ, что это ученіе входитъ въ доктрину Маркса. Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, Интернаціоналъ провозглашалъ необходимость противопоставить силамъ капиталистамъ солидарность рабочихъ одной и той же страны и братскій союзъ между рабочими различныхъ странъ; современный соціализмъ всюду заботится объ объединеніи рабочихъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и старается породить въ нихъ согласный образъ мыслей; если Марксъ такъ часто говоритъ о побѣдѣ пролетаріата, то это потому, что онъ видѣлъ повсюду ростъ солидарности между рабочими, въ то время какъ между капиталистами продолжало существовать разъединеніе; наконецъ, мы знаемъ, по многочисленнымъ мѣстамъ изъ его произведеній, что умственное и духовное единеніе, въ его глазахъ, имѣетъ характеръ полнаго развитія класса.

IV.

Многіе, обманутые ассоціаціей идей, вытекающей изъ словъ, говорили, что соціализмъ, постоянно твердя о классовой борьбѣ, обращается къ чувству ненависти и къ дикимъ инстинктамъ; современной цивилизаціи угрожаетъ, будто бы, гибель отъ взрыва дикихъ страстей.

а) Чувство ненависти играло важную роль въ исторіи религій и въ развитіи идеи отечества; но оно чуждо современному соціализму.

Ненависть можетъ вызвать переворотъ, можетъ разрушить соціальную организацію, ввергнуть страну въ эру правовыхъ революцій; но она ничего не производитъ. Наши отцы могли думать, что достаточно низвергнуть власть и предоставить вещи ихъ естественному теченію, чтобы наступило царство разума. У насъ есть уже слишкомъ большой опытъ, чтобы мы могли усвоить этотъ наивный оптимизмъ; наслѣдство авторитета никогда не остает я безъ претендента; тираніи быстро наслѣдуетъ тиранія же. Соціалисты не хотятъ бросаться въ неизвѣстность.

Ненависть находитъ гораздо меньше пищи въ историческомъ правѣ, чѣмъ въ естественномъ. Когда бѣднякамъ говорятъ о томъ, что люди власти (политической или экономической)—воры, вѣками присваивающіе себѣ то, что имъ не принадлежитъ; когда ихъ призываютъ подняться, чтобы вернуть себѣ то, что имъ принадлежитъ, когда имъ изображаютъ существованіе высшихъ классовъ, какъ единственное препятствіе, мѣшающее народному счастію;—бѣдные вскорѣ начинаютъ думать, что всѣ насилія дозволены противъ враговъ человѣчества.

Ужасы революціи показали намъ, до какихъ крайностей могутъ доходить мягкіе отъ природы люди въ порывѣ подобной страшной ненависти, основанной на пламенной вѣрѣ въ естественное право. Но *настоящій соціализмъ* настолько далекъ отъ такого образа мыслей, что марксистской школѣ часто ставился упрекъ, будто она проповѣдуетъ фаталистическій индифферентизмъ и такимъ образомъ подавляетъ народную энергію.

б) Много трудностей проистекаетъ отъ несовершенства того представленія, какое до сихъ поръ создаютъ себѣ соціалисты объ *эволюціи революціи*, о чемъ много говорилось за послѣдніе годы. Можно различать три момента.

1. Революція представляетъ собою совокупность соединенныхъ на

короткомъ пространствѣ случайно смѣняющихъ другъ друга событій, актовъ насилія, въ концѣ концовъ приводящихъ къ важнымъ послѣдствіямъ, въ особенности если обстоятельства оказываются благопріятными нарожденію новыхъ идей или если проводятся практическія реформы *); такъ, 1848-ой годъ съ его непредвидѣнными событіями, съ разладомъ въ правительственныхъ сферахъ, съ его возстаніями и репрессіями, въ концѣ концовъ вызвалъ глубокій переворотъ въ пониманіи соціальныхъ вопросовъ.

2. Понятіе революціи испытываетъ коренное измѣненіе, когда люди, стремящіеся къ нововведеніямъ, не возлагаютъ болѣе главныхъ надеждъ своихъ на акты насилія, но приходятъ къ той мысли, что они могутъ воспользоваться существующими силами государства и употребить ихъ совершенно не съ той цѣлью, для которой онѣ были организованы современнымъ обществомъ. Такъ приходятъ къ понятію *легальной революціи* о которой Энгельсъ подробно говоритъ въ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи». Противоположность между этимъ моментомъ и предшествующими настолько чувствительна, что многіе соціалисты полагаютъ, что легальная революція представляетъ отреченіе отъ всѣхъ прежнихъ принциповъ; вожди рабочихъ синдикатовъ съ трудомъ примиряются съ той мыслью, будто пролетарское движеніе должно сводиться къ парламентской процедурѣ: они чувствуютъ, болѣе или менѣе смутно, что нельзя удовлетвориться подобнымъ рѣшеніемъ, въ то время какъ вожди парламентскаго соціализма, повидимому, хотятъ остановиться на этой стадіи.

3) Разсматриваемое понятіе достигаетъ полнаго своего развитія, когда этическій духъ всецѣло проникаетъ собою революцію; насиліе, попрежнему, остается; но оно служитъ лишь необходимымъ усиліемъ для того, чтобы обрубить старыя вѣтви и дать просторъ созданіямъ молодымъ и полнымъ жизни, чтобы обезпечить побѣду за учрежденіями, съ успѣхомъ выдержавшими свое испытаніе; оно является лишь предвѣстіемъ того единодушія, которое безпрерывно растетъ и постепенно будетъ дѣлать реформы все болѣе и болѣе неощутимыми.

Въ дѣйствительной жизни эти раздѣленія не существуютъ съ той точностью, которую имъ можно сообщить въ философскомъ анализѣ; если развитіе непрерывно что-либо добавляетъ къ предшествующимъ моментамъ, то оно вовсе не уничтожаетъ ихъ, и они продолжаютъ существовать въ подчиненныхъ и часто сильно измѣненныхъ формахъ.

Прямое насиліе встрѣчается въ началѣ исторіи права, оно попадается на всемъ протяженіи исторіи; но роль его не всегда одинакова по своему значенію, и дѣйствія его не всегда одинаково страшны. По мѣрѣ того, какъ подвигается прогрессъ, оно теряетъ свой характеръ слѣпой и неумолимой случайности; въ то же время оно становится менѣе кровавымъ. Въ самомъ началѣ дѣло идетъ лишь о *переворотѣ*; мало-по-малу начинаютъ задаваться цѣлью *создавать* или сообщать уже намѣченнымъ созданіямъ такое раззитіе, какого они не могли бы получить, если бы не былъ свергнутъ гнетъ традиціоннаго государства. Эта эволюція начинается съ того момента, когда сохраняютъ прежнюю *юридическую форму*, не успѣвъ еще создать этическаго содержанія, способнаго заявлять себя самостоятельно: это моментъ легальности, но онъ весь еще полонъ насилія, и если воображаютъ, что съ переходомъ къ этому моменту одержано торжество надъ грубой революціей, то поводъ къ этому даетъ то обстоятельство, что нѣ-

*) Часто практическія и желательныя для большинства реформы вводятъ вмѣстѣ съ собой реформы иного характера, которыя впослѣдствіи могутъ сыграть роль революціоннаго бродила.

которыя формы правительства сохраняютъ уваженіе къ себѣ. Моментъ этотъ неизбѣженъ, какъ поучаетъ насъ исторія институтовъ; нужно пройти черезъ этотъ формализмъ, чтобы придти къ новому праву. Третій періодъ это—тотъ, въ который вступаетъ современный соціализмъ со своими рабочими организаціями: въ нихъ мы находимъ новое право въ дѣйствіи; это—*моментъ живой этики.*

Съ легальной фазой связанъ научный предразсудокъ, такъ долго господствовавшій въ соціалистическихъ школахъ; полагали, будто ничего не можетъ быть проще отправленія власти, такъ какъ она де должна *только* примѣнять научныя формулы! Я не останавливаюсь на этомъ, потому что научное суевѣріе въ наше время находится въ сильномъ упадкѣ.

V.

Двигатель всего соціалистическаго движенія есть противоположность, возникающая между нравственностью и правомъ съ тѣхъ поръ, какъ сознаніе достигаетъ извѣстной степени утонченности, съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ осмѣливается разсматривать и разсуждать и начинаетъ подвергать критическому обсужденію спорныя приложенія юридическихъ правилъ. Тогда вступаетъ въ конфликтъ *историческое право*, эта основа всей соціальной организаціи, съ *человѣческимъ правомъ*, уважать которое учитъ насъ нравственность. Эта противоположность долго можетъ оставаться въ скрытомъ состояніи *); но всегда можетъ случиться, что жалобы угнетенной личности покажутся намъ болѣе священными, чѣмъ традиціи, необходимость порядка и принципы, на которыхъ покоится общество; въ этотъ моментъ историческое право поколеблено и начинаетъ считаться недостойнымъ человѣка. Нравственность не даетъ намъ никакихъ средствъ для того, чтобы построить новую юридическую систему; она вноситъ только одно отрицаніе; мы набрасываемъ новыя формы права сообразно съ нашими умственными привычками, нашимъ воспитаніемъ и нашими общими тенденціями.

Ренанъ часто вскрывалъ эту противоположность, важное значеніе которой столь велико въ исторіи; Римъ и Греція,—говоритъ онъ,—создали государство, право, философію, науку; но ихъ цивилизаціи были слишкомъ суровы **). «Израиль долженъ былъ внести въ нихъ добавленіе, коренное исправленіе, заботу о слабомъ, *настойчивое требованіе индивидуальной справедливости*». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ ***): «Израиль первый сообщилъ форму воплю народа жалобѣ бѣдняка, настойчивымъ жалобамъ всѣхъ, кто жаждетъ справедливости». Израильское происхожденіе этого нравственнаго протеста оспаривалось; но для насъ это не имѣетъ никакого значенія, потому что теперь мы проникнуты этимъ нравственнымъ духомъ; впрочемъ, едва ли исчезло съ тѣхъ поръ изъ міра еврейское вліяніе.

Въ этой нравственной работѣ, питающей классовую борьбу, можно различить три момента высокой важности:

1) Желаніе обезпечить для наибольшаго числа людей болѣе полное уваженіе къ человѣческому достоинству болѣе справедливыми законами и болѣе дѣйствительный контроль примѣненія законовъ болѣе утонченнымъ моральнымъ сознаніемъ;

---

*) Дружелюбіе можетъ вмѣшаться и сдѣлать эту противоположность менѣе чувствительною при обстоятельствахъ, не имѣющихъ въ себѣ чего-либо слишкомъ трагичнаго. Необходимость смягчать суровость законовъ дружелюбіемъ была признана еще въ древности.

**) Histoire d'Israël, томъ III, стр. 251.

***) Op. cit., томъ V, стр. 421.

2) Протестъ угнетеннаго, противопоставляющаго свое званіе человѣка историческимъ преимуществамъ,—здѣсь дѣйствительно личность возстаетъ противъ государства.

3) Надежда сдѣлать растущее среди насъ поколѣніе болѣе счастливымъ, болѣе просвѣщеннымъ и болѣе утонченнымъ съ нравственной точки зрѣнія.—только въ этомъ случаѣ можно назвать полнымъ живущее въ насъ чувство *этическаго прогресса.*

Слишкомъ часто забываютъ, что эти элементы вытекаютъ вовсе не изъ человѣческой природы, а изъ извѣстныхъ историческихъ условій. Поэтому въ высшей степени важно знать, почему настоящее общество представляетъ условія благопріятныя для этого движенія; иначе соціализмъ не существовалъ бы. Мы живемъ на средства, накопленныя нашими отцами; нужно знать, достаточно ли мы поддерживаемъ нравственность въ современномъ мірѣ. Я полагаю, что въ настоящее время многіе соціалисты глядятъ на будущее съ большимъ недовѣріемъ; въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ марксисты живѣйшимъ образомъ сожалѣютъ о той неумѣренности, съ которой такъ долго восхвалялись прелести матеріализма *).

Весьма вѣроятно, что у человѣка нѣтъ ясно выраженной тенденціи къ прогрессу, и что отцы наши убаюкивали себя на этотъ счетъ такой же иллюзіей, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ предполагать, будто человѣкъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ абстрактной идеи, будто онъ весь горитъ энтузіазмомъ къ счастью будущаго человѣчества. Современный соціализмъ съ первыхъ же шаговъ отказался отъ понятія безконечнаго прогресса и поставилъ своей цѣлью ближайшее осуществленіе лучшаго состоянія; Гегель превосходно истолковалъ эту новую идею, говоря, что цѣль нашего дѣйствія не должна быть такой цѣлью, которая вѣчно бѣжитъ впереди насъ. Такимъ образомъ, соціализмъ преобразовалъ понятіе прогресса; но онъ часто впадалъ въ заблужденіе, показывая намъ земной рай совсѣмъ близко отъ насъ; въ наши дни начинаютъ думать, что до *полнаго разсвѣта* еще далеко.—Что станется съ прогрессомъ?

Чувство прогресса, какъ я его опредѣлилъ, относится къ существамъ очень близкимъ намъ, ради которыхъ мы не колеблемся пожертвовать своими удовольствіями. Теоретики соціализма, по моему мнѣнію, слишкомъ мало обращали вниманія на изученіе семьи съ этой точки зрѣнія **); но, къ счастію, практика оказалась выше теоріи: въ странахъ съ крупной промышленностью рабочіе сильно озабочены судьбою своихъ дѣтей, стараются дать имъ образованіе и хотятъ обезпечить для нихъ лучшій удѣлъ, чѣмъ тотъ, который они знали сами. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ признанію важной роли женщины въ развитіи соціализма, такъ какъ это чувство прогресса гораздо сильнѣе въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ; поэтому, можно сказать, что если соціализму суждено погибнуть, то причиной его гибели будетъ, вѣроятно, женщина ***). Чтобы ослабить вліяніе

---

*) Въ Германіи много говорятъ о *возвратѣ къ Канту*; это—хорошій признакъ.

**) Ле-Плэ принадлежитъ честь признанія сильнаго вліянія семейныхъ чувствъ на общій ходъ общественной жизни: въ зависимости отъ порядка, установленнаго въ семьѣ, общество можетъ быть либо страшно консервативнымъ, либо вѣчно неспокойнымъ, взволнованнымъ, безпечнымъ относительно будущаго. Прогрессивныя общества занимаютъ промежуточное положеніе, и Ле-Плэ старался точно опредѣлить эту золотую середину.

***) Женщина—великая воспитательница человѣческаго рода, пожалуй, еще больше, воспитательница мужчины, чѣмъ дѣтей: любовь преобразуетъ человѣка и дисциплинируетъ его инстинкты; женщина дѣлаетъ насъ нравственными, и уваженіе къ женщинѣ составляетъ существенный элементъ приближенія къ соціализму. Здѣсь

тѣхъ чувствъ, которыя я только что описалъ, старались удовлетворять самолюбію рабочихъ и соглашались вводить улучшенія матеріальнаго порядка. Чтобы соціализмъ могъ сопротивляться нападеніямъ со стороны хозяевъ, необходимо, чтобы пролетаріатъ пріобрѣлъ ясное представленіе о своей *исторической миссіи.* Теоретики немного писали на эту тему, но народъ почти всегда хорошо понималъ, какую роль предстоитъ ему исполнить; Марксъ, впрочемъ, далъ великолѣпныя общія указанія по этому вопросу, позволяющія изложить развитіе исторической миссіи.

1) Въ первоначальный моментъ рабочіе классы передовыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ выступаютъ *борцами* за весь пролетаріатъ въ его цѣломъ; они не только дѣлаютъ за него часто тяжелые опыты, но и побѣды ихъ отражаются на сосѣднихъ странахъ; англійское законодательство послужило образцомъ, и рабочіе на материкѣ получили такія реформы, какихъ они не могли бы добиться собственными силами. Вотъ почему Интернаціоналъ говорилъ, что теоретическое и практическое сотрудничество наиболѣе промышленныхъ странъ необходимо для освобожденія труда; международное объединеніе рабочихъ создается въ тотъ самый моментъ, когда эта необходимость проникаетъ въ сознаніе.

2) Пролетаріатъ оказываетъ поддержку той части буржуазіи, которая защищаетъ демократическія учрежденія; борьба принимаетъ здѣсь странный характеръ, какъ будто, противорѣчитъ самому принципу классовой борьбы; нѣкоторые соціалистическіе писатели называли глупымъ поддерживать эксплоататоровъ народа; а консерваторы не разъ пытались воспользоваться столкновеніемъ интересовъ, чтобы бороться противъ либераловъ. Лишь только соціалистическій духъ коснулся народа, онъ не колеблется и, не слушая теоретиковъ, идетъ рядомъ съ буржуазіей, не связывая себя никакими обязательствами. Здѣсь обнаруживается безкорыстный характеръ борьбы.

3) Когда усилія пролетаріата оказываются тщетными, когда нравственныя силы достаточно могущественны, чтобы преступныя намѣренія власти могли безпрепятственно приводиться въ исполненіе, тогда Интернаціоналъ совѣтуетъ протестовать и требовать правъ справедливости и нравственности. Не одинъ теоретикъ-соціалистъ закричалъ бы объ идеологіи и утопіи, если бы передъ нами не было правила, даннаго самимъ Марксомъ.

Въ третій моментъ духъ окончательно свободенъ отъ заботъ, присущихъ жизни класса; интересы, юридическія системы, способныя оказать поддержку рабочимъ, политическія реформы, предназначенныя для того, чтобы увеличить ихъ вліяніе въ будущемъ, все это отходитъ въ область минувшаго;—передъ нами чистое чувство возмущенія, вызванное нарушеніемъ нормальныхъ правилъ поведенія. Духъ вполнѣ свободенъ; высшій предѣлъ этики достигнутъ *).

умѣстно напомнить смѣлую рѣчь Вандервельде, обращенную къ бельгійскимъ соціалистамъ. «Сколько изъ васъ справедливо возмутились бы грубымъ обращеніемъ со стороны мастера; а сколько изъ нихъ обращаются со своими женами и дѣтьми съ такой грубостью, какой они не снесли бы со стороны своего хозяина». (Destrée et Vandervelde: *Le socialisme en Belgique*. Piard et Brière, éditeurs, 1898, стр. 252).

*) Чтобы вполнѣ исчерпать вопросъ, слѣдовало бы изслѣдовать средній моментъ между желаніями, протестами и надеждами, о которыхъ я говорилъ, и миссіей пролетаріата. Этотъ средній моментъ принимался во вниманіе почти исключительно одними анархистами и пренебрегался соціалистами. Съ точки зрѣнія воспитанія, необходимо разсматривать человѣка наединѣ съ самимъ собою и изучать его нравственное самообразованіе; соціалисты слишкомъ часто думали, что среда воздѣйствуетъ автоматически и, какъ я уже сказалъ выше, насколько не забо-

VI.

Значеніе даже самыхъ прекрасныхъ теорій заключается лишь въ ихъ приложеніи; цѣль этики состоитъ въ установленіи правилъ нравственнаго поведенія; этическіе трактаты Аристотеля посвящены разбору того, какъ долженъ вести себя заслуживающій уваженія аѳинянинъ. Понимаемая такъ, мораль находится въ тѣсной внутренней связи съ политическимъ строемъ страны, и древніе не безъ основанія разсматривали мораль, какъ часть политики. Такой взглядъ на вещи намъ кажется въ настоящее время недостаточнымъ, потому что мы ужъ не смотримъ на государство, какъ на единое цѣлое, но постоянно принимаемъ во вниманіе его дѣленіе на классы.

Принципъ поведенія не можетъ быть выведенъ изъ философскихъ теорій; его нужно искать въ практической жизни и смотрѣть, какъ въ дѣйствительности оцѣниваютъ поведеніе людей. Легко замѣтить, что поведеніе судится главнымъ образомъ по тому соотношенію, какое имѣется между нимъ и извѣстными учрежденіями, считающимися существенными для даннаго класса. Конечно, умѣстно было бы провести здѣсь полныя разграниченія, но можно сказать, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ соціализмъ достигъ извѣстной зрѣлости, нормальнымъ соціалистическимъ поведеніемъ считается то, которое благопріятствуетъ прогрессу соціалистическихъ учрежденій. Эта предварительная формула кажется мнѣ достаточной для дальнѣйшаго изложенія.

Прежде всего само собой напрашивается слѣдующее замѣчаніе: не слѣдуетъ думать, будто прогрессъ учрежденій состоитъ во всякой матеріальной выгодѣ, осуществленной въ пользу рабочей организаціи; матеріальная выгода въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ явиться результатомъ обмана и двоедушія; это былъ бы шагъ назадъ для организаціи. Когда я говорю объ организаціяхъ, то я понимаю подъ этимъ организаціи, проникнутыя соціалистическимъ духомъ; никогда нельзя отдѣлять души отъ тѣла.

Въ теченіе долгаго времени теоретики соціализма относились мало доброжелательно къ учрежденіямъ; они заявляли, что кооперативныя учрежденія не составляютъ настоящихъ соціалистическихъ органовъ. Такой взглядъ оставленъ теперь почти всѣми; въ самомъ дѣлѣ, нельзя останавливаться на внѣшнихъ формахъ; эти послѣднія могутъ имѣть между собою большое сходство, въ то время какъ функціи ихъ совершенно расходятся; въ Бельгіи существуютъ католическія и соціалистическія общества, имѣющія весьма аналогичные уставы и основанныя для удовлетворенія почти одинаковыхъ матеріальныхъ потребностей; однако, достигаемые результаты не имѣютъ между собой ничего сходнаго. Учрежденія главнымъ образомъ слѣдуетъ сравнивать по ихъ *психологическому содержанію*, т. е. по тѣмъ чувствамъ, которыя они развиваютъ въ своихъ членахъ *).

Учрежденія имѣютъ сильное воспитательное вліяніе, и съ этой точки зрѣнія нельзя преувеличить ихъ значеніе, такъ какъ необходимо,

---

тились объ условіяхъ, необходимыхъ для усовершенствованія нашихъ нравственныхъ чувствъ. Въ соціалистической этикѣ имѣется очень серьезный пробѣлъ.

*) Къ числу причинъ, по которымъ теоретики такъ долго были противъ учрежденій, нужно отнести также преувеличенія свойственныя логическому духу: нѣтъ простыхъ учрежденій; въ нихъ всегда можно найти несовершенства и противорѣчія,—иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ учрежденіи право и мораль должны сосуществовать и, слѣдовательно обнаруживать свои противоположности.

какъ я уже сказалъ, увеличивать то наслѣдство нравственныхъ идей, которое получено нами отъ нашихъ отцовъ. Изучая кооперативъ, не такъ важно знать, какія уступки были сдѣланы членамъ ассоціаціи, какъ опредѣлить то, что они выиграли въ нравственности; нужно выяснить, стали ли они болѣе способны понимать свои интересы, самостоятельно вести свои дѣла и вполнѣ оцѣнивать пролетарскую солидарность.

Когда учрежденія были еще слабо развиты, соціалисты придавали большое значеніе изображенію государства будущаго. Можно считать за общее правило, подтверждающееся многочисленными фактами, что надежда на совершенную жизнь разсѣивается по мѣрѣ того, какъ учрежденія все болѣе и болѣе завладѣваютъ человѣческимъ умомъ; такъ, пророчества о тысячелѣтнемъ царствѣ перестали въ концѣ концовъ интересовать кого бы то ни было, кромѣ нѣсколькихъ экзальтированныхъ христіанъ, когда церковь организовалась.

Такое же явленіе происходитъ въ настоящее время въ соціалистической средѣ и должно быть подвергнуто близкому изученію.

Этотъ переходъ отъ надежды на совершенную жизнь къ практикѣ жизни сносной и оживленной новымъ духомъ составляетъ то, что слѣдуетъ назвать *переходомъ отъ утопіи къ наукѣ;* въ самомъ дѣлѣ, наука всегда ставитъ себѣ только такія цѣли, которыя могутъ быть достигнуты съ имѣющимися у насъ силами, только такія задачи, для разрѣшенія которыхъ существуютъ нужные элементы; Марксъ говоритъ, что задача ставится только въ ту эпоху, когда рѣшеніе становится такимъ образомъ возможнымъ. Въ наше время пролетаріатъ всюду занимается практическими задачами и мало интересуется догматами; онъ пытается извлечь пользу изъ всѣхъ элементовъ, которые онъ находитъ въ капиталистическомъ обществѣ, чтобы создать свойственныя ему учрежденія, чтобы завоевать лучшія условія жизни, чтобы добиться перемѣны въ законодательствѣ.

Такую дѣятельность его можно назвать дѣйствительно научною; это то, что называютъ *движеніемъ.*

Возникъ вопросъ, должны ли старыя надежды совершенно исчезать, разсѣиваться по мѣрѣ того, какъ движеніе растетъ въ своемъ значеніи; нѣкоторые разрѣшали этотъ вопросъ утвердительно и писали: «Движеніе—все, цѣль—ничто». Эта формула Бернштейна подняла большой шумъ въ Германіи, и между соціалистами завязался на эту тему весьма запутанный споръ; рѣчь идетъ объ этическомъ вопросѣ, имѣющемъ огромную важность.

Поведеніе слѣдуетъ разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: нужно изучать его внѣшнюю сторону, выяснять его вліяніе въ обществѣ, опредѣлять его по его отношеніямъ къ учрежденіямъ; но, кромѣ того, нужно изучать его внутреннюю сторону, смотрѣть на него, какъ на *поведеніе свободныхъ людей*, и пытаться понять психологическое состояніе, отвѣчающее *правильному рѣшенію.* Развѣ цѣль воспитанія не состоитъ въ томъ, чтобы укрѣпить въ насъ настолько твердую и настойчивую *волю*, чтобы мы могли рѣшать безъ колебаній, или, выражаясь словами Гегеля, чтобы мы исполняли наши обязанности, какъ нѣчто, вполнѣ намъ свойственное, безъ участія совершающаго выборъ размышленія? Эта внутренняя сторона, эта совокупность чувствъ, эта твердая и настойчивая воля должны составлять такой же предметъ изученія для философа, какъ и внѣшняя сторона: этихъ двухъ точекъ зрѣнія никогда нельзя раздѣлять.

Съ перваго взгляда кажется невозможнымъ опредѣлить психологиче-

ское состояніе подобнаго рода; чѣмъ сильнѣе и устойчивѣе воля, тѣмъ больше ускользаетъ она отъ нашего сознанія; но опытъ научилъ насъ опредѣлять подобныя причины по ихъ дѣйствіямъ въ простѣйшихъ случаяхъ, когда причины достигаютъ своего *полнаго совершенства*. Въ основу христіанскаго воспитанія положено гораздо больше сказаній изъ житія святыхъ, чѣмъ критическихъ историческихъ разсказовъ; такимъ образомъ, привычки, которыя желательно развить, представляются нашему сознанію въ формѣ примѣровъ, гдѣ неуклонно и вѣрно направленная воля дала наиболѣе характерные результаты.

Точно такъ же возможно обсуждать и соціалистическія стремленія, переносясь мысленно въ ту эпоху, когда не будетъ болѣе буржуазныхъ традицій, когда исчезнутъ іерархія и собственность: такой порядокъ получилъ названіе *конечнаго состоянія*. Безполезно долго останавливаться на этомъ конечномъ состояніи; достаточно представить себѣ только его общія черты, чтобы быть въ состояніи замѣтить тожество психологическаго состоянія, соотвѣтствующаго этому строю, съ нашимъ настоящимъ психологическимъ состояніемъ.

Нельзя проводить формальныхъ сравненій между настоящимъ и этой *воображаемой цѣлью*, и выяснять, въ какой степени какое-либо современное учрежденіе приближается къ истинному соціализму или отличается отъ него; ошибки подобнаго рода допускались часто, изъ чего можно заключить, что противоположность между внѣшней и внутренней точкой зрѣнія не всегда понималась. Такъ, совершенно безплодные споры возникли по вопросу о томъ, отрекаются ли соціалисты отъ своего идеала, осуществляя тѣ или иныя реформы, или не отрекаются. *Всѣ вопросы количества здѣсь совершенно праздны*; воля не измѣряется; она сохраняетъ свое качество, какъ бы ничтожны ея результаты ни были; этотъ принципъ христіанская проповѣдь распространяла уже сыздавна *). Соціалистическая воля можетъ въ совершенствѣ выразиться въ созданіи небольшого рабочаго общества.

Ренанъ говоритъ **): «Мы должны объяснять жизнь, давать ей цѣль... Мы должны внушать людямъ желаніе жить и жить хорошо, не прибѣгая ни къ чему такому, что они могли бы счесть за приманку и вѣроломное обѣщаніе». Мы нисколько не обманываемъ людей, приглашая ихъ войти въ соціалистическія организаціи и сообразоваться съ соціалистическими принципами въ своихъ дѣйствіяхъ. Послѣ этого не важно, придетъ ли коммунизмъ позже или раньше, будутъ ли ему предшествовать болѣе или менѣе многочисленные этапы: суть въ томъ, чтобы мы умѣли отдавать себѣ отчетъ въ нашемъ собственномъ поведеніи. То, что называютъ конечной цѣлью, существуетъ лишь для нашей внутренней жизни. Фаге недавно писалъ: «Соціалистическій строй не только утопиченъ, какъ говорятъ обыкновенно; онъ *ахроничень* (de l'achronie). Онъ не вмѣщается во времени». Почтенный писатель ошибается: конечный строй, существующій въ воображеніи соціалистовъ, не можетъ быть пріуроченъ къ опредѣленному сроку путемъ соціологическаго предвидѣнія; онъ—въ настоящемъ; онъ не внѣ насъ; онъ—въ нашемъ собственномъ сердцѣ. Соціализмъ осуществляется постоянно ***), на нашихъ глазахъ, по мѣрѣ того, какъ мы приходимъ къ пониманію того, что такое соціалистиче-

*) Царство небесное уготовано тому, кто подаетъ стаканъ воды во имя Іисуса.

**) Histoire d'Israel, томъ III, стр. 252.

***) Это—одна изъ главныхъ мыслей цитированной книги Мерлино.

ское поведеніе, и пріобрѣтаемъ умѣніе руководить учрежденіями, по мѣрѣ того, слѣдовательно, какъ соціалистическая этика создается въ нашемъ сознаніи и въ соціальной жизни.

Когда эти принципы будутъ вполнѣ поняты, люди перестанутъ питать иллюзію относительно грядущей, но тщетно ожидаемой катастрофы и коммунизма, повидимому, безконечно удаляющагося; тогда будутъ преобразованы старыя ученія, и изъ соціологическихъ они станутъ этическими.

VII.

Пробовалъ ли когда-либо соціализмъ формулировать правила поведенія? Довольно любопытно, что въ Манифестѣ коммунистической партіи, редактированномъ въ 1847 году Марксомъ и Энгельсомъ, нѣтъ почти ничего на эту тему; практическіе совѣты, содержащіеся въ этомъ знаменитомъ документѣ, касаются почти исключительно только политики, которой должны держаться представители рабочаго класса въ случаѣ побѣдоносной революціи. Семнадцать лѣтъ спустя Марксъ написалъ вступительный адресъ Интернаціонала, не уступающій по своему значенію Манифесту 1847 года и всецѣло отличающійся отъ него съ этической точки зрѣнія. Эти семнадцать лѣтъ Марксъ прожилъ въ Англіи; онъ присутствовалъ при сильномъ развитіи трэдъ-юніоновъ *новаго типа* и видѣлъ, что дали кооперативныя общества; въ 1847 году онъ могъ знать только немногочисленныя и непрочныя ассоціаціи; такимъ образомъ, его этическіе взгляды опредѣлялись по мѣрѣ того, какъ росли и проявляли свои характерныя черты рабочія организаціи.

Первое правило Интернаціонала имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, потому что оно позволяетъ непосредственно отдѣлять пролетарскій соціализмъ отъ реформъ, затѣваемыхъ государствомъ, церковью, филантропами. «Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Это—обращеніе къ чувству энергіи и отвѣтственности рабочихъ: они не должны ходатайствовать объ улучшеніи своей участи, защищать свое дѣло передъ судомъ правящихъ классовъ и надѣяться, что имъ дадутъ кое-что во имя естественнаго права; они должны организовываться сами и должны пенять только на самихъ себя, если ихъ храбрость, ихъ солидарность и самоотреченіе не дѣлаютъ ихъ способными къ тому, чтобы добиться лучшаго положенія.

Принципъ уничтоженія классового дѣленія, выдвинутый уже въ манифестѣ 1847 года, составляетъ предметъ второго правила; соціализмъ не преслѣдуетъ частичнаго освобожденія пролетаріата; онъ не представляетъ интересовъ четвертаго сословія, за которымъ оставалось бы пятое сословіе, какъ это часто говорилось и какъ это снова начинаютъ повторять. Передъ нами здѣсь чисто этическое понятіе, отрицающее всякую нравственную дифференціацію, противящееся поддержанію какого бы то ни было традиціоннаго права. Въ наше время многіе писатели отступаютъ передъ трудностью осуществленія подобнаго правила и, въ недавно появившейся книгѣ, Ванъ Коль *) высказалъ мнѣніе, что исчезновеніе классовъ только *вѣроятно*, что человѣчество, быть можетъ, увидитъ нарожденіе низшаго пролетаріата, что на слѣдующій день послѣ побѣдоносной революціи четвертое сословіе можетъ, пожалуй, захватить себѣ привилегіи. Какъ далеки мы отъ Интернаціонала, который говорилъ: «Борьба за освобожденіе рабочаго класса, это—борьба не за привилегіи и монополіи класса, но за

---

*) Socialisme et liberté, стр. 193.

введеніе равныхъ правъ и обязанностей и за уничтоженіе всякаго классового строя»!

Безъ сомнѣнія, эта *конечная цѣль*, быть можетъ, трудно осуществима; это полное и одновременное освобожденіе можетъ казаться химеричнымъ нашимъ современникамъ, привыкшимъ къ идеѣ эволюціи; здѣсь мы внѣ предѣловъ науки; мы выдвигаемъ основной этическій принципъ соціализма, который долженъ оставаться непоколебимымъ, чтобы руководить всѣмъ нашимъ мышленіемъ и направлять наши поступки въ соціалистическомъ смыслѣ.

Я уже говорилъ о третьемъ правилѣ, касающемся экономическаго освобожденія, и сказалъ, какой смыслъ нужно ему придавать. Я не останавливаюсь также на солидарности рабочихъ, потому что я говорилъ объ этомъ выше. Но необходимо хорошенько взвѣсить значеніе обоихъ заявленій, предшествующихъ уставу. Въ первоначальномъ текстѣ 1864 года мы читаемъ: «Они считаютъ долгомъ требовать для всѣхъ правъ человѣка и гражданина. Безъ правъ нѣтъ обязанностей». Въ окончательной редакціи это положеніе было упрощено: «Нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей». Въ основѣ своей мысль одна и та же: Интернаціоналъ протестуетъ противъ часто высказываемыхъ ученій о преобладаніи обязанностей надъ правами и въ то же время хочетъ осуществить отправленіе политической власти всѣми безъ исключенія.

Наконецъ, «всѣ общества и отдѣльныя лица, примыкающія (къ Интернаціоналу), будутъ признавать за основу своего поведенія по отношенію ко всѣмъ людямъ, безъ различія цвѣта, вѣрованія и національности, истину, справедливость и нравственность». Здѣсь рѣчь идетъ не о чисто теоретическомъ заявленіи, это не обращеніе къ отвлеченнымъ принципамъ естественнаго права, какъ это иногда говорили; Марксъ выдвигаетъ практическое правило; онъ требуетъ, чтобы люди и націи уважали обычаи, которые считаются необходимыми для достойной жизни между людьми одной и той же расы, религіи и страны.

Остались ли соціалисты вѣрными принципамъ Интернаціонала? Здѣсь нужно провести одно различіе; нужно выдѣлять среди соціалистовъ людей болѣе или менѣе буржуазныхъ. Это выдѣленіе не должно основываться на происхожденіи, потому что среди буржуазныхъ идеологовъ имѣются такіе, умъ которыхъ сталъ вполнѣ пролетарскимъ, какъ отмѣчаетъ это Марксъ въ манифестѣ 1847 года. Въ общемъ, соціалистическіе писатели колеблются между буржуазными и пролетарскими тенденціями; но рабочіе и люди, принимающіе активное участіе въ рабочемъ движеніи, остались вѣрны принципамъ Интернаціонала. Въ справедливости этого утвержденія легко убѣдиться, слѣдя за дѣятельностью такъ называемой *аллеманистской* группы, почти совершенно изъятой изъ сферы буржуазныхъ вліяній. Въ заголовкѣ ея газеты «Рабочая партія» воспроизведено первое правило Интернаціонала; достаточно прочитать этотъ органъ, чтобы увидѣть, что онъ весь проникнутъ истинно пролетарскимъ духомъ.

Въ одномъ недавнемъ дѣлѣ товарищи Аллемана почти всѣ съ пламеннымъ одушевленіемъ выступили на защиту истины, справедливости и нравственности; это доказательство того, что въ пролетарскихъ группахъ этическая идея нисколько не потеряла своего значенія,—между тѣмъ какъ соціалисты, называющіе свой соціализмъ научнымъ, спрашиваютъ себя, не составляютъ ли право и нравственность словъ, лишенныхъ смысла! Въ рядахъ соціалистовъ-пролетаріевъ мы видѣли извѣстнаго оратора, показавшаго, что въ буржуазныхъ классовъ всегда есть люди, способные понимать

соціалистическое движеніе и представлять его въ моменты рѣшительныхъ кризисовъ: достойное удивленія поведеніе Жореса служутъ лучшимъ доказательствомъ существованія соціалистической этики.

VIII.

Справедливость и Милосердіе.

(Профессоръ Шарль Жидъ).

Въ своей годичной академической рѣчи по поводу преміи Монтіона Пьеръ Лоти привелъ слѣдующія слова св. апостола Павла: «Нынѣ остаются три добродѣтели: вѣра, надежда, милосердіе; но самая великая это—милосердіе. И онъ прибавилъ съ грустью, что изъ этихъ трехъ богословскихъ добродѣтелей двѣ, вѣра и надежда, уже умерли, и что апостолъ не обманулся только относительно послѣдней—милосердія: она, по крайней мѣрѣ, еще остается, и мы можемъ «ухватиться за нее своими усталыми и обезсиленными руками».

Вѣрно ли это даже по отношенію къ этой добродѣтели? Конечно, ораторъ не могъ говорить иначе, потому что на него возложена была обязанность произнести рѣчь о преміи добродѣтели и воздать хвалу дѣламъ милосердія. Но, въ сущности, былъ ли онъ самъ убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ?

Хотя, по свидѣтельству апостола, милосердіе—величайшая ихъ всѣхъ трехъ добродѣтелей и должна, казалось бы, пережить остальныя (ибо вѣра и надежда, естественно, должны будутъ исчезнуть съ того дня, какъ мы будемъ обладать предметомъ нашей вѣры и нашей надежды), однако не приближается ли и она сама къ смерти?

Вотъ вопросъ, который я хотѣлъ бы не разрѣшить, но обсудить въ настоящей статьѣ.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что наиболѣе заинтересованные, тѣ, кто по своему положенію призванъ, казалось бы, пользоваться милосердіемъ, не хотятъ его вовсе. Я не говорю, разумѣется, о нищихъ, выпрашивающихъ милостыню на улицахъ и у дверей домовъ. Они-то, конечно, хотятъ его, но мы не считаемся съ ихъ показаніями, потому что теперь почти всѣ согласны относительно того, что кому, кому, но имъ оказывать милосердіе во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ! Я говорю не о профессіональныхъ нищихъ, но о всѣхъ тѣхъ, кто, согласно справедливому, но жестокому выраженію, находится «въ нуждѣ», о той массѣ рабочаго населенія, которая можетъ жить только при посторонней помощи, лишь благодаря какому-либо болѣе или менѣе замаскированному покровительству. Нѣтъ, эти люди не хотятъ милосердія; они ненавидятъ его, и одно это слово уже возмущаетъ ихъ. Мы хотимъ, говорятъ они, не милосердія, а справедливости; справедливость составляетъ предметъ всѣхъ требованій со стороны бѣдныхъ классовъ; еще въ болѣе сильныхъ словахъ выражается она подъ перомъ тѣхъ, кто, по праву и безъ всякаго права, выдаетъ себя за ихъ представителей, будь то соціалисты или соціальные романисты. Чтобы ограничиться однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, посмотримъ хотя бы, что пишетъ Бернаръ Лазаръ въ своихъ «Факельщикахъ»: «Милосердіе—это христіанская гниль, поддерживающая несправедливость... Организовать милосердіе, урегулировать подачи милостыни, вотъ къ чему сводятся всѣ соціальныя усилія христіанскаго міра, и усилія эти признаютъ необходимость нищеты; они увѣковѣчиваютъ ее, воображая, что облегчаютъ ее, они освобождаютъ, наконецъ, отъ справедливости...»

Такъ же разсуждаютъ члены рабочихъ синдикатовъ или кооперативныхъ обществъ. Мы не хотимъ ни милосердія, ни помощи ни отъ кого! А если случайное несчастье или несправедливость настоящихъ соціальныхъ условій заставляютъ ихъ временно принимать его, то вся надежда ихъ, всѣ желанія ихъ—столь отличныя отъ желаній и надеждъ апостола—сосредоточены на томъ, что настанетъ, наконецъ, день, когда исчезнетъ милосердіе, и одна лишь справедливость будетъ назначать каждому его долю.

Если теперь отъ тѣхъ, на чью долю выпадаетъ прибѣгать къ милосердію другихъ, мы обратимся къ тѣмъ, кто его оказываетъ, къ филантропамъ, сдѣлавшимъ изъ милосердія нѣчто вродѣ своей профессіи, то и ихъ показанія будутъ немногимъ утѣшительнѣе. Уже давно они замѣтили и не скрыли отъ насъ, что милосердіе, по крайней мѣрѣ въ формѣ индивидуальной милостыни, далеко не искореняя бѣдности, умножаетъ ее, и, что еще хуже, превращаетъ бѣдныхъ въ паразитовъ, въ эксплоататоровъ, въ профессіональныхъ нищихъ, и что эти печальные результаты находятся въ прямой зависимости отъ регулярности, искренности и усердія, съ какимъ занимаются дѣлами милосердія. Намъ говорятъ, что единственное средство исцѣленія состоитъ въ томъ, чтобы подавить индивидуальное, слѣпое милосердіе въ старой формѣ милостыни и замѣнить его такъ называемыми «дѣлами благотворительности» (œuvres), хотя бы въ видѣ организацій, функціонирующихъ при помощи справокъ и обставляющихъ полученіе помощи суровыми условіями, въ родѣ труда и даже, если возможно, труда обязательнаго съ продолжительнымъ заключеніемъ, при чемъ обхожденіе съ бѣдными въ этомъ заключеніи не должно быть слишкомъ хорошимъ, иначе оно имъ можетъ понравиться... Вотъ къ чему приходятъ всюду, гдѣ филантропія стала наукою! Странная эволюція, приводящая насъ отъ милосердія къ принудительнымъ работамъ! Итакъ, вотъ какъ долженъ поступать въ наши дни каждый милосердный, но просвѣщенный человѣкъ, идущій въ уровень съ вѣкомъ: ко мнѣ обращается за помощью бѣднякъ. Я сообщаю его имя въ одну изъ организованныхъ для этой цѣли справочныхъ конторъ, которая наводитъ справку. Я состою абонентомъ этой конторы и имѣю право на двадцать, положимъ, справокъ за 10 франковъ. Если отвѣтъ благопріятный, то я вновь приглашаю къ себѣ этого несчастнаго и вынимаю изъ ящика цѣлую пачку разноцвѣтныхъ билетиковъ, стоющихъ мнѣ отъ двухъ до десяти су за штуку.—Вы что хотите, любезный? Ѣсть? вотъ вамъ билетъ въ экономическую кухню.—Спать? вотъ билетъ въ ночлежный пріютъ.—Работать? вотъ билетъ въ домъ трудолюбія, гдѣ по утрамъ васъ заставятъ колоть дрова и связывать лучины.—Найти мѣсто? вотъ билетъ въ контору для найма служащихъ.—Замѣтьте, что я не думаю осмѣивать эти дѣла! Я нахожу ихъ превосходными, необходимыми, и я самъ также принималъ участіе въ созданіи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но я просто констатирую, что этотъ вполнѣ современный способъ оказанія милосердія нисколько не походитъ на существовавшій въ былое время: современная благотворительность это—благотворительность черезъ посредника. Мы выполняемъ дѣла благотворительности точно такъ же, какъ во время второй имперіи богатые классы отбывали свою военную службу, т. е. черезъ замѣстителей. Что бы ни говорили, армія отъ этого не стала хуже: замѣщенный буржуа, все-таки, выполнялъ свой долгъ передъ отечествомъ, такъ какъ онъ давалъ ему на свое мѣсто замѣстителя, который обыкновенно былъ лучшимъ солдатомъ, чѣмъ онъ, и во всякомъ случаѣ обнаруживалъ, очевидно, болѣе сильное призваніе къ военному дѣлу; а когда замѣстителя убивали вмѣсто него, то онъ чувствовалъ себя затронутымъ... нравственно. Почти также обстоитъ дѣло и

здѣсь. Люди, которыхъ я выбираю вмѣсто себя для занятія дѣлами благотворительности и которымъ я вручаю для этой цѣли необходимую сумму денегъ, будутъ болѣе искусны въ этомъ дѣлѣ, нежели я, именно потому, что это ихъ ремесло. Это одно изъ разумныхъ приложеній принципа раздѣленія труда. Я вижу во всемъ этомъ остроумный механизмъ; но я не вижу чувства милосердія ни въ томъ, кто покупаетъ книжки съ билетиками, какъ покупаютъ книжки съ чеками, ни даже въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя даютъ пищу, ночлегъ и работу черезъ служащихъ, состоящихъ на жалованіи. Во всякомъ случаѣ, такое милосердіе имѣетъ лишь весьма отдаленное сходство со старымъ милосердіемъ, которое не жалѣло ни времени, ни труда, которое не боялось сталкиваться лицомъ къ лицу съ несчастными, которое легко мирилось съ мыслью быть обманутымъ ими и даже любило даваться въ обманъ изъ любви къ Богу.

Для полнаго знакомства, обратимся еще за справками къ ученымъ, то-есть, къ экономистамъ и соціологамъ.

Они также не говорятъ намъ ничего утѣшительнаго. Безъ ссылокъ на Мальтуса и другихъ, вполнѣ очевидно, что принципъ *Self—help* (самопомощи) въ корнѣ своемъ враждебенъ принципу посторонней помощи, составляющемъ основу милосердія.

Однако, было бы несправедливо представлять экономистовъ врагами милосердія. Они допускаютъ его, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно оставалось на своемъ мѣстѣ, то-есть, въ области чувства, и зависѣло лишь отъ доброй воли каждаго. Они противъ введенія его въ область соціальной и экономической науки, въ особенности въ область законовъ и даже, въ замаскированномъ видѣ,—въ учрежденія и договоры. Оно должно оставаться абсолютно свободнымъ и чисто личнымъ.

Эту мысль въ очень категорической формѣ высказываетъ Г. Спенсеръ въ своей книгѣ о *благотворительности.*

«Благотворительность въ формѣ матеріальной помощи, подаваемой нуждающимся, имѣетъ наиболѣе благіе результаты, когда она оказывается индивидуально... Если она, подобно справедливости, благословляетъ, какъ дающаго, такъ и получающаго, то лишь въ томъ случаѣ, когда между благодѣтельствующими и благодѣтельствуемымъ устанавливается прямая связь».

Что касается меня, то я, пожалуй, готовъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Но когда я вспоминаю, какъ благотворительные журналы и г. Бело, въ своей статьѣ, помѣщенной въ этой самой книгѣ, заявили, что милосердіе должно быть главнымъ образомъ соціальнымъ, то-есть безъ сомнѣнія, что оно должно состоять въ «дѣлахъ благотворительности», въ учрежденіяхъ, то я уже не знаю, кого слушать. Одни заявляютъ, что оказывать милосердіе слѣдуетъ только индивидуально, а не соціально, другіе настаиваютъ на томъ, что его нужно проявлять только соціально, а не индивидуально... Боже мой! сколько предосторожностей и недовѣрія! При такихъ сомнѣніяхъ, не разумнѣе ли было бы вовсе не оказывать милосердія?

Такимъ образомъ, изъ всего этого вытекаетъ ложное убѣжденіе, будто милосердію, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ которой люди представляли его себѣ до сихъ поръ, въ формѣ милостыни, остается не долго жить. Вскорѣ его можно будетъ видѣть только на фрескахъ Пюви-де-Шавана *).

*) Пюви-де-Шаванъ—знаменитый французскій художникъ, фрески котораго украшаютъ стѣны парижскаго Пантеона.

Прим. перев.

Мы, конечно, не присоединимся ко всѣмъ тѣмъ, кто осмѣиваетъ милосердіе и объявляетъ о его банкротствѣ. Нѣтъ, не безъ сожалѣнія, конечно, смотрю я на исчезновеніе этого благороднаго образа милосердія путемъ милостыни, о которомъ можно сказать, безъ сомнѣнія, много дурного, но которое было тѣмъ не менѣе одной изъ прекраснѣйшихъ добродѣтелей, сошедшихъ съ неба, чтобы жить въ согласіи съ людьми; подобно Воозу изъ Вѣчной Книги, люди видѣли ее въ теченіе восемнадцати столѣтій, «облеченной въ искреннюю честность и въ бѣлыя одежды» и сколько разъ своими прекрасными руками, руками королевы, раздавала она хлѣбъ голоднымъ!

Однако, съ нашей стороны было бы эгоистично желать, чтобы благотворительность существовала вѣчно, такъ какъ для этого нужно было бы также желать, чтобы всегда имѣлись обездоленные: не можемъ же мы вѣдь желать, чтобы всегда были страданія, нуждающіяся въ облегченіи, для того только, чтобы доставлять намъ душевныя удовольствія, поддерживать въ насъ сострадательность, т. е. чтобы бѣдняки, такимъ образомъ, доставляли намъ случай заниматься нравственной гимнастикой.

Правда, безпрестанно приводятся слова Христа: «Среди васъ всегда будутъ бѣдные!». Но Христосъ, во-первыхъ, сказалъ вовсе не это. Онъ сказалъ: «Среди васъ всегда *есть* бѣдные». А кромѣ того, между нами всегда, конечно, будутъ бѣдные, въ томъ смыслѣ, что всегда будутъ люди, неравные по силѣ, по дарованіямъ и по трудоспособности и, лучше сказать, вѣчная истина заключается въ томъ, что каждый изъ насъ бѣденъ извѣстными сторонами своего существа и не можетъ обойтись безъ посторонней помощи.

Здѣсь именно увидимъ мы милосердіе въ новой формѣ, которой суждено, по моему, быстро выврости и заполнить собою весь экономическій міръ, а именно, въ формѣ *взаимопомощи*, яркимъ примѣромъ которой являются общества взаимопомощи, но въ которую входятъ также всѣ формы коопераціи (сотрудничества). Это, несомнѣнно, одна изъ формъ благотворительности и милосердія, потому что въ обществѣ взаимопомощи, напримѣръ, очевидно, что здоровые, молодые, дѣятельные члены гораздо менѣе подвергаются риску заболѣванія, чѣмъ члены болѣзненные, хилые, пожилые, и что, соединяясь съ ними въ одно общество, гдѣ всѣ платятъ одинаковый взносъ, и принимая эту общую солидарность, сильные, несомнѣнно, помогаютъ слабымъ и платятъ за нихъ. Всякая ассоціація, какова бы она ни была (даже чисто промышленнаго характера), неизбѣжно включая въ себя неравныхъ индивидовъ и удѣляя имъ, тѣмъ не менѣе, въ силу самаго своего опредѣленія, равныя права, составляетъ косвеннымъ образомъ одинъ изъ видовъ взаимопомощи или милосердія, если понимать это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, либо, наконецъ, если угодно, солидарности, такъ какъ этой послѣдней, повидимому, предназначено замѣстить первое.

Но, скажете вы, эта форма взаимопомощи, именно въ силу своей взаимопомощи, можетъ распространяться вѣдь лишь на тѣхъ, кто имѣютъ, что давать? Что касается тѣхъ, кто слишкомъ бѣденъ для того, чтобы быть въ состояніи что-либо уплатить изъ своего кошелька, такъ какъ у него нѣтъ даже необходимыхъ грошей для уплаты взноса въ 1 франкъ въ мѣсяцъ въ общество взаимопомощи, или своими услугами, такъ какъ они слабы, слѣпы, паралитичны, то гдѣ же здѣсь взаимность? Они не могутъ ничего давать и должны все получать; милосердіе здѣсь по необходимости остается одностороннимъ.—Пожалуй.

Самыя безполезныя вещи въ мірѣ могутъ быть использованы и дѣйствительно, мало по малу утилизируются благодаря прогрессу знанія. И

если бы наше знаніе было совершеннымъ, то во всемъ этомъ обширномъ мірѣ не было бы ни одной былинки, ни одной песчинки, ни одной самой ничтожной вещи, ни одного микроба, который не имѣлъ бы хоть какой-нибудь пользы и не приносилъ бы сколько-нибудь добра. И искусство милосердія, божественное искусство, состоитъ въ томъ, чтобы во всякихъ жизненныхъ отбросахъ и мусорѣ находить скрытую тамъ добродѣтель, тѣ золотыя песчинки, изъ которыхъ можетъ быть вычеканена хорошая монета для уплаты общественнаго взноса. Наконецъ, есть нѣчто такое, что всегда можетъ дарить даже самый несчастный: немного любви.

Одного этого уже достаточно, чтобы отнять у милосердія унизительный характеръ милостыни и нищенства нашихъ дней. Дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что милосердіе, какъ по своей сущности, такъ и по своему этимологическому значенію, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ денежнымъ подаяніемъ, ни даже съ непосредственной помощью. Въ словахъ св. Павла, приведенныхъ Лоти, греческое слово милосердіе (χαρις) есть просто синонимъ любви, что доказывается слѣдующими словами св. Павла изъ того же отрывка: если бы я даже отдалъ бѣднымъ все мое состояніе, не имѣя въ себѣ милосердія, я—ничто». А вѣдь отдать все состояніе бѣднымъ это, конечно, и есть то, что въ настоящее время назвали бы милосердіемъ! Но это не христіанское милосердіе. А что касается латинскаго слова *caritas*, то оно происходитъ отъ прилагательнаго *carus, cher* (лицо, которое намъ дорого, которое мы любимъ), такъ что глаголъ, этимологически точно соотвѣтствующій слову милосердіе (charité) есть глаголъ chérir (любить). Да проститъ мнѣ читатель эту филологическую вставку: она болѣе поучительна, чѣмъ онъ, пожалуй, думаетъ; въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что вы встрѣчаете бѣдняка, просящаго васъ о милостынѣ. Если бы, вмѣсто того, чтобы говорить: «Подайте, ради Христа!» онъ употребилъ бы глаголъ, отвѣчающій слову милосердіе, и сказалъ бы вамъ: «Любите меня ради Христа!..» вы, навѣрное, почувствовали бы нѣкоторый уколъ, спасительный уколъ, и монета, вынутая вами изъ кошелька, выпала бы изъ вашихъ рукъ. Эта простая подстановка словъ показала бы вамъ еще лучше, нежели показываетъ Толстой въ своей замѣчательной книгѣ «*Что дѣлать*», что денежная подачка нисколько не соотвѣтствуетъ тому представленію, какое мы должны составить себѣ о милосердіи. Оно требуетъ любви отъ того, кто его оказываетъ, и оно не дѣйствительно, если не вызываетъ ея въ томъ, кто служитъ его объектомъ.

Но я не могу скрыть отъ васъ, что экономисты рѣшительно протестуютъ противъ этого вторженія милосердія въ экономическій міръ. Они видятъ въ этомъ губительное смѣшеніе.

Есть два различныхъ міра, говорятъ они, и они должны оставаться различными.

Одинъ—міръ справедливости: каждому свое, каждый за себя, это—область обязательствъ, договора, ихъ создающаго, и закона, ихъ санкціонирующаго.

Это, кромѣ того, міръ знанія, именно потому, что справедливость обнимаетъ количественныя понятія, интересы, полезность, которые можно взвѣшивать и измѣрять; вотъ почему эмблемой справедливости служатъ вѣсы.

Напротивъ, область милосердія—внѣ предѣловъ знанія: это—область чувства; каждый въ этомъ отношеніи свободенъ дѣлать то, что ему угодно: здѣсь нѣтъ ни правилъ, ни законовъ, ни формулъ, ни вѣсовъ. Эмблемой милосердія не можетъ быть ни масштабъ, ни вѣсы, и если у него есть

какая эмблема, то, пожалуй, та же, что у любви, которую, какъ извѣстно, изображаютъ съ повязкой на глазахъ.

Есть не только два различныхъ міра, но и противоположныхъ принципа. Въ самомъ дѣлѣ, «основной принципъ соціальной кооперацiи, «говоритъ Гербертъ Спенсеръ» *), требуетъ, чтобы каждый индивидъ получалъ лишь *не больше и не меньше*, чѣмъ дѣйствительный эквивалентъ своихъ услугъ». Вотъ что такое справедливость Каждый старается по мѣрѣ силъ создать собственное счастіе, и никто не заботится о томъ, чтобы создать счастіе для другого. Между тѣмъ то, что называютъ милосердіемъ, есть, напротивъ, утвержденіе, что слабый, бѣдный, больной неспособный, оказывающій мало услугъ или вовсе ихъ не оказывающій, долженъ получать по своимъ потребностямъ, не выслушивая упрековъ въ своей безполезности. Они являются, по евангельской притчѣ, работниками одиннадцатаго часа, получающими ту же плату, что и работники перваго часа. Такой же точно примѣръ приведенъ былъ въ статьѣ г. Амбона, появившейся въ августовской книжки «Журнала экономистовъ» въ 1898 году подъ тѣмъ же заглавіемъ; «Справедливость и милосердіе», въ которой авторъ противопоставляетъ другъ другу эти два принципа. Работники перваго часа, говоритъ онъ, оплачиваются хозяиномъ по справедливости, такъ какъ они получаютъ условленную плату; работники одиннадцатвго часа оплачиваются хозяиномъ по милосердію, *quia bonus* (ибо онъ добръ!)

И горе обществу, если эти двѣ области смѣшиваются между собою, какъ это происходитъ тогда, когда вводятъ милосердіе въ законъ, создавая пенсіи на случай старости на деньги, взимаемыя съ плательщиковъ налоговъ, либо навязывая хозяину обязательное участіе въ прибыляхъ его рабочихъ, либо заставляя его, въ формѣ минимальной заработной платы, платить рабочему больше, чѣмъ стоитъ его трудъ, или даромъ страховать его противъ болѣзни, либо наконецъ въ видѣ всѣхъ организацій взаимопомощи, кооперацiи, солидарности и т. п. Связывая участь способныхъ съ участью неспособныхъ, въ результатѣ добиваются только того, что ослабляютъ первыхъ, не усиливая вторыхъ.

Итакъ, здѣсь, въ ученіи экономистовъ, мы встрѣчаемъ то же разграниченіе, что и въ протестахъ соціалистовъ—все то же противопоставленіе справедливости милосердію. Справедливость нужно дать обществу, говорятъ и эти послѣдніе, а не милосердіе.

И всетаки, несмотря на это единодушіе умовъ, вообще такъ рѣдко соглашающихся между собою, я думаю, что это разграниченіе, этотъ барьеръ, эта непроницаемая переборка, которую пытаются воздвигнуть между справедливостью и милосердіемъ, не существуетъ.

Возьмемъ *договоръ*, какой—угодно, договоръ о продажѣ или о заработной платѣ: замѣтьте, что въ общемъ всѣ отношенія между живыми людьми, по крайней мѣрѣ, въ соціальной стадіи, во всѣхъ обществахъ, пользующихся гражданской свободой, сводятся къ договорамъ; я говорю не о нотаріальныхъ договорахъ и даже не о писанныхъ, а объ обмѣнахъ, сдѣлкахъ, соглашеніяхъ. Здѣсь-то именно экономисты, какъ и всѣ другіе, и должны искать настоящей почвы для справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ случаѣ говорятъ они, что договоръ *справедливъ?* что *цѣна справедлива?*

Всякій разъ, когда есть *эквивалентность*, то есть, когда каждый получаетъ въ результатѣ обмѣна цѣнность, равную цѣнности той вещи или той услуги, которую обмѣниваетъ: каждому свое, *suum cuique*—что

*) «О благотворительности».

вовсе не означаетъ, будто каждый сохранитъ ту самую вещь, которую онъ принесъ для обмѣна, такъ какъ подобное нелѣпое заключеніе было бы отрицаніемъ самого обмѣна, всякаго раздѣленія труда и даже всей соціальной жизни,—но что каждому принадлежитъ цѣнность его вещи или его труда. Что же опредѣляетъ эту цѣнность? Совокупность довольно сложныхъ причинъ, которую экономисты долго выражали въ формѣ закона предложенія и спроса и которую теперь они предпочитаютъ выражать въ формѣ «степени предѣльной полезности»: мы удовлетворимся первой формой. Итакъ, о заработной платѣ говорятъ, что она справедлива, всякій разъ, когда рабочій можетъ продать свой трудъ, свою рабочую силу за то, что она стоитъ, то есть, по цѣнѣ, установленной на рынкѣ по закону предложенія и спроса, скажемъ, въ 5 франковъ. Если человѣколюбивый хозяинъ дастъ рабочему больше, скажемъ 6 франковъ, то въ этомъ случаѣ хозяинъ оказываетъ ему милосердіе. Если, напротивъ, человѣколюбивый рабочій соглашается получать только 4 франка, то выйдетъ, что онъ оказываетъ милосердіе хозяину. Короче, всякій разъ, когда кто-либо получаетъ однимъ атомомъ больше того, что онъ даетъ, или даетъ однимъ атомомъ больше того, что получаетъ, онъ принимаетъ или оказываетъ милосердіе. Вотъ точная демаркаціонная линія между областью справедливости и областью милосердія. Если мы не хотимъ считаться съ ней, дѣло наше, но мы будемъ знать, по крайней мѣрѣ, что мы дѣлаемъ и что, переходя линію идеала, мы выходимъ изъ предѣловъ политической экономіи.

Первое, что приходитъ на умъ, это то, что здѣсь я не вижу вовсе области какой-либо справедливости, по крайней мѣрѣ, той справедливости которую какъ римскіе, такъ и всѣ прочіе юристы опредѣляютъ, какъ «твердую волю воздавать каждому свое». Все, что я вижу, это - механизмъ, отмѣчающій дѣйствіе нѣкотораго естественнаго закона, предложенія и спроса, закона, который вполнѣ аморалистиченъ, именно потому, что онъ естественъ, и такъ же равнодушенъ ко всякой мысли о справедливости, какъ и солнце, которое, по выраженію священнаго писанія, встаетъ какъ надъ добрыми, такъ и надъ злыми, или какъ всемірное тяготѣніе, въ особенности, какъ тяготѣніе: это сравненіе здѣсь вполнѣ умѣстно, такъ какъ въ видѣ эмблемы справедливости всегда изображаются вѣсы. Но когда говорятъ о вѣсахъ, что они *правильны*, то ясно, что это выраженіе не имѣетъ того же смысла, какъ тогда, если говорятъ о судьѣ, что онъ судья «правильный»! Вѣсы—только инструментъ, который не создаетъ тяжести, но ограничивается указаніемъ на то, что двѣ тяжести равны. А обмѣнъ, въ сущности, это—тѣ же вѣсы, показывающіе, что двѣ цѣнности равны, и больше ничего. Когда говорятъ, что цѣна справедлива, т. е., правильна, то это значитъ только то, что подсчетъ сдѣланъ правильно. Настоящій терминъ, который слѣдовало бы употребить, это не *справедливая цѣна*, а *необходимая цѣна*.

Приведемъ нѣсколько общеизвѣстныхъ примѣровъ. Вотъ—торгъ между Исавомъ и Іаковомъ. Исавъ продаетъ свое право первородства за чечевичную похлебку. Справедлива ли сдѣлка? Экономистъ долженъ отвѣтить утвердительно. Не говорите, что право первородства стоитъ *больше*, чѣмъ чечевичная похлебка, ибо что вы знаете объ этомъ? Во всякомъ случаѣ, Исавъ этого не думалъ, потому что онъ согласился на эту сдѣлку, а вѣдь онъ былъ, безъ сомнѣнья, лучшій судья, нежели вы, относительно того, что касалось его выгоды и аппетита. Онъ сказалъ себѣ: «Вотъ я умираю отъ усталости и отъ голода: къ чему послужитъ мнѣ тогда мое право первородства»? А въ особенности не говорите: да, но Іаковъ, будь онъ хорошимъ братомъ, долженъ былъ бы принять во вниманіе, что братъ его

проголодался и не обѣдалъ, и не долженъ былъ злоупотреблять своимъ положеніемъ... О, только не говорите этого, иначе вы самымъ безнадежнымъ образомъ спутаете милосердіе и братство съ справедливостью. Если бы при заключеніи всякой торговой сдѣлки приходилось спрашивать себя, не проголодалась ли и не устала ли другая сторона, не осталась ли она случайно безъ обѣда, не является ли она намъ братомъ—о, тогда мы совершенно вышли бы изъ области права и политической экономіи; тогда не только не было бы никакой возможности совершать дѣловыя операціи, но, что еще важнѣе, тогда мы занимались бы не наукой, а переливали бы только изъ пустого въ порожнее, какъ выражается мой уважаемый лозаннскій коллега г. Парето *).

Другой примѣръ: еврей Шейлокъ (я васъ прошу не принимать меня за антисемита, на что васъ могъ бы навести этотъ рядъ примѣровъ) условился съ венеціанскимъ купцомъ, что онъ ссудитъ ему опредѣленную сумму цехиновъ, и если тотъ не сможетъ отдать ихъ ему въ срокъ, то онъ (купецъ) дастъ ему взамѣнъ фунтъ своего мяса. Случилось послѣднее, и Шейлокъ требуетъ своего права; онъ требуетъ его именемъ закона, именемъ справедливости. Что можете вы сказать? Что сто золотыхъ цехиновъ не стоятъ фунта живого человѣческаго мяса? Что вы объ этомъ знаете? Обѣ стороны добровольно оцѣнили его въ эту сумму. Что человѣческое чувство возмущается противъ подобнаго договора? А, простите, мы опять начинаемъ путать вещи! Здѣсь дѣло идетъ не о человѣколюбіи. Послушайте Шейлока; онъ говоритъ вполнѣ основательно. «Фунтъ мяса, что я требую, я купилъ дорого, онъ мой, и я хочу имѣть его (*cuique suum*!) Если вы отказываете мнѣ въ немъ, значитъ право Венеціи безсильно: я взываю къ закону!»**). Впрочемъ, Шекспиръ не выдумалъ этого договора; Законъ Двѣнадцати Таблицъ санкціонируетъ эту статью въ знаменитомъ текстѣ, позволявшемъ кредиторамъ разрѣзать своихъ должниковъ на куски: *in partes secanto*. И вы знаете, что Порція, переодѣвшись судьей, принуждена была прибѣгнуть къ тому, что Іерингъ справедливо называетъ жалкою уловкою, чтобы отнять у него его право. Она допускаетъ его воспользоваться этимъ правомъ при двойномъ условіи: 1) что онъ вырѣжетъ ровно фунтъ мяса, ни однимъ золотникомъ больше и не меньше; 2) что онъ не прольетъ ни капли крови, такъ какъ кровь не входила въ договоръ. Однако, если бы Шейлокъ лучше зналъ тексты закона или имѣлъ лучшаго адвоката, онъ легко могъ бы опровергнуть эту уловку судьи, такъ какъ приведенный уже текстъ закона XII таблицъ предусматриваетъ какъ разъ такое затрудненіе: «Даже если бы они,—говоритъ онъ,—вырѣзали немного больше или меньше, то этого нельзя имъ ставить въ вину. *Si plus minusve secuerint, sine fraude esto*!»

Вмѣсто примѣровъ, заимствованныхъ изъ доисторическихъ временъ или изъ области вымысла, не хотите ли болѣе современныхъ? Въ Парижѣ есть великіе хирурги, былъ между ними одинъ, имя котораго было извѣстно всѣмъ, но я воздержусь называть его (онъ уже умеръ); когда этого хирурга призывали для операціи къ тяжко больному, то онъ, изслѣдовавши его, нерѣдко отвѣчалъ: «Операція стоитъ 10.000 франковъ». Иногда, установивъ цѣну, онъ замѣчалъ потомъ, что операція оказалась труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ сначала, и онъ заявлялъ, что она стоитъ вдвое дороже. Случалось даже, что онъ увеличивалъ гонораръ ужъ послѣ

*) La solidarité. Journal des Economistes, 1897 г.

**) Таково, между прочимъ, мнѣніе знаменитаго юриста Іеринга въ его книжкѣ «Борьба за право».

того, какъ онъ вскрывалъ больному брюшную полость. Если семья заявляла ему, что у нея нѣтъ подъ рукой нужнаго количества банковыхъ билетовъ, то онъ, со словами: «За этимъ дѣло не станетъ!», зашивалъ временно паціента и объявлялъ, что онъ закончитъ операцію послѣ того, какъ ему будетъ вручена вся сумма. Я согласенъ, что этотъ живорѣзъ былъ низкой личностью, хотя и окруженной почетомъ и украшенной орденомъ Почетнаго Легіона, но я очень хотѣлъ бы знать, въ чемъ могутъ упрекнуть его экономисты. Онъ въ точности давалъ цѣнность за цѣнность; онъ былъ очень искусный операторъ и, наконецъ, услуга, состоящая въ спасеніи вашей жизни, вполнѣ можетъ стоить 10 или 20 тысячъ франковъ и даже всѣхъ денегъ, какія могутъ у васъ быть. Кромѣ того, онъ не навязывалъ себя насильно, и въ конкуренціи недостатка не было: каждый былъ воленъ обращаться къ кому-угодно изъ другихъ хирурговъ... Да, скажете вы, но искусный врачъ или хирургъ, даже имѣя дѣло съ богатымъ паціентомъ, а тѣмъ болѣе съ бѣднымъ, не долженъ стараться брать максимальную цѣну за свои услуги, за свое знаніе; онъ долженъ проявлять нѣкоторое великодушіе... Ага, вотъ вы опять! Что я говорилъ вамъ?

Не говорите мнѣ теперь, что выбранные мною примѣры не серьезны! Они слишкомъ рѣзки, символичны, если хотите, но вы ясно чувствуете, что подъ эти символы вы можете подвести всѣ факты, заимствованные изъ повседневной жизни. Въ общемъ, примѣры эти представляютъ только крайніе случаи неравенства между договаривающимися сторонами, а это неравенство не исключеніе, а правило! Если же вы захотите ввести во всѣ эти случаи исключительный элементъ—милосердіе, то берегитесь, тогда всѣ договоры окажутся нечистыми! Безчисленны договоры между Іаковами, хорошо пообѣдавшими, и Исавами, не имѣющими, на что поужинать! Безчисленны также такіе договоры, въ которыхъ то, что уступаетъ одинъ, имѣетъ для него сравнительно лишь небольшую цѣнность, не больше, чѣмъ сигарный дымъ, а то, что уступаетъ другой, стоитъ ему дня жизни, куска его собственнаго мяса! Безчисленны, наконецъ, и такіе договоры, въ которыхъ одинъ является паціентомъ, а другой приставляетъ первому ножъ къ горлу!

Однако, если мы допускаемъ старый принципъ справедливости: каждому свое! Или его необходимое слѣдствіе: каждому — точная цѣнность, эквивалентъ его взноса или оказанной имъ услуги! Если мы допускаемъ правило: *Do ut des* (даю, чтобы ты далъ), то нѣтъ никакихъ средствъ избѣжать его, повидимому, возмутительныхъ слѣдствій.

Почему же они кажутся вамъ возмутительными? Потому что это — одна справедливость, безъ милосердія. И суровые римскіе законовѣды вполнѣ поняли это, когда они формулировали положеніе: *Summum jus summa injuria* (гдѣ верхъ справедливости, тамъ верхъ несправедливости).

Вотъ почему въ наше время многіе полагаютъ, что строгое опредѣленіе справедливой цѣны, даваемое экономистами, не можетъ уже считаться удовлетворительнымъ, и что справедливая цѣна предполагаетъ уже не одно только равенство цѣнностей, что для этого нужно принимать во вниманіе кромѣ того и положеніе сторонъ, ихъ потребности, ихъ добрую волю, понесенный ими трудъ.

Такъ, католическая школа, воспрещая ученіе св. Ѳомы Аквинскаго, бчитаетъ въ настоящее время справедливой лишь такую плату, которая обезпечиваетъ рабочему удовлетвореніе необходимыхъ потребностей и даже оѣкоторое соціальное положеніе. Такъ, англійскіе трэдъ-юніонисты тренуютъ *fair wage* (законной платы) или *living wage* (платы, соотвѣтствую-

щей жизненнымъ потребностямъ), т. е. такой заработной платы, которая позволяетъ человѣку вести человѣческое существованіе. Но если во всѣхъ этихъ случаяхъ хозяинъ долженъ, такимъ образомъ, давать больше продажной цѣнности труда рабочаго, то онъ благотворитъ, оказываетъ милосердіе. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что трэдъ—юніоны не легко допускаютъ (и въ этомъ одна изъ характерныхъ чертъ ихъ политики), чтобы каждый рабочій старался заработать по своимъ силамъ и искусности: напротивъ, они запрещаютъ сильному развивать свою дѣятельность до максимума и извлекать изъ нея наибольшую прибыль, чтобы оставалось мѣсто для товарища менѣе искуснаго или менѣе счастливаго. Но вѣдь это—чистѣйшее братство.

Но когда мы проникаемъ въ сравнительно новую область кооперации, то принципъ милосердія начинаетъ налагать особенно яркую печать на всѣ договоры и заставляетъ трещать по всѣмъ швамъ старую желѣзную броню справедливости.

Я уже приводилъ примѣръ общества взаимопомощи, и больше не стану возвращаться къ нему; но, какъ на еще болѣе выпуклый примѣръ, укажу на сельскія кредитныя ассоціаціи, такъ называемыя кассы Раффайзена, гдѣ бѣдняки—земледѣльцы, мелкіе крестьяне, не имѣя денегъ, могутъ все-таки получать авансы и кредитъ, благодаря солидарно взятому на себя всѣми обязательству отвѣчать другъ за друга. Вполнѣ очевидно, что здѣсь залогомъ для всѣхъ служитъ честность, кредитоспособность добрыхъ, усердныхъ работниковъ, которая и помогаетъ остальнымъ находить кредитъ. И здѣсь сильные отвѣчаютъ за слабыхъ. Справедливость ли это? Во всякомъ случаѣ не та справедливость, девизъ которой: каждому свое, каждый за себя, и не та, которая господствуетъ въ борьбѣ за существованіе и возлагаетъ на каждаго отвѣтственность за его поступки и за его судьбу—нѣтъ, это взаимопомощь, солидарность, это—сильные на службѣ у слабыхъ.

Вотъ передъ нами кооперативное общество, въ собственномъ смыслѣ, потребительное или производственное. Одно изъ его основныхъ правилъ, безъ котораго оно, въ сущности, теряетъ свой кооперативный характеръ, состоитъ въ томъ, чтобы ряды его постоянно оставались открытыми и чтобы каждый новый членъ могъ войти туда на тѣхъ же условіяхъ, какъ и первые члены товарищества, его учредители. Не знаю, чувствуете ли вы всю исключительность, скажемъ даже несправедливость такой постановки дѣла съ точки зрѣнія справедливости въ ея точномъ значеніи, съ точки зрѣнія правила *suum cuique*! Какъ! Люди учреждаютъ кооперативное предпріятіе, вкладываютъ въ него годами, быть можетъ даже поколѣніями, не только свои деньги, но свой трудъ, свою душу, свою жизнь, стойко переносятъ всѣ глупыя шутки,—и вотъ, быть можетъ, тѣ самые, кто не хотѣлъ присоединиться къ иниціаторамъ, быть можетъ, даже тѣ самые, кто смѣялся надъ ними и бросалъ въ нихъ камнемъ, увидавъ, что предпріятіе процвѣтаетъ, что прибыль обезпечена, являются и говорятъ: Вотъ и мы! мы держались въ сторонѣ во время посѣва, но пришли раздѣлить съ вами жатву; впустите насъ! И имъ дѣйствительно открываютъ доступъ, и они заплатятъ за входъ ни больше, ни меньше, чѣмъ тѣ, кто состоитъ членомъ съ первыхъ дней. Здѣсь сполна осуществляется та евангельская задача, о которой я говорилъ и которую редакторъ «Журнала Экономистовъ» противопоставлялъ понятію настоящаго экономическаго договора: работники одиннадцатаго часа получаютъ ровно столько же, сколько работники перваго часа!

Въ этихъ самыхъ обществахъ администраторы, буржуа или рабочіе,

отдаютъ все свое время или часть его дѣламъ общества либо безвозмездно, либо за очень скромное вознагражденіе: такъ, напримѣръ, директоръ склада Манчестерскаго товарищества, или директоръ такого же склада въ Глэзго за вознагражденіе въ 150 фунтовъ стерлинговъ (около 1500 руб.) управляютъ предпріятіями, одно съ ежегодными оборотами въ 120 милліоновъ рублей, а другое — въ 40 милліоновъ; и если бы они захотѣли уйти изъ этихъ предпріятій, то имъ тотчасъ же предложили бы жалованіе въ десятеро большее въ какомъ - угодно крупномъ дѣлѣ. Итакъ, къ нимъ принципъ справедливости не примѣненъ; они даютъ гораздо больше, въ десять разъ больше, чѣмъ получаютъ. Оказываютъ ли они милосердіе своимъ сотоварищамъ? Они, вѣроятно, первые запротестовали бы противъ подобнаго предположенія, и ихъ товарищи по коопераціи съ своей стороны заявили бы, что они не видятъ во всемъ этомъ никакого милосердія; но это потому, что какъ тѣ, такъ и другіе понимаютъ милосердіе въ узкомъ смыслѣ милостыни. И дѣйствительно, они не подаютъ милостыни, но если оказывать милосердіе, значитъ просто на просто, какъ мы уже опредѣлили, давать *больше, чѣмъ получать*, давать добровольно и съ любовью, если это значитъ осуществлять на дѣлѣ евангельскую заповѣдь: наибольшій изъ васъ да будетъ слугой другимъ, о, тогда нѣтъ никакого сомнѣнія, что одни изъ нихъ дѣйствительно оказываютъ милосердіе, а другіе принимаютъ его! Каждый даетъ *больше*, чѣмъ онъ получаетъ, и даже больше, чѣмъ онъ ожидаетъ получить отъ остальныхъ.

И эмблемой для кооперативныхъ обществъ должно служить уже не старое изображеніе вѣсовъ, а именно то самое изображеніе, которое фигурируетъ на всѣхъ ихъ печатныхъ бланкахъ и вывѣскахъ: двѣ соединенныя руки, и подъ ними девизъ: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного!—Вѣсы и «каждый за себя»,—вотъ—справедливость! двѣ соединенныя руки и «одинъ за всѣхъ», вотъ—милосердіе! Оно, слѣдовательно, ужъ не исключается изъ договоровъ, оно накладываетъ на нихъ свою печать; оно даетъ имъ то, чего имъ не хватаетъ,—немного сердечности *).

Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ нѣсколько неясныхъ понятій тотъ, что справедливость не можетъ быть замкнута въ формулу, что она непрерывно расширяется. Это обнаружилось бы съ большей ясностью, если бы мы могли прослѣдить эволюцію идеи справедливости, начиная съ ея зачаточныхъ формъ у дикарей. У нихъ идея справедливости еще гораздо строже; она состоитъ въ матеріальномъ равенствѣ, то есть, въ равенствѣ обмѣниваемыхъ предметовъ по вѣсу, по объему, по длинѣ. Напримѣръ, негръ промѣняетъ золотой песокъ на такое же точно, по вѣсу, количество стеклянныхъ бусъ, и найдетъ это вполнѣ справедливымъ. Въ территоріяхъ Гудсонова залива, въ былое время, торговля состояла главнымъ образомъ въ вымѣниваніи мѣховъ на ружья, и обмѣнъ производился слѣдующимъ образомъ: трапперъ (американскій охотникъ) ставилъ уступаемое имъ ружье на землю, а краснокожій накладывалъ вокругъ ружья свои мѣха до тѣхъ поръ, пока куча не достигала по высотѣ конца ружейнаго дула. Въ этотъ моментъ равенство было достигнуто, и обмѣнъ считался совершеннымъ.

*) Впрочемъ, и великій теоретикъ строгой справедливости, Гербертъ Спенсеръ, категорически признавалъ это: «можно представить себѣ общество людей, которые тщательно исполняютъ свои договоры, но не достигаютъ той наивысшей ступени жизни, которая возможна лишь тогда, когда люди оказываютъ другъ другу безвозмездныя услуги... Предѣлъ эволюціи поведенія не будетъ достигнутъ до тѣхъ поръ, пока, переставъ довольствоваться однимъ избѣганіемъ всякой, прямой или косвенной, несправедливости по отношенію къ остальнымъ, мы не станемъ способны къ добровольной работѣ на благо другимъ». (*Благотворительность*).

Этотъ обычай имѣлъ оригинальное слѣдствіе: трапперы до того привыкли приносить для обмѣна все болѣе и болѣе длинныя ружья, съ единственной цѣлью увеличить высоту кучи мѣховъ, что еще и по нынѣ въ этихъ мѣстахъ пользуются, по привычкѣ, длиннѣйшими ружьями, выше человѣческаго роста. Несчастный краснокожій находилъ, что это была *справедливая цѣна* и, если бы какой-либо трапперъ, сжалившись надъ нимъ, остановилъ накладываніе мѣховъ прежде, чѣмъ куча вполнѣ достигла положенной высоты, и сказалъ бы «этого достаточно!», то бѣдняга, вѣроятно, подумалъ бы, что бѣлый—добрякъ и *милосердный* человѣкъ, который требуетъ меньше, чѣмъ ему слѣдуетъ!

И вотъ, эта грубая форма равенства въ обмѣнѣ была замѣнена другимъ равенствомъ, равенствомъ цѣнностей, эквивалентностью; взвѣшиваніе или измѣреніе при обмѣнѣ изъ вещественнаго стало отвлеченнымъ. Это, конечно, прогрессъ, но все-таки и это равенство уже начинаютъ находить все еще слишкомъ грубымъ, слишкомъ аморалистичнымъ, и стремятся замѣнить эквивалентность другимъ способомъ взвѣшиванія, отвѣчающимъ высшей идеѣ справедливости: такъ, пытались установить равенство между количествами обмѣниваемаго труда, между числомъ рабочихъ часовъ или издержками производства, или, наконецъ, прибѣгали къ болѣе радикальному пріему, пробуя окончательно уничтожить способъ оцѣнки человѣческихъ услугъ, называемый обмѣномъ, продажей, заработной платой, и ввести вмѣсто него систему коопераціи и ассоціаціи, гдѣ доля каждаго будетъ устанавливаться не по закону предложенія и спроса, не путемъ купли-продажи, а на основаніи серьезныхъ обсужденій. Такъ называемая мѣновая справедливость уступитъ мѣсто справедливости распредѣлительной, эмблемой которой будетъ уже не такой слѣпой инструментъ, какъ вѣсы, находящіеся въ распоряженіи неизбѣжной случайности, а пальма, присуждаемая достойнѣйшему.

Наконецъ, въ видѣ примѣра, я приведу эволюцію справедливости въ другой области, а именно въ области мѣръ наказанія. И тутъ сначала имѣетъ мѣсто грубая справедливость, состоящая въ матеріальномъ равенствѣ; она называется *возмездіемъ*, око за око, зубъ за зубъ. Затѣмъ это понятіе очищается, пытаются установить уже не матеріальное равенство между преступленіемъ и наказаніемъ, а эквивалентность: ударъ ножемъ стоитъ трехъ мѣсяцевъ тюрьмы... почему? Потомъ дѣлаютъ еще шагъ впередъ: идеалъ равной для всѣхъ, ни для кого не дѣлающей исключенія справедливости въ свою очередь стирается и замѣщается новой теоріей, которую называютъ *индивидуализаціей наказанія* *), и которая вмѣсто того, чтобы примѣнять одинаковое наказаніе къ одинаковымъ преступленіямъ, считается съ личностью преступника, пытается установить отвѣтственность каждаго: такъ, она стоитъ за примѣненіе закона Беранже, то есть за освобожденіе, въ крайнемъ случаѣ, временное, отъ наказанія того, кто совершилъ преступленіе въ первый разъ и, какъ надѣются, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній. Но, спрашиваю я васъ, развѣ эта новая, отеческая, жалостливая справедливость, взвѣшивающая добрыя намѣренія, не походитъ гораздо больше на милосердіе, чѣмъ на былую справедливость, римскую, носившую сѣкиру и розги, или средневѣковую, размахивавшую раскаленными клещами?

Если уголовная справедливость продѣлала подобную эволюцію, то почему должно иначе обстоять дѣло со справедливостью экономическою? И почему не можетъ и она перейти отъ строго-мѣновой справедливости,

---

*) См. книгу Салейля подъ тѣмъ же заглавіемъ.

отъ принципа *Do ut des*, который (какъ говорилъ, впрочемъ, еще Прудонъ) есть не что иное, какъ обращенное возмездіе, къ индивидуальной, личной справедливости?

Итакъ, эволюція всюду открываетъ передъ нами, дѣйствительно, двѣ области: область справедливости и область милосердія, но она показываетъ намъ также, какъ область справедливости безпрерывно расширяется и приближается къ области милосердія. Представьте себѣ два концентрическіе круга, общій центръ которыхъ—эгоизмъ: внутренній кругъ это—кругъ справедливости, а внѣшній—милосердія. Первый непрерывно расширяется и поглощаетъ внѣшній поясъ; этотъ послѣдній, однако, ничего не теряетъ въ своей площади, потому что все, что онъ теряетъ съ одной стороны, онъ съ избыткомъ возмѣщаетъ съ другой, раздвигая свою окружность въ сторону безконечныхъ, но не занятыхъ еще областей, къ пустынямъ любви—хотя бы, напримѣръ, къ новой области состраданія къ животнымъ.

Но картина эта плохо передаетъ мою мысль, такъ какъ она, какъ будто, отводитъ справедливости активную, боевую роль, въ то время какъ она, напротивъ, представляетъ лишь мертвый, застывшій, кристаллизованный элементъ: да, каждое правило справедливости это—прекрасный кристаллъ съ правильными геометрическими формами—потому-то оно и доставляетъ матеріалъ для дѣйствительно точной и формальной науки—и мало-по-малу кристаллы эти растутъ въ окружающей ихъ матери—водѣ: то милосердіе питаетъ ихъ.

Итакъ, Лоти и въ особенности св. Павелъ, говорили вѣрно: въ концѣ концовъ милосердіе остается. Соціальныя науки могутъ относиться къ нему съ какимъ-угодно пренебреженіемъ, и все-таки не отъ кого другого, какъ отъ нея, будутъ получать они впослѣдствіи жизненную силу. Впрочемъ, можетъ случиться, что его не будутъ ясно различать, потому что съ того дня, какъ оно будетъ принято всѣми, оно будетъ называться закономъ.

IX.

О радостяхъ.

(Профессоръ Леонъ Бруншвиггъ).

Мы ищемъ принципъ нравственной жизни въ радости, потому что не можемъ примириться съ мыслью, будто нравственность должна быть предметомъ страха. Страхъ связанъ съ идеей зла, и все, что люди дѣлаютъ изъ страха, они дѣлаютъ противъ воли, съ отвращеніемъ. А такой поступокъ, въ который мы не вкладываемъ всей нашей души, который не захватываетъ насъ всецѣло, не можетъ быть дѣйствительнымъ критеріемъ для нашей оцѣнки. Но, выдвигая радость, какъ принципъ нравственной жизни, не отказываемся ли мы отъ мысли установить правила нравственности?

Вѣдь радость существуетъ лишь для того, кто ее испытываетъ, въ тотъ моментъ и въ той мѣрѣ, какъ онъ ее чувствуетъ. Нѣтъ такого отвлеченнаго ученія, которое могло бы стать на мѣсто индивидуальнаго сознанія и повелѣвать намъ радоваться или грустить. Нѣтъ, слѣдовательно, такого высшаго авторитета, который могъ бы создаться на основѣ радости и навязывать людямъ однообразное поведеніе. Анархія будетъ царить въ обществѣ и не только въ обществѣ, но и въ насъ самихъ. Въ самомъ дѣлѣ, также неоспоримо и то, что наши радости не находятся въ нашемъ распоряженіи, подобно матеріальнымъ, ощутимымъ предметамъ, которые

можно оставить на время и затѣмъ снова найти нетронутыми. То, что доставляетъ намъ удовольствіе, перестаетъ радовать насъ, если продолжается слишкомъ долго или повторяется слишкомъ часто. Въ извѣстные моменты мы сами себя не узнаемъ, до того обманчивы бываютъ обѣщанія, извлеченныя изъ нашего прошлаго опыта. То, отъ чего мы ожидали удовольствія, оставляетъ насъ равнодушными, наводитъ на насъ скуку. Медленно или внезапно отдаляемся мы отъ нашихъ собственныхъ радостей, мы чувствуемъ, какъ мы становимся чужды своимъ наиболѣе живымъ желаніямъ.

Такъ, въ подвижности нашего внутренняго существа, въ безпрерывности нашихъ превращеній, ускользаемъ мы отъ самихъ себя; пока мы отдаемся природѣ, нѣтъ такой радости, въ которой мы могли бы быть увѣрены, которую мы могли бы подготовить и которой мы могли бы спокойно наслаждаться.

Итакъ, мораль радости открываетъ передъ нами двойную опасность: опасность соціальной анархіи и опасность анархіи индивидуальной. Сознаніе этой опасности приводитъ человѣка къ моральному размышленію. Мы ставимъ передъ собой моральную проблему, когда отдаемъ себѣ отчетъ, что съ теченіемъ времени чувства наши мѣняются, когда мы предвидимъ, кѣмъ станемъ мы въ будущемъ, и мы пытаемся устроить свою жизнь сообразно съ этимъ будущимъ. Тогда мы начинаемъ понимать, что наши поступки отражаются одни на другихъ, что они солидарны, и что наши удовольствія и скорби зависятъ отъ этой солидарности. Попавъ впервые въ симфоническій концертъ, мы не получимъ никакого удовольствія отъ серьезной и строгой музыки. Точно такъ же, не умѣя играть въ карты, мы не понимаемъ, какое развлеченіе находятъ люди въ этой игрѣ, и испытываемъ то же ощущеніе равнодушія и скуки. Каковъ бы ни былъ характеръ радости, идетъ ли дѣло о самыхъ благородныхъ поступкахъ или о самыхъ вульгарныхъ развлеченіяхъ, радость стоитъ въ связи со склонностями индивида, съ полученнымъ имъ воспитаніемъ, со всѣмъ его прошлымъ поведеніемъ. Радость предполагаетъ предварительное приспособленіе: мы чувствуемъ себя счастливыми въ томъ состояніи, къ которому мы оказываемся приспособлены, иначе говоря, наши радости связаны съ нашими привычками. Вся наша жизнь проходитъ въ томъ, что мы учимся и забываемъ, усваиваемъ то однѣ, то другія привычки; вся наша жизнь, слѣдовательно, проходитъ въ измѣненіи нашего воспріятія внѣшнихъ явленій и событій, въ усиленіи одного источника радости и въ уменьшеніи другого.

Мы властны въ своихъ радостяхъ постольку же, поскольку мы властны въ своихъ привычкахъ; возможно, слѣдовательно, что мы имѣемъ нѣкоторую власть надъ тѣмъ, что сначала казалось вполнѣ естественнымъ и безсознательнымъ, то есть, надъ радостью.

Привычки, въ отношеніи доставляемыхъ ими радостей могутъ быть раздѣлены на два рода, съ различными и противоположными источниками и слѣдствіями. Однѣ начинаются радостью и не требуютъ отъ насъ никакого усилія, никакой инпціативы: намъ достаточно отдаться пріятному впечатлѣнію, приходящему къ намъ извнѣ. Такова привычка лѣниваго ребенка, который только и знаетъ что играть. Въ пятнадцать лѣтъ онъ остается тѣмъ же, что былъ въ восемь. Содержаніе его игръ не измѣнилось, удовольствіе, сдѣлавшееся однообразнымъ и непрерывнымъ, постепенно теряетъ свою силу или, вѣрнѣе, чувствуется все менѣе и менѣе ясно. Но въ то же время эта привычка сдѣлала его неспособнымъ измѣнить свое поведеніе; способность иниціативы и сила сопротивленія осла-

бѣли; для него становится невозможнымъ свергнуть тиранію этого удовольствія; онъ чувствуетъ неопреодолимую потребность повторять тѣ дѣйствія, которыя нѣкогда были источникомъ радости и ничего, кромѣ этой радости, не даютъ, избѣгать всякаго усилія и проводить жизнь въ этомъ повтореніи легкихъ и однообразныхъ актовъ, которые ничего не приносятъ, но ничего и не стоятъ.

Есть и другія привычки, которыя начинаются усиліемъ и требуютъ отъ существа нѣкотораго, естественно, тягостнаго напряженія; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ актъ этотъ повторяется, внѣшнее сопротивленіе, встрѣчаемое волей, мало-по-малу уменьшается, результатъ достигается легче и можетъ становиться съ каждымъ разомъ все сильнѣе и глубже. Духъ подчиняетъ своей дисциплинѣ плоть и, благодаря сдѣланному прогрессу, оказывается вооруженнымъ для новыхъ завоеваній. Только послѣ того, какъ пальцы стали гибкими, какъ будто туда проникъ механизмъ игры, только послѣ того, какъ преодолѣны техническія трудности,—только тогда берется піанистъ за передачу того, что относится къ духу исполняемой музыки, ея смысла и настроенія. Вмѣсто того, чтобы постепенно суживать кругъ дѣятельности, привычка позволяетъ уму, увѣренному въ покорности организма, исполнять свое дѣло и правильно развиваться, не теряя способности понимать тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ уже понялъ. Она становится источникомъ радостей, которыя могутъ постоянно возобновляться и расширяться, по мѣрѣ того какъ обновляется и расширяется могущество свободы и сфера дѣятельности.

Въ конечномъ счетѣ, въ силу того, что радость связана съ привычкой, существуетъ два рода радостей, какъ есть и два рода привычекъ. И тѣ и другія жизненны и глубоки, потому что какъ съ той, такъ и съ другой стороны можно надѣяться на полное приспособленіе индивида къ своему состоянію, а вполнѣ приспособленный индивидъ чувствуетъ себя счастливымъ. Человѣкъ, отвыкшій отъ усилія и инициативы, заѣдаемый лѣнью и рутиной, считаетъ себя счастливымъ, пока передъ нимъ не встаетъ никакого препятствія, пока волю его не тревожитъ никакое затрудненіе. «Рабство развращаетъ людей до того, что они начинаютъ любить его», это изреченіе вѣрно какъ по отношенію къ женщинамъ, ссылающимся на свою мнимую умственную ограниченность для того, чтобы укрываться за авторитетомъ своего «повелителя и хозяина», такъ и по отношенію къ тѣмъ народамъ, которые отступаютъ передъ обязанностями, налагаемыми достоинствами свободы, и смѣютъ вздыхать по тиранѣ, который освободитъ ихъ отъ обязанности самимъ заботиться о своей судьбѣ. Другой считаетъ себя счастливымъ, когда онъ убѣждается въ томъ, что силы его растутъ по мѣрѣ того, какъ онъ примѣняетъ ихъ, что онъ въ состояніи ставить и приводить въ осуществленіе болѣе отдаленныя цѣли; онъ испытываетъ радость, чувствуя, какъ развертывается его дѣятельность, и видя, какъ растетъ отвѣтственность его личности и своеобразность его жизни.

Такимъ образомъ, передъ волей нашей стоятъ двѣ формы счастія; какую же мы выберемъ? Въ сущности, мы вольны высказаться въ пользу любой изъ нихъ. Возможно, что мы предадимся естественнымъ наслажденіямъ, что мы не устоимъ передъ соблазномъ легкаго удовольствія и что мы будемъ счастливы въ рабскихъ привычкахъ, усыпляющихъ разумъ и тѣло. Но для этого мы не должны разсуждать, не должны ставить передъ собой проблему нашего нравственнаго назначенія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы начнемъ размышлять, то мы неизбѣжно придемъ къ сознанію глубокой воли, лежащей въ основѣ нашихъ привычекъ и именно въ силу этого

служащей источникомъ нашихъ радостей. Самая мысль о томъ, чтобы обсуждать жизнь и дѣлать выборъ между двумя назначеніями, предполагаетъ свободу воли. Разъ она возникла, не можетъ быть ни колебаній, ни неувѣренности, ибо съ того момента, какъ мы выбираемъ *свободно*, мы выбираемъ *свободу*. Это положеніе выражаетъ не пустую игру словъ или отвлеченное понятіе. Оно представляетъ то, что есть самаго глубокаго и конкретнаго въ душевной жизни, такъ какъ жизнь эта имѣетъ своимъ принципомъ свободу. Поэтому, можно сказать, что столкновеніе между рабствомъ и свободой такъ же невозможно, какъ столкновеніе между возбужденіемъ и истиной, между тьмой и свѣтомъ; достаточно появиться свѣту, и тьма разсѣевается. Точно также, кто знаетъ истину, неспособенъ удерживать въ своей мысли заблужденіе; кто возвысился до идеи свободы, тотъ тѣмъ самымъ поставилъ себя въ невозможность желать рабства. Воля къ свободѣ есть не что иное, какъ воля къ бытію. Здѣсь передъ нами альтернатива «быть или не быть»; и пока мы существуемъ, мы держимся за бытіе.

Итакъ, вотъ куда приводитъ насъ размышленіе о нашемъ нравственномъ назначеніи. Мы судимъ сами себя, и чтобы судить себя, мы находимъ точку опоры въ самой идеѣ нашей свободы, въ идеѣ о томъ, чѣмъ мы можемъ стать, благодаря внутреннему утвержденію нашей свободы; такимъ образомъ, у насъ существуетъ нравственная совѣсть, т. е. вторая душа, которая непрерывно ставитъ передъ нашей первой душой все болѣе возвышенныя цѣли и требуетъ отъ нея все новой иниціативы для новаго прогресса. Всякое желаніе, которое обращено на частный предметъ, сосредоточиваетъ наше вниманіе на внѣшнемъ мірѣ и исчерпывается личнымъ обладаніемъ, кажется намъ жалкимъ и ограниченнымъ. Только то безгранично, что приводитъ насъ къ самимъ себѣ, къ тому внутреннему источнику, въ которомъ мы находимъ основу нашей дѣятельности, принципъ нашего совершенства, и откуда ключемъ бьетъ истинная радость, радость всего нашего духовнаго существа.

Этимъ положено основаніе, на которомъ можетъ быть воздвигнута система радостей. Самыя живыя, повидимому, и самыя дорогія радости доставляютъ человѣку страсти. Но, сосредоточивая всѣ силы существа на одномъ пунктѣ, подчиняя или принося въ жертву все, что есть помимо ея, страсть нарушаетъ равновѣсіе и гармонію существа и отнимаетъ у него способность къ обновленію и совершенствованію. Каково бы ни было происхожденіе страсти—отвратительна ли она, какъ скупость отца Грандэ, жертвующаго своею дочерью ради своихъ денегъ, или трогательна, какъ нѣжность отца Горіо, жертвующаго всѣмъ своимъ состояніемъ ради дочери,—индивидъ, живущій только ею и находящійся всецѣло во власти своего желанія, доходитъ до потери своего нравственнаго достоинства, и ему не остается ничего больше для выполненія своего назначенія. Напротивъ, если наше назначеніе—въ томъ, чтобы жить всѣми фибрами нашей души, пользоваться нашимъ умомъ, чтобы понимать сердцемъ, чтобы любить волей, чтобы дѣйствовать,—тогда хороша всякая радость, которая обезпечиваетъ въ насъ общее развитіе нашего внутренняго существа. Вмѣсто того, чтобы быть прикованными къ одной неизмѣнной идеѣ (idée fixe) или къ одному какому-либо частному желанію и запрещать себѣ тѣмъ самымъ всякій иной образъ мыслей и дѣйствія, мы сохраняемъ свободу и способность къ дальнѣйшему прогрессу и увѣренно оріентируемся въ томъ, что составляетъ основу всего нашего существа, то есть, въ разумѣ.

Быть мужественнымъ это значитъ понимать этотъ строй радостей

и примѣняться къ нему. Возьмемте мужество въ его матеріальной и, такъ сказать, элементарной формѣ,—мужество командира, обращающагося къ самому себѣ въ началѣ битвы: «Погоди, братъ, ягодки еще впереди». Что это такое, какъ не признаніе разума высшей частью человѣческаго существа, какъ не радость подчиненія ему тѣла, осуществленія, наперекоръ тѣлу, того, что свободно возникло въ мысли? Точно также, въ умственной области, мужество ученаго обнаруживается тогда, когда онъ умѣетъ честно сознаваться въ своемъ заблужденіи, точнѣе говоря, когда онъ съ радостью признается въ ней, потому что тогда страданія тщеславія, страданія чисто личныя, забываются, исчезая передъ радостью познанія истины, единой для всеобщаго и личнаго разума, обитающаго въ каждомъ изъ насъ. Равнымъ образомъ адвокатъ долженъ радоваться проигрышу дѣла, если пренія открыли ему и заставили его внутренне сознаться что дѣло его дурное; самое трудное мужество состоитъ въ томъ, чтобы выше личнаго интереса, выше чести своего имени, выше профессіональныхъ предразсудковъ и ложной солидарности ставить справедливость такъ, какъ ее понимаетъ безпристрастный объективный разумъ.

Во всѣхъ своихъ проявленіяхъ мужество, вообще, подчиняетъ естественный строй радостей, какъ выраженіе нашего непосредственнаго чувства, идеальному строю радостей, который отмѣчаетъ въ насъ прогрессъ духовной жизни; мы отрекаемся отъ своего состоянія въ данный моментъ, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ мы хотимъ быть. Но такое отреченіе влечетъ за собой страданіе, которое можетъ разбить все наше существованіе. Поэтому, нельзя сказать, будто мораль радости исключаетъ всякое страданіе; она допускаетъ его, даже случается, сама вызываетъ его, но всегда лишь для того, чтобы возвыситься до желанной, предвкушаемой радости высшаго порядка, болѣе соотвѣтствующей истинному назначенію человѣка. Жертва ради жертвы нелѣпость, потому что представляетъ собою сплошное отрицаніе, подавленіе одного существа другимъ. Жертва имѣетъ смыслъ и цѣну лишь тогда, если она способствуетъ укрѣпленію болѣе благороднаго идеала, если мы ей обязаны радостью, испытываемою нами при томъ сознаніи, что мы находимся въ высшей сферѣ нравственной жизни. Вотъ передъ нами мать въ траурѣ, удалившаяся отъ общества, отказывающая себѣ во всякомъ удовольствіи и развлеченіи, чтобы всецѣло отдаваться мысли объ утраченномъ ребенкѣ,—объ этомъ, съ виду печальномъ существованіи можно все-таки сказать, если только правильно понимать слова, что оно посвящено радости, той глубокой внутренней радости, какую доставляетъ намъ нераздѣльное господство надъ всѣмъ нашимъ существомъ одной, дорогой для насъ мысли. Точно также, истинный мученикъ — не тотъ, кто жертвуетъ собою исключительно для того, чтобы пожертвовать собою, надѣясь, самъ не зная почему, на удовлетвореніе въ будущемъ; но— тотъ, кто точно знаетъ цѣну идеала, которому онъ себя посвящаетъ, кто, побѣжденный внѣшними силами, передъ лицомъ торжествующихъ враговъ и заблуждающагося общественнаго мнѣнія, наслаждается созерцаніемъ истины, справедливости и святости, въ ихъ реальности, и, даже умирая, живетъ ими въ высшей части своей души.

Итакъ, только что обрисованная нами мораль радости является скорѣе оправданіемъ, чѣмъ осужденіемъ страданія или жертвы; она не исключаетъ ихъ, а, наоборотъ, пытается даже установить для нихъ правило и законъ, но она не хочетъ, чтобы эти послѣдніе были внѣ насъ и чтобы мы должны были повиноваться имъ по принужденію; она старается сдѣлать такъ, чтобы они исходили изъ насъ самихъ, какъ выраженіе нашей внутренней природы. Отъ каждаго изъ насъ зависитъ, путемъ

развитія своего существа, выйти за предѣлы сферы матеріальныхъ интересовъ и чисто личныхъ желаній и воспринять своимъ умомъ истинный, всеобщій порядокъ, котораго нельзя не желать, однажды уразумѣвъ его. Отъ каждаго изъ насъ зависитъ, восходя къ глубокому источнику своихъ радостей, извлечь изъ самого себя нравственный идеалъ.

Только, не является ли этотъ идеалъ отвлеченной химерой? Нельзя ли сказать про него, что онъ неощутимъ, такъ какъ нѣтъ предѣла естественному развитію разума, нѣтъ той послѣдней истины, которая ставитъ предѣлъ нашей способности изобрѣтать или повѣрять, нѣтъ такого объекта или чувства, которое могло бы разъ навсегда удовлетворить безконечнымъ порывамъ нашего сердца, ибо внутренняя жизнь—это непрерывное обновленіе существа, вѣчный прогрессъ ума и воли? Нельзя ли сказать, что намъ грозитъ опасность, если, уступая соблазну недостижимаго совершенства, мы изолируемъ себя отъ окружающихъ насъ? Вѣдь нравственный идеалъ, вытекая изъ глубины нашего духа, различенъ для каждаго изъ насъ; по мѣрѣ того, какъ мы возвышаемся въ духовномъ отношеніи, мы все больше и больше различаемся отъ другихъ людей и становимся все менѣе и менѣе способными раздѣлять ихъ удовольствія и ихъ заботы; по мѣрѣ того, какъ мы облагораживаемъ себя, мы рискуемъ стать худшими слугами общества. Здѣсь, въ сущности, заключается самая щекотливая и самая серьезная проблема изъ всѣхъ тѣхъ, которыя выдвигаетъ нравственная жизнь. Можемъ ли мы любить другого естественной и глубокой любовью, не отрицая своего собственнаго идеала? Вѣдь любить другого—это значитъ пріобщаться къ его радостямъ, желать ихъ такъ, какъ онъ ихъ желаетъ, и воспринимать такъ, какъ воспринимаетъ онъ. Но если строй радостей, привлекающихъ къ себѣ этого другого, не совпадаетъ съ тѣмъ строемъ духовной жизни, который мы признаемъ и стремимся осуществить для себя, то не приведетъ ли насъ любовь къ ближнему къ нѣкоторому упадку или, въ крайнемъ случаѣ, къ нѣкоторому несовершенству? Мы не смѣемъ подражать прекрасному жесту Мадонны, наклоняющейся къ ребенку, въ области нравственности; мы не можемъ снисходить къ тому, кто ниже насъ, чтобы лучше любить его. Христосъ гностиковъ, принимающій участіе въ злѣ и совершающій всѣ мірскіе грѣхи, чтобы укрѣпить узы милосердія, соединяющія его съ грѣшниками,—ложный Христосъ. Истинный Христосъ сказалъ: «Мнѣ жаль толпы»; онъ указываетъ этимъ, что въ любви совершеннаго къ несовершенному есть разстояніе между тѣмъ, кто любитъ, и тѣмъ, кого любятъ. Требованія соціальной жизни неизбѣжно вносятъ антагонизмъ между чисто личной заботой о нравственномъ идеалѣ и любовью къ ближнему, которая требуетъ отъ насъ, чтобы мы пожертвовали нашими собственными взглядами и замѣнили ихъ волей ближняго. Не достаточно ли одного этого антагонизма, чтобы разрушить мораль радости, ибо какъ можно предполагать, чтобы въ сердцѣ нашемъ оставалась радость, когда тамъ нѣтъ больше любви?

Можемъ ли мы восторжествовать надъ этимъ антагонизмомъ? Если любовь есть лишь естественная, безсознательная склонность, влекущая другъ къ другу двухъ индивидовъ и связывающая ихъ между собою чисто внѣшними узами, то весьма сомнительно, чтобы, сосредоточивая наши мысли и чувства на другомъ, мы не отворачивались бы отъ самихъ себя. Мы стараемся нравиться, и, въ силу одного этого, принимаемъ капризъ другого за правило нашей дѣятельности; мы нравимся, и нашъ капризъ управляетъ дѣятельностью другого. Принимаемъ ли мы добровольную чужую тираннію, сами ли мы проявляемъ эту тиранническую властъ

не желая, быть можетъ, даже не сознавая этого, всегда нѣкоторая индивидуальная воля замѣняетъ нашу глубокую и истинную волю, и мы лишаемся нашей внутренней свободы, утрачивая способность къ прогрессу, возвышающему насъ до высшихъ радостей.

Для того, чтобы любовь не нарушала строя нашихъ радостей, чтобы она не принуждала насъ отрекаться отъ нашего идеала, необходимо, слѣдовательно, чтобы она не сводилась къ поверхностной симпатіи, соединяющей двѣ личности внѣшними узами.

Чѣмъ же она можетъ быть, если не этимъ? Вмѣсто того, чтобы пытаться выйти за предѣлы нашей индивидуальности и стать другой индивидуальностью, мы можемъ уйти въ самихъ себя и попытаться вновь обрѣсти въ глубинѣ нашего существа начало и основу нашей жизни. При такомъ самоанализѣ личность наша всецѣло воплощается въ разумѣ, оставленномъ наединѣ съ самимъ собою, и мы ясно сознаемъ тогда, что, поскольку воплощеніемъ нашей жизни является разумъ, нѣтъ ничего, что было бы свойственно исключительно намъ, что не интересовало бы человѣчества такъ же сильно, какъ и насъ. Уму моему придаетъ цѣнность истина, которой онъ обладаетъ, а цѣнность этой истины составляетъ то, что эта не *моя* истина, а *истина*. Ученый не примирился бы съ тѣмъ, чтобы открытый имъ законъ былъ лишь предметомъ индивидуальнаго пользованія; онъ привязанъ къ своему открытію, потому что онъ знаетъ, что оно навсегда сохранитъ свой авторитетъ въ глазахъ всѣхъ людей. Точно также, мы хотимъ, чтобы то, что мы любимъ, было достойно любви само по себѣ, и влюбленные сплошь да рядомъ бываютъ настолько неосторожны, что восхваляютъ прелести своей возлюбленной, рискуя этимъ заронить сѣмена той самой ревности, которая ихъ же будетъ потомъ мучить. Наконецъ, во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ нашего нравственнаго назначенія мы справляемся съ предписаніями нашей личной совѣсти; но въ то же время мы смотримъ на это предписаніе, какъ на выраженіе нравственнаго закона, мы требуемъ, чтобы наша добрая воля была признана, по крайней мѣрѣ, въ своихъ мотивахъ, всѣми честными людьми. Однимъ словомъ съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ въ сферѣ духовной жизни, съ каждымъ подъемомъ нашимъ на высшую ступень по лѣстницѣ радостей, въ усиліи одного ума мы охватываемъ совокупность всѣхъ умовъ.

Мы пріобрѣтаемъ способность пріобщать къ нашей личной участи участь всего человѣчества, иными словами, мы становимся способными къ любви, которая не отдѣляется больше отъ духовнаго прогресса, потому что она не только не представляетъ для него препятствія, но является его условіемъ и вѣнцомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, легко убѣдиться въ этомъ; для того, чтобы наша внутренняя воля была дѣйствительна, чтобы наша мечта о совершенствѣ могла осуществиться, мы не должны быть предоставлены нашимъ собственнымъ силамъ, необходимо, чтобы въ нашемъ стремленіи къ духовному прогрессу всѣ люди были нашими сотрудниками, критиками, продолжателями. Со дня своего рожденія ребенокъ является продуктомъ человѣчества; онъ воплощаетъ въ себѣ трудъ многихъ поколѣній, сформировавшій, усовершенствовавшій и преобразовавшій человѣческій организмъ. Затѣмъ, путемъ воспитанія, ребенокъ этотъ получаетъ все сокровище, накопленное вѣковою мыслью, и такимъ образомъ въ немъ создается способность различать истинное отъ ложнаго, тотъ методическій умъ, безъ котораго немыслима никакая наука. Точно также, въ сферѣ житейскихъ отношеній, мы научились любить, потому что мы сами были любимы; первые часы нашей матеріальной жизни были плодами постоянной заботливости и преданности; въ лучшихъ нашихъ дѣлахъ мы никогда не смо-

жемъ отдѣлить то, что принадлежитъ нашей собственной иниціативѣ, отъ того, что мы пріобрѣли отъ нашихъ наставниковъ. Нашъ умъ не только воспитался и образовался подъ вліяніемъ другихъ умовъ, но и для того, чтобы обезпечить себѣ нормальное развитіе, онъ долженъ опираться на свидѣтельство умовъ, которые онъ считаетъ равными себѣ. Настоящій ученый, признающій доказательную силу разсужденія или опыта, знаетъ, что онъ не въ правѣ ограничиваться своими собственными разсужденіями или опытами, что его личные труды пріобрѣтаютъ ихъ истинную цѣнность лишь тогда, если они могутъ быть воспроизведены и провѣрены всѣми, кто умѣетъ пользоваться научными методами. А въ сферѣ житейскихъ отношеній, преимуществомъ дружбы является возможность повѣдать другу о грызущихъ душу сомнѣніяхъ и найти въ немъ успокоеніе и поддержку для своей колеблющейся воли.

Наконецъ, по самой природѣ своей, духовный прогрессъ долженъ непрерывно и вѣчно продолжаться въ другихъ умахъ. Что представляли бы труды величайшаго изъ ученыхъ, Декарта или Ньютона, если бы они должны были закончиться вмѣстѣ съ нимъ, если бы они не служили введеніемъ въ неистощимый рядъ частныхъ работъ, если бы они не послужили основой для новыхъ наукъ? Пастёръ, благодаря поразительной благотворности созданныхъ имъ методовъ, и послѣ смерти продолжаетъ дѣлать открытія. Въ нравственности дѣло обстоитъ такъ же, какъ и въ наукѣ: то, что нашъ разумъ подготовляетъ, еще болѣе цѣнно, чѣмъ то, что онъ совершилъ. Воля къ справедливости священна потому, что она приближаетъ эру новаго общества, гдѣ потерпитъ превращеніе даже самая идея этой справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, справедливость имѣетъ двѣ формы. Передъ лицомъ несправедливости, справедливость имѣетъ карательную форму и проявляется въ матеріальномъ принужденіи, въ наказаніи, гдѣ любовь скрывается подъ внѣшностью ненависти, и не отъ насъ зависитъ, чтобы справедливость проявлялась въ наши дни иначе. Но это не истинная справедливость: истинная справедливость—это единеніе одной правой воли съ другой, это—естественно установившійся союзъ между членами общества, исповѣдующими одни и тѣ же духовные принципы; это—вѣчная радость гармоніи и любви.

Идеалъ радости, какъ мы предполагаемъ его, видя въ немъ предѣлъ нашего духовнаго совершенства, заключаетъ въ себѣ идеалъ любви. Строй радостей въ индивидѣ сливается съ строемъ любви въ человѣчествѣ. Слѣдовательно, любовь, какъ и радость, не можетъ быть причиной анархіи въ нравственномъ мірѣ; нужно только понимать все величіе любви, какъ и величіе радости, нужно возвысить ее надъ естественнымъ началомъ до уровня разума. Любовь тогда оказывается тѣмъ же, что и воля къ радости, безпристрастіемъ и мужествомъ. Она безпристрастна, ибо идетъ отъ свободы къ свободѣ. Все, что является капризомъ или насиліемъ, отталкиваетъ ее, такъ какъ отъ любимаго человѣка она ждетъ его истинной воли, покоющейся въ глубинѣ его души и иногда несогласной съ его выраженной волей, ибо только она одна, эта воля, откроетъ ей его духовный міръ во всей его цѣльности. Вь случаѣ нужды, любовь умѣетъ отвлечься отъ своего объекта, какъ она его видитъ, чтобы направиться на идеалъ, созданный ей для этого объекта, и въ этомъ ея мужество. Бороться и стремиться къ тому, чтобы измѣнить того, кого мы любимъ, чтобы сдѣлать его похожимъ на его идеальный образъ, живущій въ нашихъ мечтахъ, въ этомъ состоитъ испытаніе любви, испытаніе, часто тягостное, но единственное, что дастъ ей неистощимую плодотворность. Мы хотимъ, чтобы семья не нарушала строя нашихъ радостей; мы не принимаемъ отъ нашей жены повиновенія по долгу, какъ его предписываетъ законъ,

повиновенія, унизительнаго какъ для того, кто его требуетъ, такъ и для того, кто его оказываетъ; мы хотимъ признавать въ ней достоинство духовной свободы и хотимъ, чтобы тѣсный союзъ двухъ мыслящихъ существъ покоился на свободѣ. Мы любимъ наше отечество, но мы не требуемъ отъ него такихъ радостей, которыя грозили бы опасностью нашимъ чувствамъ человѣчности; мы не требуемъ отъ него, чтобы оно помогло намъ въ звукахъ *Te Deum* забыть тѣ слезы, которыя вдали проливаютъ матери и вдовы, каковы бы ни были ихъ лица, черныя или желтыя; напротивъ, мы радуемся всякому прогрессу, который дѣлаетъ изъ націи, къ которой мы причисляемъ себя, очагъ и школу цивилизаціи. Словомъ, мы создали себѣ идеалъ человѣчности, и мы считаемъ параллельными и неотдѣлимыми другъ отъ друга съ одной стороны внутренній прогрессъ, приближающій насъ къ этому идеалу, и съ другой стороны прогрессъ соціальный, благодаря которому другіе осуществляютъ этотъ идеалъ рядомъ съ нами, иногда черезъ насъ и всегда для насъ. Такимъ образомъ, мораль радости есть въ то же время мораль любви, такъ какъ радость и любовь въ дѣйствительной жизни являются двумя проявленіями, двумя формами разума. И мораль радости, будучи правильно истолкована, такъ же мало можетъ быть обвиняема въ мистицизмѣ, какъ и въ анархизмѣ. Если она, повидимому, замыкаетъ насъ въ самихъ себя за работой внутренняго самосовершенствованія, то дѣло идетъ о томъ, чтобы мало-помалу разрушить въ насъ предразсудки, привычки, которыя скрываютъ насъ отъ насъ же самихъ, чтобы мы вполнѣ овладѣли силами разума и, разбивъ всѣ преграды, существующія между нашимъ разумомъ и умами другихъ, представляли собой людей съ выпрямленными душами, готовыми соединиться въ чистой и глубокой любви.

Въ этомъ—высшее оправданіе философскаго размышленія. Философская критика, заключенія которой кажутся поверхностнымъ наблюдателямъ чистымъ отрицаніемъ, способна разрушать въ старыхъ вѣрованіяхъ и въ устарѣвшихъ институтахъ лишь то, что само было отрицаніемъ, источникомъ ослѣпленія и зародышемъ ненависти. Освобождая то, что одно только имѣетъ положительную цѣнность, то есть, разумъ, это начало всякаго умозрительнаго и практическаго прогресса, она содѣйствуетъ образованію нравственнаго общенія, которое объединяетъ людей узами вѣчной и глубокой связи.

Умъ—это работникъ любви. Таково положеніе, изъ котораго исходятъ размышленія всѣхъ философовъ, въ томъ числѣ и та мысль, которую провозгласилъ ихъ общій учитель, Сократъ, когда, передъ лицомъ ложной мудрости софистовъ, ложнаго патріотизма правителей, ложной справедливости судей, ложной религіи жрецовъ,—онъ говорилъ съ улыбкой: «Я ничего не знаю», и затѣмъ, все еще съ улыбкой на устахъ, но ужъ съ иной улыбкой, прибавлялъ то, что воплощаетъ въ себѣ благороднѣйшія надежды человѣчества, его мечту о радости и совершенствѣ: «Я не знаю ничего, кромѣ того, что относится къ любви».

X.

Мораль и политика.

(Е. де-Роберти, проф. Новаго университета въ Брюсселѣ).

Съ моей стороны, быть можетъ, нѣсколько опрометчиво и, пожалуй, даже совершенно тщетно задаваться цѣлью въ одной лекціи, т. е. въ какихъ-либо пятьдесятъ или шестьдесятъ минутъ, изложить теорію морали, нѣсколько расходящуюся съ общепринятыми взглядами. Однако, я постараюсь выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое я

поставленъ вашимъ уважаемымъ директоромъ, г. Дельбэ, и вашимъ любезнымъ главнымъ секретаремъ, г-жей Дикъ Мэй, при чемъ я не стану злоупотреблять тѣмъ удобнымъ пріемомъ, который рекомендуется знаменитымъ стихомъ: Скользите, смертные, не останавливайтесь! Напротивъ, я остановлюсь, но только на нѣсколькихъ пунктахъ, которые я считаю существенными. Моя аудиторія, составъ которой, какъ мнѣ пріятно думать, принадлежитъ къ числу избранныхъ, и которая не откажетъ мнѣ въ своей снисходительности, довершитъ остальное.

Мы должны отвѣтить на слѣдующіе два важные вопроса:

Что такое мораль? И что такое политика?

Но для того, чтобы лучше ознакомиться съ областью этого краткаго изслѣдованія, областью, которую одни называютъ топкою трясиной, а другіе—дѣвственнымъ лѣсомъ, начнемъ съ того, что разставимъ вѣхи. И для того, чтобы онѣ были ясно замѣтны, привлекали и удерживали наше вниманіе, выберемъ ихъ въ сферѣ того, что насъ затрагиваетъ самымъ чувствительнымъ образомъ, а именно, среди болѣзненныхъ проявленій современной дѣйствительности.

По поводу столь знаменитаго Дѣла (съ прописнаго Д *), этой Эйфелевой башни общественной нравственности и безнравственности, на которое Европа, весь міръ взираетъ съ изумленіемъ, смѣшаннымъ, пожалуй—какъ знать? — съ нѣкоторой завистью, да, завистью, — по поводу этого прогремѣвшаго Дѣла не приводилось ли вамъ неоднократно слышать выраженіе надежды, что пережитый нами тогда кризисъ будетъ имѣть то благое слѣдствіе, что онъ окончательно (нѣкоторые доходили даже до того, что прибавляли и впервые) внесетъ мораль въ политику! И вотъ, господа, я хотѣлъ бы разсѣять въ васъ это заблужденіе, допуская, что вы впали въ него.

Мораль не войдетъ въ политику съ дѣломъ Дрейфуса по той простой причинѣ, что она никогда, ни въ одну эпоху жизни человѣчества, не оставляла ея и всегда оживляла политику, какъ душа оживляетъ тѣло,—политика была и до скончанія вѣковъ останется простой слугой, послушною рабыней самодержавной нравственности. Вѣдь стоитъ только напомнить примѣры и имена, заученныя на школьной скамьѣ: и Саламинъ, и Ѳермопилы, и судьбу Карѳагена, и римскія завоеванія, и агонію обѣихъ Имперій, и вѣчное гоненіе правды, всегда наказывавшееся такъ величественно обожествленіемъ ли Христа или неувядаемой славой Галилея; а такіе факты, какъ крестовые походы, стихійныя возмущенія, побѣдоносныя революціи.

Поставимъ на нашемъ пути другую вѣху. Отмѣтимъ въ еще болѣе точной формѣ тотъ же софизмъ, который, въ сущности, представляетъ лишь вполнѣ естественную ошибку зрѣнія, вызываемую заботами, всецѣло захватывающими насъ на нѣкоторое время. Нѣсколько дней тому назадъ я прочелъ въ одной газетѣ статью, посвященную какъ разъ тому опыту, который предпринятъ Свободнымъ коллежемъ соціальныхъ наукъ, т. е. настоящему курсу морали, читаемому различными профессорами съ различныхъ точекъ зрѣнія. Авторъ, человѣкъ, впрочемъ, умный и талантливый, считаетъ эту попытку мало удачной и, во всякомъ случаѣ, парадоксальной, такъ какъ, по его мнѣнію, она можетъ только усилить путаницу въ нравственныхъ идеяхъ и системахъ. На его взглядъ, опредѣлить мораль—дѣло совершенно невозможное, превышающее современныя силы человѣческаго разума. И онъ заканчиваетъ свою статью констатированіемъ одного любопытнаго и важнаго факта: «Странное дѣло, восклицаетъ онъ, ни-

*) Дѣло Дрейфуса: французы называютъ его просто «Affaire» (дѣло) и пишутъ это слово въ такомъ случаѣ съ прописного А. *Прим. перев.*

когда вопросы морали не занимали умы такъ часто и сильно, какъ теперь!» Стараясь далѣе найти причину подобнаго явленія, онъ наивно приводитъ его въ связь съ великой драмой нашихъ дней или, вѣрнѣе, нашей эпохи. «Мы стали, говоритъ онъ насмѣшливо, такими нравственными, безукоризненными гражданами, по крайней мѣрѣ, съ виду, что съ нынѣшняго времени, въ глазахъ всѣхъ другихъ народовъ, мы превратились въ самыхъ что ни на есть испорченныхъ людей».

Итакъ, цитируемый мною писатель, подобно многимъ другимъ, смѣшиваетъ совершенно частный случай, являющійся результатомъ совокупности вполнѣ общихъ причинъ, съ этой самой совокупностью. Далеко не являясь источникомъ сильнаго моральнаго движенія, дѣло Дрейфуса должно разсматриваться какъ случайная фонтанель *) для извѣстной группы сыздавна накопившихся склонностей и тенденцій. Начало нашихъ моральныхъ заботъ и терзающихъ насъ сомнѣній восходитъ къ болѣе отдаленному времени. Это настолько вѣрно, что еще ровно пять лѣтъ тому назадъ, когда еще никто не подозрѣвалъ, что политика готовила намъ такіе позорные скандалы (слово «позорный» не кажется мнѣ слишкомъ сильнымъ), я открылъ свой курсъ этики въ Новомъ Брюссельскомъ университетѣ слѣдующими словами, которыя я повторю теперь, съ разрѣшенія слушателей:

«Я буду бесѣдовать съ вами о нравственности, говорилъ я своимъ слушателямъ, а вѣдь было время, когда одного заявленія о подобной темѣ лекціи было бы достаточно, чтобы аудиторія опустѣла и разбѣжалась бы даже самая благосклонная публика. Это былъ, если хотите, мало сознательный, но дѣйствительный и въ концѣ концовъ цѣлесообразный протестъ противъ лицемѣрія ученій, противъ лживости традиціонныхъ методовъ. Нынѣ положеніе измѣнилось. Идеи, въ своемъ развитіи, прошли нѣсколько важныхъ этаповъ. Какъ и всегда, прежде всего это отозвалось на оцѣпенѣлости сознанія. Интересъ къ изученію нравственности сталъ оживляться. Этика перестала быть мертвой вещью, тяготившею нашихъ отцовъ; или, лучше сказать, представляя изъ себя трупъ, она стала возбуждать живѣйшую анатомическую любознательность. Созданіе соціологіи, которое надолго окружитъ минувшее столѣтіе свѣтлымъ ореоломъ, и двойная великая агитація — соціалистическая и анархическая — таковы, безъ сомнѣнія, тѣ два фактора, два главныхъ теченія, одно положительное, другое отрицательное, которые своимъ взаимнымъ дѣйствіемъ опредѣлили это новое направленіе умовъ и произвели это смутное начало этическаго Возрожденія—послѣднее слово, какъ мнѣ кажется, нельзя считать слишкомъ претенціознымъ». И я прибавилъ: «Итакъ, передъ нами совершенно ясно видны оба противоположныхъ лагеря, оба враждебныхъ войска, которыя повидимому, хотятъ уничтожить другъ друга, и которыя, пожалуй, помогаютъ другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ соединяетъ непосредственное соприкосновеніе; и на пароль, данный вѣкомъ: что такое мораль?—они всѣ отвѣчали одинаково: это исключительно соціальное явленіе».

Я упомянулъ имя Новаго университета. Вы знаете, что онъ недавно закрытъ. Онъ погибъ послѣ пятилѣтней героической борьбы противъ соединенныхъ силъ реакціи. Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы воздать дань должнаго уваженія этому побѣжденному. Ему будетъ посвящена прекрасная страница въ моральной исторіи девятнадцатаго вѣка. Впрочемъ, такія идеи никогда не умираютъ, и я предпочелъ бы сказать, что Новый университетъ ожидаетъ для себя въ великой странѣ Утопіи лучшихъ временъ, болѣе свободнаго и болѣе просвѣщеннаго поколѣнія.

*) Фонтанелью въ старинной медицинѣ называли искусственную рану, удѣлавшуюся для оттягиванія вредныхъ соковъ. *Прим. пер.*

Послѣ этихъ отступленій, за которыя я прошу извиненія у читателя, я перехожу къ самому обсужденію предмета настоящей лекціи. Это обсужденіе я разбиваю на три главныхъ пункта, изъ которыхъ *первый* относится къ происхожденію и прошлому моральной эволюціи; *второй*—къ пониманію этики, какъ отвлеченной науки, предѣлы которой сливаются границами съ первоначальной соціологіей, или—какъ философіи соціальныхъ фактовъ, которая должна явиться результатомъ ихъ предварительнаго изученія въ различныхъ многочисленныхъ отрасляхъ аналитической и описательной соціологіи; и *третій*, наконецъ,—къ пониманію политики, какъ соціальной технологіи, гигіены и терапевтики коллективной жизни, обнимающей, какъ сферу семейныхъ и половыхъ отношеній, такъ равнымъ образомъ и сферу экономики, права и управленія.

I.

Въ началѣ умственной эволюціи, нравственность не только, заключалась въ религіи и философіи, подобно всѣмъ отраслямъ знанія, но она была кромѣ того предпочтительной, излюбленной формой, въ которую облекались религія и философія (напримѣръ, въ видѣ бога-олимпійца, снисходящаго къ любви дочерей земли), вступая въ тѣсныя отношенія съ естественными науками. Если мысленно пройти всѣ многочисленныя стадіи, уже пройденныя любой наукою, то на краю этого длиннаго пути мы непремѣнно встрѣтимъ наивно радостный или печальный, улыбающійся или грустный образъ морали богослововъ и философовъ.

Во всѣхъ областяхъ знанія, слѣдовательно, какъ въ дѣятельности, такъ и въ искусствѣ, обыкновенно начинаютъ съ поверхностнаго взгляда на вещи, съ ихъ приблизительной оцѣнки, съ опредѣленія ихъ отношенія къ нашему «я», на которое онѣ производятъ различныя впечатлѣнія, то внушая ему стремленіе къ себѣ, то страхъ.

Исторія человѣческаго знанія вскрываетъ другой постоянный фактъ: тенденцію къ переходу отъ аттрибутовъ, внѣшнихъ признаковъ вещей къ ихъ внутреннимъ качествамъ.

Всякое соціальное явленіе получаетъ двойственный характеръ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ: оно дѣйствительно одновременно и скрыто, оно представляется намъ въ видѣ нѣкотораго факта или установленія, и въ то же время раскрывается передъ нами, какъ болѣе или менѣе богатый запасъ внутреннихъ, психическихъ элементовъ. Но въ продолженіе многихъ вѣковъ истинное основаніе подобной дифференціи оставалось незамѣченнымъ. Только его конечные результаты были обнаружены съ раннихъ поръ; они даютъ мѣсто ходячему разграниченію *права* и *нравственности*. Предшествуя научному знанію, обычное словоупотребленіе суживаетъ значеніе этихъ терминовъ и часто искажаетъ его. Однако, настоящій порядокъ послѣдовательности, соединяющей эти два класса явленій, былъ уже подмѣченъ, такъ какъ, съ большой долей истины, право производили отъ нравственности. Право охотно даже сравнивали съ одѣяніемъ, въ которое наряжается нравственность: одѣяніе это часто оказывалось до того изношеннымъ, что просвѣчивало, словно рѣшето, и представляло собою такія лохмотья, что являлась настойчивая необходимость обновить его какъ можно скорѣе, подъ угрозой религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и, въ довершеніе всего, соціальныхъ или моральныхъ кризисовъ. Напомнимъ, мимоходомъ, о различной судьбѣ, постигшей эти два главные отдѣла соціологическихъ знаній. Анализъ видимыхъ предметовъ, соціальной *внѣшности*, распался на множество описательныхъ отраслей. Что же касается внутренняго образа, *содержанія* соціальнаго явленія, то изученіе его, поскольку оно возможно, до сихъ поръ остается въ существенныхъ своихъ чертахъ недѣлимымъ.

Я охотно допускаю положенiе новѣйшихъ школъ, настаивающее на первенствѣ и независимости нравственной вѣры по отношенiю къ вѣрѣ религiозной. Это положенiе устанавливаетъ тотъ самый *законъ соотношенiя между науками и философiей*, который старался установить и я, и которымъ я хотѣлъ замѣнить нынѣ уже явно недостаточный законъ *трехъ состоянiй*. Частное знанiе необходимо прокладываетъ путь для общаго, и наука представляетъ фактъ болѣе ранняго происхожденiя, чѣмъ религiя. Она доставляетъ этой послѣдней все ея содержанiе, ея космологическiй и нравственный матерiалъ.

Огромная, удивительная соцiальная роль, которую играли религiи (и которую въ извѣстныя эпохи высокой умственной культуры у нихъ съ успѣхомъ оспаривала метафизика) обязана, конечно, тому факту, что религiи имѣли въ своемъ распоряженiи и заботливо культивировали примитивную соцiологiю, извѣстную подъ именемъ морали. Этотъ могучiй рычагъ, ускользающiй нынѣ изъ ихъ ослабѣвшихъ рукъ, служитъ имъ для того, чтобы подымать и направлять человѣческiя общества. Среди этихъ соцiологовъ прошлаго занимаютъ мѣсто Конфуцiй, Будда, Моисей, Христосъ, Магометъ, словомъ, всѣ основатели религiй и великiе проповѣдники нравственности. Подобно первымъ астрономамъ и первымъ физикамъ, эти первые соцiологи были отчасти магами и даже кудесниками; но, несмотря на эти недостатки метода, ихъ обобщенiя часто были смѣлыми открытiями, богатыми въ своихъ результатахъ. Всѣ они пламенно стремились найти высшiй двигатель хорошаго поступка, похвальнаго поведенiя. И всѣ они, почти съ первыхъ же шаговъ, единодушно, не колеблясь, возвели на степень такого руководящаго принципа постоянно наблюдаемую склонность, влекущую насъ къ ближнему.

Однако, въ то время, какъ богословiе удовлетворялось простымъ констатированiемъ факта альтруизма и не переходило за предѣлы того, что извѣстная школа, увлеченная, подобно своему учителю, Руссо, отдаленными горизонтами минувшаго, называетъ въ настоящее время моралью сердца, въ это время метафизика, сначала робко, а затѣмъ съ возрастающей смѣлостью шла впередъ къ неизвѣстному, неопредѣленному идеалу, который однако уже признавалъ за человѣческимъ разумомъ широкую степень влiянiя. Правда, не взирая на свои рацiональныя стремленiя и нѣкоторыя достойныя вниманiя усилiя, несмотря на нѣкоторыя удачныя примѣненiя экспериментальнаго метода, метафизика никогда не могла выйти изъ перiода попытокъ. Она не могла поторопить естественный ходъ развитiя нашихъ знанiй и ускорить окончательное появленiе соцiологiи. Она была и осталась, какъ и религiя, но съ яснѣе выраженнымъ прогрессивнымъ характеромъ, знанiемъ, по существу эмпирическимъ, чѣмъ-то въ родѣпр еддверiя будущей истины.

Та же критика, повидимому, можетъ быть направлена и по адресу двухъ важныхъ философскихъ школъ позитивистовъ и эволюцiонистовъ,— которыя, около средины девятнадцатаго вѣка, въ свою очередь, пытались обновить основы нравственности.

Позитивизмъ стоитъ въ тѣсной связи съ альтруистической моралью, выработанною самой отдаленной древностью (Индiя, Китай, Египетъ, Iудея) и греко-латинскимъ мiромъ, и впослѣдствiи принятой и усиленной христiанствомъ. Но, если онъ санкцiонируетъ этотъ старый кодексъ поведенiя, то въ то же время онъ пытается улучшить его, превращая любовь къ людямъ изъ страха Божiя въ любовь къ человѣчеству, диктуемую самой природой человѣчества. И онъ расширяетъ рамки этого послѣдняго понятiя, признавъ совокупность минувшихъ и будущихъ поколѣнiй за высшую реальность по отношенiю къ той или иной части человѣчества во времени или пространствѣ.

Однако, съ другой стороны, въ этомъ порядкѣ мыслей противорѣчія не рѣдки у Конта. Его преимущественно популяризаторскій и практическій геній мѣшалъ ему исчерпывать проблемы до конца. Вмѣстѣ съ Даламберомъ и Сэнъ-Симономъ, Контъ проповѣдывалъ долгъ возможно большаго расширенія сферы нашихъ привязанностей; онъ принялъ и усвоилъ положеніе: предпочитать семью самому себѣ, родину семьѣ, и человѣчество родинѣ. И изъ всѣхъ этихъ столь опредѣленныхъ посылокъ, позитивной морали удалось, вмѣсто заключенія, вывести лишь пошлый апоѳеозъ семьи и отечества!

Нѣкоторыя другія черты еще больше оттѣняютъ духъ компромисса, (вполнѣ пріемлемый на практикѣ, но недопустимый въ чистой теоріи), который вдохновлялъ и направлялъ Конта въ этой части его изслѣдованій. Напомнимъ здѣсь хотя бы его упорный антифеминизмъ его уваженіе къ нѣкоторымъ традиціямъ теологической морали, его католическія и авторитарныя склонности, различные установленные имъ культы и анаѳемы, на которыя онъ былъ такъ щедръ.

Но есть нѣчто худшее. Контъ открыто проповѣдуетъ «перевѣсъ чувства надъ разумомъ и даже надъ дѣятельностью». Его мораль отождествляетсясъ архаической эмоціональною моралью, съ ея пресловутыми правилами сердца: она разсматриваемая сама по себѣ, представляетъ наивную безсмыслицу, такую же нелѣпость, какъ напримѣръ, сантиментальная астрономія или управляемая страстями химія. «Устаютъ думать, даже дѣйствовать, но никогда не устаютъ любить», восклицаетъ Контъ, сходясь въ этомъ отношеніи со св. Ѳомою, но поворачиваясь спиною къ новой психофизіологіи и психологіи, провозглашающимъ основное единство психическаго бытія.

Вообще, неотложное дѣло реформы моральнаго знанія, по многимъ причинамъ, подвергалось опасности, находясь въ рукахъ Конта. Этотъ великій мыслитель, сумѣвшій такъ глубоко вселить въ общественное сознаніе необходимость общей теоріи обществъ, окрещенную имъ нынѣ столь популярнымъ именемъ соціологіи, замѣтилъ лишь выдающіяся формы, лишь видимое клокотаніе и кипѣніе явленій этого сложнаго порядка, и онъ сдѣлалъ изъ соціологіи заодно нѣчто въ родѣ *исторіи* и *статистики* соціальной внѣшности, предназначенныхъ для открытія *эмпирическихъ* законовъ явленій, протекающихъ на поверхности большихъ человѣческихъ массъ.

Эта соціологія позволяетъ возстанавливать главныя юридическія и политическія формы прошлаго и даже приступать къ извѣстнымъ вопросамъ эмбріологіи, генезиза соціальныхъ группъ. Но она не останавливается ни на половыхъ, ни на семейныхъ дифференціаціяхъ, нисколько не интересуется грандіознымъ экономическимъ прогрессомъ и, повидимому, систематически игнорируетъ эволюцію внутренней нравственности. Все, что близко или отдаленно связано съ соціальной онтологіей, презрительно относится Контомъ къ метафизикѣ. Равенство: общественность=нравственность, ни разу не возникаетъ въ его умѣ. А разсматриваемая, въ такихъ условіяхъ къ тому же исключительно, какъ индивидуальный и практическій кодексъ поведенія, мораль основателя позитивистской школы не могла сильно отличаться отъ рутинныхъ правилъ, которыми жило прошлое.

Объ эволюціонизмѣ и Спенсерѣ я скажу очень немного.

Философія эволюціи не выполнила той задачи, которую она поставила передъ собой, какъ высшую цѣль; она не сдѣлала изъ этики науки, въ строгомъ смыслѣ слова. Въ самомъ дѣлѣ, для осуществленія этого широко задуманнаго плана недостаточно было, какъ это думалъ

Спенсеръ, допустить движеніе человѣчества къ идеалу справедливости и мира, къ побѣдоносному альтруизму, къ болѣе и болѣе совершенному приспособленію индивида къ условіямъ соціальнаго существованія. Впрочемъ, англійскій философъ не вноситъ ничего новаго. Онъ ограничивается развитіемъ этики Конта съ помощью одного изъ трехъ главныхъ базисовъ позитивной философіи: принципа эволюціи, въ примѣненіи къ человѣческому обществу извѣстнаго подъ именемъ прогресса.

Вообще, можно сказать, что рядомъ съ нѣсколькими зародышами будущихъ истинъ, прошлое завѣщало намъ массу ошибокъ, какъ въ области фактовъ, такъ, въ особенности, въ области методовъ.

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ нѣкоторые изъ этихъ пережитковъ, противъ вліянія которыхъ мы вовсе не боремся или боремся лишь очень вяло и съ перерывами.

Такова, прежде всего, ошибка идеализма, или трансцендентнаго ученія о нравственности, ставящаго то, что громко называется *вѣрой въ долгъ* «выше сферъ науки и даже самой природы», Безъ сомнѣнія, такія претензіи существуютъ, но онѣ не оправдываются никакой, доступной наблюденію реальностью. Намъ кажется не совсѣмъ осторожнымъ поддакивать такому печальному безумію и въ высшей степени неразумнымъ давать укореняться унизительной иллюзіи, будто можетъ быть что-нибудь выше знанія и разума. Это было бы воплощеніемъ самой невозможности или, вѣрнѣе, абсурда. То, что возносятъ такимъ образомъ выше науки: вѣра въ нравственный долгъ, вѣра въ Бога, либо другой подобный принципъ или правило жизни, все это опять-таки относится къ наукѣ, но къ наукѣ примитивной, младенческой, несовершенной, остановившейся въ своемъ развитіи много столѣтій тому назадъ и въ силу этого ставшей неудовлетворительной и ошибочной. Нѣтъ ничего возвышеннаго въ подобныхъ тенденціяхъ, которыя, напротивъ, обнаруживаютъ довольно низкое представленіе о міровой тайнѣ.

Равнымъ образомъ, слѣдуетъ отвергнуть и тотъ не моральный или соціальный, а широкій интеллектуальный пессимизмъ, весьма неудачнымъ проповѣдникомъ котораго сталъ за послѣднее время Брюнетьеръ. Подобный образъ мыслей воспроизводитъ старый страхъ, который внушала первобытнымъ людямъ сжимавшая ихъ тѣснымъ кольцомъ неизвѣстность, ужасъ, распространявшійся естественно и на усиліе познать, на дерзкое желаніе разсѣять мракъ. Тотъ же ужасъ вновь возрождается безсознательно въ наши дни въ умахъ тѣхъ, кто проклинаетъ *современнаго идола* и налагаетъ ему на лицо клеймо зла, классическій упрекъ въ разрушеніи безъ созиданія, въ томъ, что онъ является лишь чисто отрицательной и разрушающей силой!

Наконецъ, не менѣе многочисленны, и не менѣе гибельны ошибки метода, большинство которыхъ восходитъ къ древнимъ привычкамъ разума. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ легко забываютъ, что безрезультатность или отрицательные результаты, на которые такъ сильно жалуются наши моралисты и философы, прежде всего, если не исключительно, говорятъ именно противъ пріемовъ изслѣдованія, примѣняемыхъ въ соціологіи, психологіи и морали.

Но остановимся. Я не кончилъ бы такъ скоро, если бы пожелалъ не то чтобы изслѣдовать до конца, но лишь перечислить всѣ ложныя предпосылки, матеріальныя ошибки и всѣ поддѣлки, если можно такъ выразиться, которыя кладутъ пятно на критическую дѣятельность современнаго моралиста, затрудняютъ его на каждомъ шагу, парализуютъ его усилія и замедляютъ возникновеніе соціальной науки.

II.

Перейдемъ къ опредѣленію морали.—Компетенція біологическаго изученія явно останавливается передъ фактами коллективной аксіологіи, альтруистической оцѣнки вещей. Изслѣдованіе этихъ фактовъ требуетъ созданія новой науки: науки о надорганическомъ мірѣ, внутреннихъ основаній которой, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ искать въ той хаотической массѣ явленій, которую практика истекшихъ столѣтій и интуитивное знаніе исчезнувшихъ поколѣній пытались сгруппировать подъ именемъ морали.

Другими словами, этика должна составлять отвлеченную и вполнѣ существенную часть соціологіи; взглядъ этотъ, впрочемъ, не такъ уже страненъ, какъ это можетъ показаться сначала. Онъ имѣетъ глубокіе корни въ исторіи соціальныхъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ за объектъ этики бралось содержаніе, всецѣло свойственное соціологіи? Свидѣтельствомъ служитъ слѣдующее опредѣленіе, столь точное, именно въ силу своей общности: мораль — это наука самыхъ частныхъ и самыхъ сложныхъ отношеній, существующихъ между живыми существами. Развѣ не говорилось и не повторялось, что она представляетъ физику нравовъ? Къ сожалѣнію, на этихъ чисто формальныхъ заявленіяхъ и остановились, и еще въ наше время намъ представляютъ мораль, то какъ прикладную науку, въ дополненіе или прибавленіе къ біологіи и психологіи, то какъ важную часть метафизики.

Но по примѣру всѣхъ наукъ, соціологія должна будетъ отвоевать назадъ у метафизики свою существенную основу, мораль.

Думать, что дѣло можетъ обстоять иначе, это значитъ не признавать самыхъ достовѣрныхъ законовъ научной эволюціи, предполагать, будто различныя нормы управляютъ ходомъ такъ называемыхъ естественныхъ наукъ и развитіемъ соціальной науки.

То, что мы теперь называемъ этикой, есть знаніе, насыщенное смутными, неточными понятіями и противорѣчащими другъ другу идеями. Поэтому, современная соціологія, пожалуй, не совсѣмъ заблуждается, когда она сама отворачивается отъ своихъ собственныхъ принциповъ, въ такой степени искаженныхъ и извращенныхъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣльно отъ морали, она никогда не станетъ великой отвлеченной наукой, въ свою очередь способной давать пищу для философіи наукъ.

Истина эта, повидимому, начинаетъ уже зарождаться въ сознаніи любви. Мнѣніе, уподобляющее «нравственное» «соціальному», пробиваетъ себѣ путь съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Мало-по-малу оно проникаетъ въ сознаніе людей путемъ литературы, политики и соціалистической агитаціи. Все болѣе и болѣе тѣсное сравненіе такъ называемыхъ моральныхъ фактовъ съ фактами, носящими названіе соціальныхъ, открываетъ между ними постоянную связь. Въ концѣ концовъ убѣждаются, что имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же родомъ явленій, испытывающихъ непрерывную эволюцію, внутри котораго, однако, съ полнымъ правомъ различаютъ предшествующій, производящій фазисъ (моральная форма) отъ фазиса послѣдующаго, производнаго (соціальной формы).

Правда, я отлично знаю, что, обманутое ложной ясностью здраваго житейскаго смысла, большинство моралистовъ упорно держится за внѣшность явленій. Также хорошо понимаю я и то, что, загипнотизированныя этою блестящей декораціей, этическія школы отказываются видѣть вмѣстѣ съ нами въ общественности новый видъ міровой силы. Онѣ не такъ скоро согласятся дать имя добродѣтели превращенной энергіи, изъ механической или жизненной—ставшей моральной или соціальной, либо назвать мудростью экономію этой самой силы, ея примѣненіе, регулируемое принципомъ наименьшаго сопротивленія; наконецъ, онѣ далеко не сразу

рѣшатся допустить, чтобы *добро* и *зло* были объявлены *истиной* и *заблужденіемъ*, *перенесенными* изъ области познанія фактовъ неорганическихъ или органическихъ въ область познанія надорганическихъ фактовъ.

Но это не важно! Зато извѣстнаго рода удовлетвореніе дастъ намъ тотъ фактъ, что многіе и многіе умы, не заботясь особенно о логическихъ предпосылкахъ, принимаютъ уже большую часть слѣдствій, вытекающихъ изъ новаго понятія морали.

Такъ, напримѣръ, повидимому, замѣчаютъ, что устанавливать причинную связь между соціологическимъ явленіемъ и отвлеченными идеями удовольствія или интереса, значитъ совершать явную логическую ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы зародиться въ нашемъ умѣ и развиваться тамъ, подобныя понятія требуютъ предварительнаго соціальнаго опыта: идеи эти не предшествуютъ альтруистическому явленію, онѣ слѣдуютъ за нимъ, онѣ являются, результатомъ первоначальныхъ фактовъ междупсихическаго соприкосновенія, предполагаютъ нѣкоторую степень симпатіи, единенія, солидарности.

Съ другой стороны, нѣкоторые изъ современныхъ философовъ и соціологовъ отдаютъ уже себѣ отчетъ въ крупной логической ошибкѣ, которая состоитъ въ рѣшительномъ противопоставленіи цѣлесообразности причинности. На ихъ взглядъ, освобожденная отъ искажающихъ натурфилософскихъ и антропоморфическихъ иллюзій, цѣлесообразность вполнѣ вмѣщается въ рамки морали, которую она мало-по-малу превращаетъ въ науку о *волѣ*, этого надорганическаго двигателя, отличнаго отъ простого—неорганическаго или органическаго—механизма.

Одновременно съ этимъ, пробиваютъ себѣ путь новые взгляды на необходимость отдѣленія конкретнаго изученія соціальныхъ явленій отъ ихъ абстрактнаго изученія и на истинный характеръ исторіи, понимаемой, какъ нѣчто въ родѣ соціальной астрономіи или геологіи, какъ дедуктивное познаваніе, какъ общирная психологія расъ, народовъ, классовъ, массъ и въ особенности индивидовъ. Вѣдь наши понятія объ этикѣ, не забудемъ указать на это, тысячами невидимыхъ нитей связаны съ глубоко измѣненнымъ понятіемъ какъ «*индивида*» соціологовъ, такъ равнымъ образомъ и «*я*» психологовъ и философовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подвергнутый отвлеченному анализу или изученный въ конкретной формѣ, методами психологіи и этологіи индивидъ, въ значительной части, остается для нась продуктомъ надорганическихъ процессовъ, протекающихъ внѣ его, въ другихъ индивидахъ. Индивидъ не только «самъ», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и «другой», это—сила, находящаяся въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ другими подобными силами. Поэтому, предполагать, будто коллективное существо, соціальная группа, можетъ стремиться поглотить составляющихъ ее индивидовъ, это значило бы, какъ мнѣ кажется, впадать въ явную нелогичность. Это было бы своего рода *саморазрушеніе*. Поэтому, тѣ общества, которыя хотятъ долгаго и счастливаго существованія, не могутъ уклоняться отъ благородной задачи расширенія свободы, независимости своихъ членовъ и правъ меньшинства, сведеннаго хотя бы даже только къ одному индивиду.

Это расширенное пониманіе роли или значенія «соціальной ячейки», естественно, влечетъ за собою и значительное измѣненіе смысла, который моралисты съ этихъ поръ будутъ придавать древнему противоположенію между эгоизмомъ и духомъ самопожертвованія, состраданія, милосердія.

Великій законъ сохраненія энергіи (представляющій въ мірѣ идей законъ тождества абсолютныхъ противоположностей) раскрываетъ мнимый характеръ контраста, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ показываетъ намъ альтруизмъ, какъ естественный, основной фактъ, корней котораго слѣдуетъ

искать въ мірѣ жизни и дальше еще, въ мірѣ неорганическихъ свойствъ матеріи. Онъ доказываетъ намъ также, что такъ называемыя эгоистическія стремленія составляютъ низшую и начальную форму этого основного факта, форму, которой мы можемъ пользоваться какъ условнымъ пунктомъ сравненія, какъ отправной точкой, сходной съ нулемъ на нашихъ термометрахъ. Онъ разъясняетъ, слѣдовательно, что человѣкъ, влюбленный въ самого себя, любующійся своею жалкою особою до того, что считаетъ ее эквивалентной человѣчеству и природѣ, что такой человѣкъ не что иное, какъ соціальный пережитокъ, носящій на себѣ тотъ же нравственный отпечатокъ, какой характеризовалъ нашихъ предковъ при ихъ выступленіи на историческую сцену. Впрочемъ, контрастъ, о которомъ идетъ рѣчь, вполнѣ соотвѣтствуетъ долгому религіозному и метафизическому періоду, видѣвшему зарожденіе великой антиноміи между Богомъ и міромъ и развившему такія искусственныя противоположности какъ «я» и «не я», субъектъ и объектъ, нуменъ и феноменъ.

Съ другой стороны, взглядъ этотъ, усматривающій въ альтруизмѣ существенную черту, истинный признакъ соціальнаго бытія, способствуетъ исправленію нашихъ идей о многообразныхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, связывающихъ духъ съ матеріей, человѣка съ природой.

Помѣщенный на вершинѣ естественныхъ вещей, человѣческій разумъ, этотъ вѣнецъ вселенной, міровое сознаніе—не долженъ ставить себѣ высшею цѣлью исправлять, преобразовывать, насиловать природу. Человѣкъ долженъ развиваться. Онъ долженъ стараться расширять, увеличивать свою собственную область въ сферѣ нравственности, замѣняя въ ней необходимость, неизвѣстную или непризнанную разумомъ, т. е. случай,—необходимостью, признанною разумомъ, т. е. самимъ разумомъ. Поэтому, онъ будетъ разсматривать природу, какъ продолженіе, какъ безконечное расширеніе границъ своего собственнаго тѣла, и, слѣдовательно, въ своемъ обращеніи съ нею, въ каждомъ, самомъ мелкомъ своемъ актѣ по отношенію къ ней, будетъ сообразоваться съ законами, управляющими низшими существами и даже неорганическимъ міромъ.

Теорія нравственности, обрисованная мною здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, опирается на три широкія соціологическія гипотезы. Провѣрка ихъ производится въ наши дни одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что черезъ какихъ-либо тридцать или пятьдесятъ лѣтъ, т. е. черезъ одно или два поколѣнія, установится опредѣленное отношеніе какъ къ нимъ самимъ, такъ и къ вытекающимъ изъ нихъ положеніямъ, падающимъ или удерживающимся вмѣстѣ съ ними.

Первая изъ этихъ гипотезъ, извѣстная въ соціологической литературѣ подъ именемъ *біосоціальной теоріи*, впрочемъ, уже не такъ нова. Изложенная подробно въ моей *Соціологіи*, она встрѣтила благосклонный пріемъ со стороны нѣкоторыхъ соціологовъ, какъ французскихъ, такъ и иныхъ странъ; изъ французовъ я назову здѣсь лишь извѣстныя имена Фулье, Дюркгейма, Тарда, Изуле.

Вторая это—гипотеза *умственнаго*, или *соціо-психическаго ряда*, т. е., постояннаго, правильнаго порядка послѣдовательности, въ которомъ появляются и развиваются четыре группы основныхъ фактовъ соціологіи, четыре руководящія силы общественной эволюціи: наука, философія или религія, искусство и трудъ или промышленность. Я формулировалъ и защищалъ эту гипотезу въ книгѣ «*Философія Вѣка*» (La philosophie du Siècle).

Наконецъ, третій постулатъ я пытался установить въ уже вышедшихъ въ свѣтъ томахъ моей *Этики*.

Если соціологія хочетъ противостоять захвату ея области низшими

отраслями знанія (а такой захватъ лишилъ бы ее всякой возможности защищаться противъ рискованныхъ метафизическихъ авантюръ), то она должна поступать такъ же, какъ и всѣ остальныя отвлеченныя науки, а именно, признать временную и условную неоспоримость извѣстнаго класса явленій, находимыхъ ею въ основѣ всѣхъ соціальныхъ фактовъ. Нашъ постулатъ состоитъ въ допущеніи, что переходъ отъ міра жизни къ міру идеи сопровождается полнымъ превращеніемъ міровой силы. Какъ отъ матеріальнаго контакта получается химическое явленіе, такъ отъ сближенія и столкновенія психофизическихъ энергій, накопившихся въ умахъ извѣстныхъ высшихъ организмовъ, получается въ результатѣ *коллективный психизмъ*, *альтруизмъ*, необходимый какъ для полнаго расцвѣта сознанія и сложной идеаціи, такъ и для торжества въ человѣческихъ поступкахъ цѣлесообразности, т. е. дѣятельности, управляемой идеальными цѣлями и побужденіями. Такимъ образомъ, сложная идеація и сознательная дѣятельность, положительно или отрицательно, всегда являются альтруистическими, соціальными проявленіями. Когда они положительны, мы ихъ называемъ нравственными или хорошими, а когда они отрицательны—безнравственными или дурными.

Я считаю своимъ необходимымъ долгомъ обратить вниманіе на крайне проблематичный характеръ защищаемыхъ мной общихъ положеній. Но я долженъ ограничиться этимъ краткимъ заявленіемъ. Самое сжатое изложеніе и развитіе постулатовъ, лежащихъ въ основаніи этихъ положеній и служащихъ для нихъ точками опоры, потребовало бы слишкомъ много мѣста. Откажемся поэтому отъ него и поспѣшимъ перейти къ послѣднему пункту нашей программы. За недостаткомъ времени я буду по возможности кратокъ. Впрочемъ, на мой взглядъ, пунктъ этотъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

III.

До сихъ поръ существуетъ еще логическая ошибка, много способствовавшая сначала возникновенію, а затѣмъ и поддержкѣ необыкновенно продолжительнаго господства эмпирическихъ способовъ изслѣдованія. Ошибка эта опирается на тройной глубокій предразсудокъ народныхъ массъ, будто практика опережаетъ теорію, искусство предшествуетъ наукѣ, а трудъ философа подготовляетъ работу ученаго. Странная послѣдовательность, переворачивающая вверхъ дномъ историческій и логическій порядокъ, въ которомъ появлялись главныя составныя части интеллектуальной эволюціи!

Этика должна была испытать участь прочихъ наукъ. И здѣсь долгое время теорія безсознательно была униженной слугой ложныхъ идей толпы, окружающей своимъ уваженіемъ самонадѣянное невѣжество, отвѣчающее на каждый вопросъ, разрѣшающее самыя трудныя проблемы. Доводя свою мысль до конца, я скажу, что традиціонная этика и понынѣ еще коснѣетъ въ этой первоначальной стадіи. Самые горячіе сторонники ея упорно отрицаютъ за моралью всякій теоретическій характеръ и разсматриваютъ ее, какъ прикладную науку. Такому взгляду открыто покровительствуетъ большинство извѣстныхъ англійскихъ школъ, опредѣляя этику, какъ науку, которая учитъ насъ выяснять, почему извѣстные способы поведенія предпочтительны передъ другими.

Оцѣнивать способы жизни (рѣдко, и вполнѣ основательно, прибавляютъ: коллективной) это—очень хорошо, да и то, надо было бы основать эту практическую оцѣнку на какомъ-либо знаніи! Но нѣтъ! предпочитаютъ предлагать міру такую чудовищную нелѣпость, какъ соціальная технологія, политика, предшествующая теоріи обществъ.

Но что это значитъ? Неужели мы должны отказаться отъ непосред-

ственной политической дѣятельности или даже принять мертвую, антисоціальную доктрину славнаго эмпирика, Толстого? Ни въ коемъ случаѣ и ни ни подъ какимъ видомъ. Чтобы избѣжать всякаго недоразумѣнія на этотъ счетъ, я сдѣлалъ въ своемъ послѣднемъ томѣ точное и ясное заявленіе. Вотъ оно:

«Я понимаю соціалистовъ и анархистовъ, занимающихся активной политикой, составляющихъ программы, намѣчающихъ планы будущаго счастія. Они внушаютъ мнѣ симпатію. Они дѣлаютъ свой долгъ, нашъ общій долгъ. Мы не можемъ оставаться со скрещенными на груди руками передъ лицомъ торжествующей неправды, не можемъ съ тупой покорностью допускать эксплоатировать себя управляющей нами шайкѣ мошенниковъ. Съ этой точки зрѣнія, соціалисты и анархисты оказываютъ цѣнную помощь ученому, поддерживая въ немъ вѣру и мужество. Но я отказываю въ своемъ уваженіи тому соціологу, который выше заботъ о о чистой истинѣ поставилъ бы какой-либо честолюбивый замыселъ, хотя бы то касалось всеобщаго и непосредственнаго счастія! Подобные софизмы поработили философію обману. Не позволимъ же имъ осквернить источники моральнаго знанія».

Нравственность, соціальная технологія, зависитъ отъ открытій отвлеченной науки объ обществахъ, по крайней мѣрѣ, въ такой же мѣрѣ, какъ промышленныя примѣненія и прогрессъ гигіены и медицины зависятъ отъ открытій физико-химическихъ наукъ или біологіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если мы въ настоящій моментъ боремся съ безконечно низкимъ уровнемъ нравственности и политическихъ пріемовъ, во всѣхъ областяхъ соціальныхъ фактовъ одновременно. Въ самомъ дѣлѣ, наша семейная или половая нравственность такъ же эмпирична, проникнута произволомъ и мало основана на разумѣ, какъ и наша нравственность въ области экономики, правосудія и управленія. Лучшее доказательство доставляетъ намъ ежедневное и, по истинѣ, ужасное (если хорошенько вдуматься) наблюденіе безсознательной дикости: соціальная терапевтика, искусство устранять случаи проявленія нравственной безпорядочности, порожденной въ индивидахъ явно общими причинами, попрежнему остается искусствомъ наказывать, вторично совершать зло, повторять ошибку или вину уже коллективно, т. е. подло! И кому довѣряемъ мы примѣненіе этого столь сложнаго, труднаго и щекотливаго искусства? Дюжинѣ какихъ-то *добрыхъ гориллъ*, по любимому выраженію Ренана. До сихъ поръ не нашли ничего лучшаго.

Дойдя до такого положенія, цѣлители душъ, безъ сомнѣнія, поступили бы прекрасно, если бы послѣдовали утѣшительному примѣру врачей тѣла. Доведенная до позорнаго банкротства, медицина искала и нашла спасеніе въ чистой физіологіи, въ отвлеченной біологіи, воздвигнутой на прочномъ базисѣ великихъ химическихъ открытій. Наука о жизни показала самымъ ослѣпленнымъ, что она способна и обновить медицинскія теоріи и создастъ способы лѣченія болѣе раціональнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ старыя средства эмпиризма.

Точно также будетъ обстоять дѣло и съ практическимъ примѣненіемъ морали. Подъ угрозой полнаго непосредственнаго банкротства мораль должна будетъ обратиться къ отвлеченной соціологіи, опирающейся на на свой біологическій базисъ, съ просьбой влить свѣжую струю крови въ дряхлыя ученія, въ умирающія правила религіозной метафизической морали. И здѣсь опять-таки убѣдятся люди, что между высшими принципами морали и основными истинами соціологіи существуетъ постоянный, внутренній, необходимый параллелизмъ.

Всѣ наши разногласія, всѣ наши схоластическіе споры связаны именно съ этимъ предстоящимъ измѣненіемъ, съ этимъ неизбѣжнымъ усовершен-

ствованіемъ экспериментальныхъ методовъ. Съ одной стороны, мы наталкиваемся на приверженцевъ старины съ ея рутиною и предразсудками, всосанными съ молокомъ матери: умы эти до того наивны и просты, что, ползая по землѣ, они воображаютъ, будто витаютъ въ небесахъ. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ ихъ противниковъ, мечтающихъ о царствѣ раціональнаго знанія и борящихся противъ нравственнаго застоя, противъ заповѣдей, идей, чувствъ, словомъ,—противъ всего «дурного богатства» здраваго смысла толпы.

Тѣмъ не менѣе, пока мораль будетъ оставаться смутнымъ исканіемъ эмпирическихъ законовъ коллективной жизни, до тѣхъ поръ мы будемъ не въ правѣ ставить политикѣ въ упрекъ ея непостоянство и отсутствіе принциповъ. Въ сущности, она такъ же иморальна, какъ и сама мораль. Говорить, что человѣкъ есть средство для политики и въ то же время цѣль для морали, это значитъ проводить напрасное, безцѣльное различіе. Политика и мораль преслѣдуютъ одну и ту же цѣль.

Наступитъ время, когда мораль, освобожденная отъ метафизическаго мусора и преобразованная въ точную науку, будетъ управлять міромъ человѣческихъ обществъ съ помощью политики, основанной на двухъ великихъ факторахъ прикладного знанія: философіи и искусствѣ. До тѣхъ поръ мы можемъ вдумываться въ смыслъ поученія, заключающагося въ слѣдующихъ словахъ Тэна: «Будемъ жить наукой. Наши дѣти, быть можетъ, будутъ счастливѣе насъ и обладать обоими благами вмѣстѣ: наукой и свободой... Нужно ждать, работать, писать. Только мы одни какъ говорилъ Сократъ, занимаемся, истинной политикой, ибо политика это—наука. Остальные—лишь приказчики и темные дѣльцы».

XI.

Индивидуальная и соціальная мораль.

Р. Малапертъ, проф. философіи въ Лицеѣ Людовика Великаго.

Строгое разграниченіе и въ особенности формальное противопоставленіе индивидуальной нравственности—нравственности соціальной можетъ быть, конечно, лишь результатомъ абстракціи. Неоднократно отмѣчались уже тѣ безконечно сложныя и въ высшей степени тѣсныя отношенія, которыя, связывая индивида съ соціальной средой, въ которую онъ входитъ какъ составная часть, вліяютъ на жизнь, ведутъ къ тому, что жизнь въ своей конкретной реальности является результатомъ взаимодѣйствія дѣятельности каждаго и дѣятельности всѣхъ. Эта солидарность также несомнѣнна съ моральной точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія экономической; такимъ образомъ, индивидуальная нравственность находится въ зависимости отъ коллективной нравственности, а эта послѣдняя въ свою очередь отражаетъ въ себѣ первую; точно такъ же, каждый личный долгъ въ конечномъ счетѣ, оказывается, имѣетъ соціальный смыслъ и соціальное значеніе, а всякая чисто соціальная обязанность принимаетъ форму обязанности по отношенію къ самому себѣ. Однако, эта абстракція полезна и законна не только какъ пріемъ умозрительнаго опредѣленія этихъ двухъ сферъ моральной жизни, но и потому, что она отвѣчаетъ весьма реальнымъ, вполнѣ конкретнымъ фактамъ. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, возможны конфликты между долгомъ личнымъ и общественнымъ, а кромѣ того, по моему, весьма важно знать, какой изъ нихъ, личный долгъ или общественный въ самомъ широкомъ смыслѣ, можно теоретически свести къ другому, и, практически, который изъ нихъ опирается на другой и вытекаетъ изъ него. На этотъ предметъ существуютъ два противоположныхъ взгляда, между которыми каждый долженъ добровольно выбирать,

или, вѣрнѣе, между которыми мы колеблемся смотря по обстоятельствамъ; необходимо оцѣнить по возможности точнѣе цѣнность каждаго изъ нихъ и его выводы. Для этого прежде всего необходимо опредѣлить точно самое содержаніе вопроса; мнѣ кажется, что лучше всего мы поступаемъ, если почерпаемъ изъ исторіи конкретное и живое выраженіе какъ того, такъ и другого ученія.

I.

Античный міръ даетъ намъ образцовый примѣръ абсолютнаго подчиненія личности обществу. Я заимствую у Фюстель-де-Куланжа изложеніе этого простого и содержательнаго анализа: «Человѣкъ не имѣлъ въ себѣ, пишетъ онъ, ничего независимаго. Тѣло его принадлежало государству и предназначалось для его защиты... Его имущество всегда находилось въ распоряженіи государства... Частная жизнь также не ускользала отъ его всемогущества. Аѳинскій законъ, во имя религіи, запрещалъ мужчинѣ оставаться холостымъ. Спартанцы карали не только того, кто вовсе не женился, но даже того, кто женился поздно... Государство имѣло право требовать, чтобы его граждане не были ни больными, ни уродливыми. Вслѣдствіе этого, оно приказывало отцу убивать такого ребенка... Въ Спартѣ отецъ былъ лишенъ всякаго права на воспитаніе своихъ дѣтей, и Платонъ указываетъ мотивы этого закона: родители не должны быть свободны посылать или не посылать своихъ дѣтей къ учителямъ, избраннымъ городомъ; ибо дѣти не столько принадлежатъ своимъ родителямъ, сколько городу... Государство считало, что каждый гражданинъ физически и духовно принадлежалъ ему; поэтому, оно старалось давать своимъ гражданамъ такое физическое и духовное воспитаніе, чтобы извлечь изъ него какъ можно больше пользы. Свобода мысли по отношенію къ религіи города была совершенно неизвѣстна древнимъ... Государство имѣло не только право суда надъ гражданами. Оно могло карать безъ вины, только потому, что затрагивались его интересы... Думали, что право, справедливость, нравственность, все должно было уступать передъ интересами родины *). Не ясно ли, что въ подобной общинѣ человѣкъ, естественно, долженъ былъ считать высшимъ, единственнымъ долгомъ провозглашенное Сократомъ безусловное подчиненіе закону, этому самодержавному владыкѣ общины? Развѣ гражданинъ не превратится здѣсь въ одну изъ пружинъ государственной машины, въ одну изъ клѣтокъ единаго организма? Развѣ его собственная добродѣтель не будетъ состоять въ томъ, чтобы содѣйствовать благополучію государства, его богатству, могуществу и славѣ? Развѣ индивидуальная нравственность не попадетъ въ полное подчиненіе этому соціальному долгу, не поглотится имъ, не станетъ простымъ средствомъ для этой цѣли?

Полную противоположность такому воззрѣнію я вижу въ нравственномъ идеалѣ среднихъ вѣковъ. Совершенство христіанской жизни, святость такъ, какъ она понималась тогда, это—внутренняя чистота, покаяніе, смиреніе, побѣда надъ желаніями и страстями, борьба съ плотью. Великая, единственная цѣль—это спасеніе, а спасеніе, которое достигается подражаніемъ дѣламъ Іисуса Христа, по существу своему дѣло личное. Конечная цѣль нравственной дѣятельности находится за предѣлами этого міра, и для того, кто мечтаетъ только о томъ, чтобы обезпечить себѣ мѣсто въ божественномъ царствѣ, много ли значатъ мірскіе интересы, соціальная жизнь, человѣческое общество? Безъ сомнѣнія, дѣло внутренняго совершенствованія, самоочищенія можетъ выполняться и въ мірѣ; но оно

*) Fustel de Coulanges. La cité Antique, стр. 262. (Сущ. русскій переводъ: Фюстель-де-Куланжъ: (Древняя община).

гораздо вѣрнѣе осуществляется въ монастырѣ, въ тиши котораго оно только и можетъ быть доведено до конца. А законъ монастыря—это безбрачіе, законъ безусловно антисоціальный. Совершенная жизнь—это жизнь аскетическая, монашеская, жизнь въ уединеніи. Въ крайнемъ случаѣ, если абсолютное одиночество неосуществимо, если человѣкъ не можетъ и не долженъ забывать великаго изреченія: *Vae soli*! (Горе одинокому), единственное общество, примиримое съ подобнымъ нравственнымъ идеаломъ,—это религіозная монастырская община. При подобномъ воззрѣніи развѣ соціальной жизни не грозитъ опасность уничтоженія, опасность быть всецѣло принесенной въ жертву внутренней жизни, и развѣ принципъ всякой добродѣтели не состоитъ въ разрывѣ съ міромъ, въ смерти для общества?

Будь у меня время, мнѣ было бы не трудно дать читателю краткій историческій обзоръ всѣхъ фазисовъ вѣковой борьбы между этими двумя противоположными ученіями въ сферѣ моральныхъ и соціальныхъ философскихъ теорій. Я могъ бы разсказать, напримѣръ, какъ философія XVIII вѣка въ ея цѣломъ явилась реакціей противъ нравственности среднихъ вѣковъ и привела къ такому выводу: внутренняя жизнь—ничто, соціальная жизнь — все. «Чтобы снова возвести въ почетъ соціальную мораль, философы XVIII в. дѣйствуютъ смѣло. Католицизмъ подавлялъ природу; они вступаютъ въ союзъ съ природой противъ католицизма: они открываютъ доступъ въ міръ проявленіямъ разума и страстей. Это первое пробужденіе природы было страшно: оно сокрушаетъ догму, расшатываетъ вѣру въ существованіе Бога, разрушаетъ церкви и монастыри, клеймитъ цѣломудріе, какъ нечестивую борьбу, какъ кражу по отношенію къ человѣческому роду... Съ внутренней жизнью было кончено. Но на развалинахъ этихъ подымается соціальная добродѣтель; повсюду слышно только одно изреченіе: позоръ и горе эгоизму; дѣти одной великой человѣческой семьи, будемъ помогать другъ другу; будемъ добрыми, благодѣтельными, будемъ считать счастіемъ создавать счастье всѣхъ... Я не буду уже стараться быть воздержаннымъ, но я буду стараться въ каждый моментъ быть Деціемъ, Винцентомъ Павломъ; я освобождаюсь отъ бремени долга и перехожу къ режиму героизма» *). Говоря такъ, я нисколько не иронизирую; это была необходимая реакція, выводившая на свѣтъ важную сторону моральной проблемы, систематически державшуюся въ тѣни. Но я хотѣлъ отмѣтить, что какъ всякая реакція она могла зайти слишкомъ далеко. И я могъ бы показать, что Кантъ въ свою очередь долженъ былъ съ большей силой, чѣмъ это дѣлалось до него, напомнить человѣческой совѣсти идеи, которымъ грозила опасность забвенія. Я знаю, конечно, какія различія отдѣляютъ кантіанскую мораль отъ морали католицизма, упомянутой мною выше. И все-таки, съ той точки зрѣнія, на которой я стою, я считаю себя вправѣ, не ища доказательствъ ни въ опредѣленіи вліяній, подъ которыми находилась мысль Канта, ни въ самомъ изученіи его системы, разсматривать произведенную имъ революцію, какъ возвратъ къ христіанскому идеалу. Точно такъ же, я могъ бы отнести къ XVIII вѣку тенденціи современныхъ соціологовъ, которые говорятъ намъ: «Императивъ совѣсти готовъ принять слѣдующую форму: будь способенъ съ пользой отправлять опредѣленную функцію»; принимая во вниманіе, что подъ опредѣленной функціей здѣсь понимается функція экономическая и соціальная, это значитъ, что нравственность индивида измѣняется его соціальной полезностью; что только тѣ добродѣтели, которыя полезны для коллективности, достойны уваженія и заслуживаютъ имя добродѣтелей; что подобно

*) Bersot. Essais de Philosophie et de morale, т. I, стр. 416—420.

тому, какъ соціальная совѣсть обнимаетъ и поглащаетъ индивидуальную совѣсть, такъ и соціальная дѣятельность должна подчинить себѣ дѣятельность личную; что долгъ состоитъ для каждаго главнымъ образомъ въ болѣе точномъ и въ болѣе полномъ приспособленіи къ необходимостямъ соціальной жизни, которая такимъ образомъ становится образцомъ, которому должна слѣдовать индивидуальная жизнь, цѣлью, которой она должна быть подчинена и изъ которой она черпаетъ все свое значеніе.

Возможно, что, стараясь представить читателю этотъ контрастъ возможно нагляднѣе, я преувеличилъ его. Противоположность все-таки остается глубокой, и нужно признать, что къ ней приходятъ всѣ борющіяся воззрѣнія, между которыми распредѣляются политическія и соціальныя теоріи и тенденціи всѣхъ временъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что съ этого момента мы легче можемъ опредѣлить смыслъ выраженій: индивидуальная мораль и соціальная мораль, и точно поставить проблему, подлежащую нашему обсужденію.

Анализируя самого себя въ отдѣльности, задаваясь вопросомъ о своей природѣ, о своихъ способностяхъ, потребностяхъ, идеалахъ, о своемъ назначеніи, о пути, по которому слѣдуетъ направить свою дѣятельность, о направленіи, которое лучше всего придать своему поведенію, — человѣкъ сознаетъ обязанность преслѣдовать самостоятельно извѣстныя цѣли, въ опредѣленіе которыхъ не входитъ въ видѣ составляющаго и существеннаго элемента наличность другихъ индивидовъ, которые болѣе или менѣе тѣсно сгруппированы между собою и съ которымъ онъ былъ бы связанъ тѣсными узами. Съ этого момента индивидуальный долгъ становится обязанностью осуществить въ самомъ себѣ извѣстный идеалъ человѣческаго существованія, разсматриваемаго отдѣльно, личное *благосостояніе*, въ какой бы формѣ мы его себѣ ни представляли.

Съ другой стороны, человѣческіе индивиды уже по одному тому, что они объединены въ общество, подчинены общимъ необходимостямъ, управляются общими экономическими, юридическими, историческими законами, быстро должны разбираться во всей совокупности идей, чувствъ и тенденцій, которыя не просто общи, такъ какъ встрѣчаются во всѣхъ индивидуальныхъ сознаніяхъ, но и по существу своему общественны, такъ какъ представляютъ собою соціальныя дѣйствія и противодѣйствія. Въ то же время открывается передъ ними идея соціальнаго поведенія, представляющаго собою не только сумму индивидуальныхъ поведеній, идея соціальной судьбы, также представляющей нѣчто иное, чѣмъ совокупность индивидуальныхъ судебъ, и, наконецъ, идея соціальнаго, коллективнаго *благосостоянія* (какъ бы мы его себѣ, впрочемъ, ни представляли); это послѣднее отличается отъ индивидуальнаго блага, во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что его осуществленіе возможно лишь при помощи ассоціацій, кооперации (сотрудничества) всѣхъ, во-вторыхъ, въ томъ отношеніи, что оно является благомъ не только для каждаго отдѣльнаго индивида, благомъ, къ которому каждый долженъ стремиться и въ отдѣльности и самостоятельно, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ благо всей цѣлокупности, коллективности, цѣль того федеративнаго существа, которое называется обществомъ. Послѣ этого, соціальный долгъ пріобрѣтаетъ значеніе усилія, направленнаго къ достиженію этой цѣли; и разъ понятый, этотъ долгъ превращается въ личную обязанность; сообразоваться съ нею и посвящать себя ей становится долгомъ, какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и по отношенію къ обществу.

Установивъ это, легко увидѣть, въ чемъ состоитъ трудность. Спѣшу замѣтить, что въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы всецѣло пожертвовать одной изъ этихъ двухъ сферъ нравственности ради

другой, чтобы проповѣдывать человѣку бѣгство отъ морали или отъ общества. Я не буду стараться показать, въ какомъ отношеніи та или другая гипотеза привела бы къ неосуществимому, нелѣпому и преступному коверканію человѣка и жизни. Я хочу только сказать, что рѣшенія проблемы нельзя искать въ томъ или иномъ компромиссѣ, пытающемся отвести особое мѣсто каждому изъ обоихъ принциповъ, предоставляя одному изъ нихъ господствующее положеніе до извѣстнаго предѣла, за которымъ авторитетъ долженъ перейти ко второму, обращаясь то къ одному, то къ другому, чтобы разрѣшить кажущіеся конфликты и успокоить дѣйствительныя и подчасъ мучительныя сомнѣнія. Мнѣ кажется, что необходимо принять на этотъ счетъ одно какое-либо опредѣленное мнѣніе, необходимо безповоротно подчинить одинъ долгъ другому и объявить, что одинъ изъ нихъ теоретически и практически опирается на другой, я хочу сказать этимъ, что одинъ изъ нихъ долженъ быть образцомъ, который нужно опредѣлить умозрительно съ самаго начала, чтобы затѣмъ составлять себѣ по этому образцу понятіе о второмъ, и что практически одинъ изъ нихъ также служитъ необходимой основой для осуществленія второго, настоящимъ фокусомъ нравственной дѣятельности, изъ котораго исходятъ лучи послѣдней.

На этотъ двойной вопросъ я отвѣчаю: соціальный долгъ не представляетъ и не можетъ представлять ничего другого, какъ распространеніе индивидуальнаго долга; но я прибавляю: онъ служитъ и долженъ служить его необходимымъ распространеніемъ.

II.

Чтобы доказать это положеніе, потребовалось бы слишкомъ много времени и мѣста, поэтому я ограничусь только общими указаніями.

Замѣтимъ прежде всего, что основывать индивидуальную нравственность на соціальной, это значитъ создавать себѣ обязанность объяснять долгъ человѣка въ обществѣ или скорѣе по отношенію къ обществу, не опираясь ни на какую предпосылку обязанности по отношенію къ самому себѣ. А при такихъ условіяхъ можетъ ли быть разговоръ о чемъ-либо другомъ, кромѣ соціальной *пользы*, которая можетъ показаться желательной на дѣлѣ, можетъ требоваться силой, но не можетъ быть нравственно обязательной? Какъ могу я сознавать какую-либо обязанность по отношенію къ другому, если я не сознаю обязанности по отношенію къ самому себѣ? Могу ли я считать цѣлью моей дѣятельности, объектомъ моего уваженія кого-либо изъ своихъ ближнихъ или ту или иную группу индивидовъ, болѣе или менѣе широкую коллективность, къ которой я принадлежу, все человѣчество, если я вижу въ себѣ самомъ лишь средство, не имѣющее другой цѣнности, кромѣ экономической полезности, не обладающее само по себѣ никакимъ достоинствомъ, и если я въ своихъ собственныхъ глазахъ не заслуживаю уваженія? Могу ли я быть обязаннымъ содѣйствовать совершенствованію другихъ людей, если я не чувствую себя обязаннымъ работать надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ? Гдѣ съ самаго начала не возникаетъ идея личнаго нравственнаго долга, тамъ вполнѣ возможна экономическая солидарность, соглашеніе для обороны, сотрудничество ради выгоды, сплоченіе человѣческаго стада предъ лицомъ опасности, но тамъ нѣтъ нравственной солидарности, нѣтъ коллективнаго нравственнаго блага, нѣтъ человѣческаго общества въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Не исходя изъ понятія долга по отношенію къ самому себѣ, можно понять соціальное поведеніе, но не соціальную нравственность, и никогда не удастся вывести изъ общей пользы понятіе чисто нравственной личной обязанности. И дѣйствительно, всякая этика, имѣющая такой соціологическій характеръ, по существу своему утилитарна и натуралистична.

Но это не все: не трудно показать, что, въ конечномъ счетѣ, всякое понятіе соціальнаго блага, идеалистическое или утилитаристическое, опирается на предварительное понятіе индивидуальнаго блага, опять-таки идеалистическое или утилитаристическое.

Здѣсь я снова долженъ ограничиться двумя или тремя безусловно неполными указаніями, просто въ видѣ примѣровъ. Сократъ, сказалъ я, провозглашаетъ необходимость повиновенія закону и проповѣдуетъ безусловное уваженіе къ нему, которое въ иныхъ случаяхъ насъ удивляетъ,—въ частности, когда онъ примѣняетъ этотъ принципъ въ такой области, которая, повидимому, составляетъ дѣло исключительно индивидуальной совѣсти, въ области религіи. Но не забудемъ, что само это уваженіе къ закону опирается на основной для каждаго долгъ уваженія справедливости, предписываемой божественнымъ закономъ. А вотъ политика Платона и Аристотеля, этихъ греческихъ гражданъ, старающихся укрѣпить духъ общины, стремится къ тому, чтобы община окончательно поглотила индивида. И все-таки ихъ соціальная мораль есть не что иное, какъ распространеніе, расширеніе, обобщеніе ихъ индивидуальной морали. Подобно тому, какъ психологія государства, у Платона, составляетъ копію съ психологіи индивида, такъ и его теорія соціальной справедливости въ сущности воспроизводитъ лишь его теорію индивидуальной справедливости: гармонія, единство государства понимается имъ на подобіе единства и гармоніи въ индивидѣ. Для Аристотеля, государство—это совокупность средствъ, наиболѣе подходящихъ для того, чтобы вести индивидовъ къ ихъ цѣли, которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ ихъ благо, ихъ добродѣтель; роль государства въ томъ, чтобы сдѣлать гражданъ добродѣтельными. Наконецъ, если смотрѣть на вещи выше и спросить себя, что составляетъ нравственное величіе и красоту этихъ теорій, то мы сейчасъ же замѣтимъ, что онѣ кроются въ той идеѣ, что человѣкъ, какъ таковой, имѣетъ свою судьбу, свою цѣнность, что съ этихъ поръ онъ заслуживаетъ обращенія съ собой, какъ съ человѣкомъ, что человѣчество, однимъ словомъ, является предметомъ всеобщаго уваженія. Правда, они ограничиваютъ человѣчество предѣлами Греціи, но если принять во вниманіе, что до нихъ оно ограничивалось Спартой или Аѳинами, то ихъ эллинизмъ, какъ это было замѣчено *), покажется намъ первымъ шагомъ за предѣлы общины, предвѣстниками стоическаго ученія, которое замѣщаетъ общину міромъ и въ Аѳинахъ, въ самой Греціи, признаетъ всемірную республику умовъ, провозглашая достоинство человѣка, какъ существа, одареннаго разумомъ и волей.

Другой примѣръ: наши современные теоретики соціализма и коллективизма охотно признаютъ, что цѣль—это личность; соціальной дѣятельности ставится та же цѣль, какая прежде ставились самому человѣку, это—счастье и свобода.

«Человѣческая цѣль, пишетъ одинъ изъ нихъ, въ дѣйствительности индивидуальна... (цѣль эта состоитъ въ самомъ полномъ удовлетвореніи наибольшаго числа потребностей для возможно большаго числа людей). Естественная, удобная замѣна индивидуальнаго средства соціальнымъ, даже создавая временную соціальную цѣль, не затрагиваетъ, въ концѣ концовъ, реальности индивидуальной цѣли, которая остается той конечной цѣлью, которую мы всѣ преслѣдуемъ... Если мы исповѣдуемъ соціализмъ, то не какъ цѣль, но какъ лучшее средство для того, чтобы обезпечить каждому индивиду осуществимый максимумъ развитія, и осуществить такимъ образомъ, путемъ обобщенія индивидуальныхъ удовлетворенностей,

*) I. Denis: Histoire des théories morales dans l'antiquité.

благо человѣческаго рода *)». Другой выразился недавно въ подобныхъ же словахъ, хотя и совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: «Соціализмъ—это высшее утвержденіе права личности... Нѣтъ ничего, что было бы выше индивида... Соціалисты хотятъ сдѣлать человѣческую культуру всеобщей. Каждое установленіе они оцѣниваютъ по отношенію человѣческой личности. Съ этихъ поръ идеи и учрежденія получаютъ свою цѣнность и жизнь отъ этой личности, заявляющей свою волю къ освобожденію, къ жизни и величію. Человѣческая личность—вотъ мѣрило всѣхъ вещей, отечества, семьи, собственности, человѣчества и божества. Вотъ логика революціонной идеи. Вотъ что такое «соціализмъ **)».

Заключенія, къ которымъ мы, такимъ образомъ, пришли, могли бы быть подтверждены исторіей развитія цивилизацій, исторіей прогресса юридическихъ установленій.—Эволюція обществъ совершается въ направленіи непрерывнаго возрастанія роли индивида, его независимости, и болѣе полнаго обезпеченія большаго числа личныхъ правъ.—Принципомъ, подъ вліяніемъ котораго преобразовывается положительное право (юридическое выраженіе соціальнаго долга), служитъ, какъ это твердо установилъ Сюмнеръ-Мэнъ въ своемъ замѣчательномъ очеркѣ о древнемъ правѣ, теорія естественнаго права, теорія не имѣющая историческаго фундамента, но имѣющая большую философскую цѣнность и практическую полезность. Эта идея неотъемлимаго отъ человѣка идеальнаго права, это утвержденіе нравственной неприкосновенности человѣческой личности, это отожествленіе моральныхъ личностей, иными словами, это провозглашеніе ихъ равенства вотъ настоящій двигатель юридической эволюціи; и прогрессъ законодательства измѣряется усиліями, сдѣланными для того, чтобы приспособить соціальное состояніе къ этому нравственному идеалу.—Точно также всякая устойчивая и упорядоченная соціальная организація основывается на взаимныхъ обѣщаніяхъ и ожиданіяхъ, на обязанности каждаго исполнять свои явныя или подразумѣваемыя обязательства, и на правѣ гордиться благоволеніемъ другого. Оправданное довѣріе, замѣчаетъ далѣе Сюмнеръ Мэнъ, вотъ идеалъ всякаго общества; и возникновеніе положительныхъ договоровъ, выражающихъ это предписаніе раціональнаго права, составляетъ одно изъ самыхъ медленныхъ завоеваній прогрессирующаго общества.

III.

Таковы, въ краткихъ чертахъ, нѣкоторыя изъ основаній, которыя заставляютъ меня думать, что соціальная мораль логически можетъ опираться только на индивидуальную мораль. Но я сказалъ, что самый принципъ индивидуальной морали долженъ естественно и неизбѣжно расширяться до такихъ предѣловъ, чтобы стать основой соціальной морали. Надъ индивидомъ, нельзя забывать этого, имѣется общественная группа и весь человѣческій родъ; слѣдовательно, въ понятіе индивидуальнаго нравственнаго совершенства нужно ввести не только идею настоящаго общества и отечества, но, кромѣ того, согласно выраженію Канта, «нужно имѣть въ виду перспективу лучшаго и болѣе счастливаго будущаго человѣчества». Дѣло индивидуальнаго преобразованія должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ дѣломъ преобразованія общественнаго. Вотъ почему я заключаю вмѣстѣ съ Кантомъ, что единственный принципъ, способный служить основаніемъ для всей нравственности и удовлетворять только что указанному мною необходимоту условію, это—принципъ человѣческаго достоинства. Вотъ почему я все-таки вполнѣ и твердо убѣжденъ, что истинная цѣль всей нравствен-

---

*) Dr A. Vazeilles: La question sociale est une question de mèthode; стр. 23

**) J. Jaurès. Revue de Paris, 1 декабря 1898 г.

ной дѣятельности, близкая и отдаленная цѣль всякаго стремленія къ лучшему, что основной принципъ всякаго человѣческаго воспитанія это—развитіе личности.

Но тутъ встаетъ важное возраженіе: дѣлать изъ развитія личности базисъ нравственности, цѣль воспитанія, не значитъ ли это изолировать человѣка, замыкать его въ самомъ себѣ, разрывать связи, соединяющія его съ коллективностью, и компрометировать соціальную жизнь? Такое возраженіе дѣйствительно дѣлалось: «По мѣрѣ того, какъ всѣ прочіе вѣрованія и обряды все болѣе и болѣе теряютъ религіозный характеръ, личность становится предметомъ особаго рода религіи. У насъ существуетъ культъ личнаго достоинства, который, какъ и всякій сильный культъ, имѣетъ уже свои предразсудки. Это, если угодно, дѣйствительно общая вѣра; но, во-первыхъ, она возможна лишь благодаря разрушенію другихъ и, слѣдовательно, не могла бы имѣть тѣхъ же результатовъ, какъ все это множество угасшихъ вѣрованій. Возмѣщенія нѣтъ. Кромѣ того, если она общая, по скольку она распространяется благодаря общественности, то она индивидуальна по своему объекту. Если она направляетъ всѣ силы къ одной и той же цѣли, то цѣль эта не соціальна. Такимъ образомъ, она занимаетъ совершенно исключительное мѣсто въ коллективномъ сознаніи. Всю свою силу она черпаетъ изъ общества, но привязываетъ она насъ не къ обществу, а къ намъ самимъ. Слѣдовательно, она не составляетъ настоящей соціальной связи. Вотъ почему теоретикамъ, взявшимъ это чувство за исключительную основу своего моральнаго ученія, вполнѣ справедливо можно было ставить упрекъ, что они разрушаютъ общество *)».

Противъ подобныхъ заявленій, по моему, нужно протестовать со всей энергіей. Что, въ самомъ дѣлѣ, лежитъ въ основѣ индивидуальной морали какъ я ее только что изложилъ? Что значитъ развивать свою личность, какъ не жить самой полной жизнью, стремясь къ самому полному осуществленію своего, бытія и приближаясь какъ можно сильнѣе къ идеалу своей собственной природы? А жить дѣйствительно это значитъ создавать себя самого, побѣждать случайности обстоятельствъ, среды и страстей; это значитъ бороться противъ разбросанности, противорѣчивости и разложенія, которыя вноситъ въ насъ подвижная и капризная измѣнчивость нашихъ желаній и эфемерная сложность событій. Жизнь—это вѣчное самоутвержденіе; это—стремленіе сохранять свое существо, или, вѣрнѣе, содѣйствовать развитію и расцвѣту возможностей своего существа подъ властью внутренняго единства. И когда къ этому усилію присоединяется размышленіе, тогда обнаруживаются заодно свобода и нравственность. Въ самомъ дѣлѣ, существо можетъ пріобрѣсти власть надъ внушеніями, старающимися оказать на него свое вліяніе; разнообразія своихъ стремленій, своихъ инстинктовъ, болѣе или менѣе сильныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ побужденій оно можетъ подчинить дисциплинѣ сильной, всегда вѣрной себѣ воли. Жить, слѣдовательно, это значитъ возвышаться къ свободѣ.

И нельзя назвать дѣйствительно свободнымъ того, кто отдаваясь на волю обстоятельствъ, представляетъ собою лишь маріонетку, движеніями которой управляетъ случай или тѣ, кто болѣе ловокъ. Нельзя считать свободнымъ того, кто пассивно воспринимаетъ уже готовыя, то есть, мертвыя убѣжденія, кто становится рабомъ партіи или фракціи, слѣпымъ и безсознательнымъ оружіемъ дѣятельности, которой онъ не желалъ и не понялъ. Не свободенъ тотъ, кто не зависитъ только отъ своей собственной мысли и своей собственной совѣсти, кто вѣчно скользитъ по поверхности своего «я», такъ какъ у него нѣтъ глубины, онъ не

*) Durkheim: De la divison du Travail social, стр. 187.

можетъ уйти въ самого себя, чтобы возсоздать свое интимное существо. Напротивъ, тотъ, кто берется за это дѣло, этимъ самымъ возвышается къ нравственной жизни; такъ какъ онъ не можетъ не чувствовать безграничнаго уваженія къ той самой личности, къ достоинству которой онъ возвышался, къ той самой живой и жизненной свободѣ, которая составляетъ его завоеваніе и награду; и это уваженіе предохраняетъ его отъ всякаго паденія и придаетъ, наконецъ, его жизни и усиліямъ смыслъ, значеніе, неизмѣримую цѣнность.

Понимаемая такъ нравственная личность представляетъ ли собою, слѣдовательно, эгоистическій индивидуализмъ? скорѣе, не наоборотъ ли какъ разъ? Развѣ пріучать человѣка смотрѣть на себя какъ на «самодовлѣющую цѣль» значитъ приглашать его принимать себя за единственную цѣль своей дѣятельности? Именно потому, что личность есть сознаніе того, что такое человѣкъ, чего онъ стоитъ, что онъ долженъ—не служитъ ли оно яркимъ образомъ его солидарности съ цѣлымъ, занимаемаго имъ тамъ мѣста, роли, которую надлежитъ ему тамъ играть? Въ то время какъ индивидуализмъ есть ограниченіе существа тѣсными рамками самого себя, личность означаетъ распространеніе существа вокругъ себя и стремленіе стать центромъ, откуда исходятъ всѣ лучи. Осуществляя въ себѣ порядокъ и единство, замѣняя нестройную, мимолетную и случайнную игру побужденій гармоніей стремленій подъ господствомъ воли, зависящей отъ неизмѣннаго принципа, мы неизбѣжно должны приходить къ тому, чтобы желать такой же гармоніи и единства и внѣ себя. Эволюціонируя, наше «я» расширяется и старается охватить общество, человѣчество, весь міръ. Чтобы быть дѣйствительно собой не нужно вовсе ревниво запираться въ самомъ себѣ; обрѣтать себя это значитъ вновь обрѣтать себя въ другомъ, слѣдовательно, отдавать себя.

Признавая себя эфермернымъ образчикомъ того человѣчества, цѣнность котораго онъ понялъ, индивидъ сливается сердцемъ и волей со всѣмъ человѣчествомъ въ его цѣломъ; его, а не себя, любитъ онъ и ему желаетъ служить. Сосредоточиваться—это значитъ, слѣдовательно, дѣйствительно распространяться, такъ какъ это значитъ понимать личность въ ея сущности, то есть, какъ неразрывный союзъ индивида съ человѣчествомъ.

Духъ самопожертвованія также необходимо составляетъ часть этой высшей личности. Но самопожертвованіе это пріобрѣтаетъ всю свою моральную и соціальную цѣнность именно потому, что оно вытекаетъ изъ того убѣжденія, что человѣкъ священенъ. Только уваженіе къ себѣ можетъ породить уваженіе къ другому; оно составляетъ принципъ всякой совершенной справедливости, которая отожествляется со всякимъ истиннымъ милосердіемъ: только такимъ путемъ перестаетъ человѣчество быть чисто экономическимъ, чтобы стать моральнымъ и соціальнымъ.

IV.

Практическая точка зрѣнія здѣсь точно совпадаетъ съ точкой зрѣнія теоретической. Прогресса нужно ожидать вовсе не отъ внѣшняго болѣе сложнаго и болѣе остроумнаго механизма и не отъ болѣе тщательнаго матеріальнаго перераспредѣленія соціальныхъ молекулъ. Снаружи, быть можетъ, и возможно осуществить равновѣсіе интересовъ и силъ; оно хотя и не безполезно, но оно можетъ только замаскировывать, а не удалять противоположности, противорѣчія и столкновенія. Система ограничительныхъ правилъ, способна подавить вредную дѣятельность, но не въ состояніи вызвать въ жизни дѣятельность плодотворную и благодѣтельную. «Соціальная жизнь—это моральная жизнь».... Подобно тому, какъ единство индивидуальной жизни есть лишь гармонія между многочисленными

жизнями, которыя всѣ стремятся къ выраженію повелѣвающей ими и отражающей ихъ свободной воли, такъ точно и единство соціальной жизни не можетъ быль результатомъ внѣшняго принужденія, оно, дѣйствительно, имѣетъ цѣну лишь тогда, когда оно представляетъ собою моральное единеніе, естественное согласіе между индивидами, въ пониманіи и хотѣніи идеала, который, представъ предъ разумомъ всѣхъ, осуществляется ихъ свободнымъ согласіемъ и свободной инициативой *)».

Исправленія злоупотребленій чрезмѣрнаго индивидуализма, который вытекаетъ изъ несовершеннаго пониманія свободы, нужно искать въ самой свободѣ, болѣе полной и лучше понятой.

Только становясь на эту точку зрѣнія, предохраняемъ мы себя отъ теоріи, которая разсматриваетъ соціальное движеніе, «какъ сцѣпленіе, подчиненное законамъ, которые не только не зависятъ отъ воли, сознанія и намѣреній человѣка, но которые, напротивъ, сами опредѣляютъ его волю, сознаніе и его намѣренія**)». Ученіе это чрезвычайно опасно, ибо тотъ, кто не убѣжденъ, что вмѣшательство человѣческой дѣятельности замедляетъ или ускоряетъ соціальную эволюцію, сворачиваетъ ее съ опредѣленныхъ путей и увлекаетъ на другой, тотъ, повторяемъ, осуждаетъ себя на созерцаніе, которое, хотя и мучительно, но тѣмъ не менѣе безплодно. Чтобы имѣть смѣлость приступить къ дѣлу, нужно имѣть въ себѣ предварительно вѣру въ то, что оно зависитъ отъ насъ, и что *каждый въ извѣстной степени есть кузнецъ будущаго.* Но дѣятельность должна начинаться изнутри. Самое краткое и вѣрное, единственное средство всякаго соціальнаго преобразованія это—постоянная и настойчивая забота о преобразованіи личномъ.

Такимъ образомъ, источникъ соціальной нравственности лежитъ въ нравственности индивидуальной; источникъ жизни, по выраженію стоиковъ, это склонность желать, это—сокровищница идей и чувствъ, которая одна только и укрѣпляетъ, очищаетъ и возвышаетъ внутреннее размышленіе. Я убѣжденъ, что мудрецъ—не тотъ, кто замыкается—хотя бы вслѣдствіе душевнаго величія—въ смиренномъ или гордомъ одиночествѣ. Я признаю большія заслуги внѣшняго дѣйствія и знаю, какъ неосторожно было бы обнаруживать, что не знаешь его необходимости и не дооцѣниваешь его. Но человѣку нужно проповѣдывать самоуглубленіе не для того, чтобы осушать источникъ дѣйствія, а для того, чтобы оживлять и очищать его. Не будемъ думать, будто лучшее средство для развитія религіи человѣчества состоитъ въ отрицаніи культа души. Будьте увѣрены, что общество не можетъ быть основано на развалинахъ внутренней жизни; что совершенный гражданинъ,—не божественной общины, а человѣческой—тотъ, кто въ глубинѣ своей души сохраняетъ нѣчто въ родѣ неприкосновенной обители, куда онъ входитъ послѣ внѣшнихъ треволненій внѣшней жизни, чтобы предаваться размышленіямъ, не о смерти, а о самой жизни, чтобы искать мира, свѣта и бодрости, чтобы встрѣчаться лицомъ къ лицу съ своей собственной совѣстью, чтобы возстановлять въ его первоначальной чистотѣ образъ идеала, который могъ потускнѣть отъ пыли, всегда подымающейся отъ столкновенія страстей и интересовъ, чтобы почерпать, наконецъ, тѣмъ новыя силы для служенія самому обществу.

---

*) G. Séailles, въ «Revue Bleue» 8 мая 1897 г.

**) Извлеченіе изъ «Messager Européen» въ «Postface de la 2-e édit. du Capital».

„Вѣстникъ Знанія“

ПРОДОЛЖ. ПОДПИСКА НА 3-Й, 1905 Г.

ИЗДАНІЯ под ред кціею В. В. БИТНЕРА

48 книгъ въ годъ 8 р.

Иллюстрир. ежемѣсячн. лит., худож. и попул. научн. журналъ съ 36 кн. безплатн. прилож. для самообразов.

12 книж. „Общедоступнаго Университета“: будутъ заключать „Анатомію, физіо огію и гигіену“ (между прочимъ и—умс в нной жизни) *проф. Закса. Зейлера* и др. „Попул. очерки народовѣдѣнія“, *проф. Гааке* и „Жизнь европ. народовъ“ Кромѣ того, признавая громад. воспит. вліяніе рисованія на худож. развитіе учащагося, мы рѣшили въ „Общ Унив.“ дать—„Самоучитель живописи и рисованія“. Изъ *практическихъ* руководствъ мы дадимъ „Учебникъ стенографіи“, искусство быстр. записыванія человѣч. рѣчи. Въ „Общ. Унив.“ будетъ данъ еще „*Новый учебникъ международнаго языка Эспера то*“. Изложеніе вполнѣ общедоступное, живое. Масса иллюстрацій.

12 книж. „Энциклопедической Библіотеки ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ“:—1) *Проф. Сеньобосъ и проф. Метэнъ.* Современная исто ія съ 1815 г. въ 2 ч-хъ, ч. I.—2) *Проф. Фламмаріонъ.* Лекціи по астрономіи. *Съ картами звѣзднаго неба.*—3) *Д-ръ филос. Эйзенгансъ.* Псих логія и логика.—4) *Проф. Бальфуръ-Стюартъ.* Курсъ физики, въ 2-хъ частяхъ, ч. I.—5) *Проф. Сеньобосъ и проф. Метэнъ.* Современная исторія., ч. II.—6) СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СЛОВ. ЮРИДИЧ. НАУКЪ въ 3 ч. Ч. I. Государственное право (формы правленія, разныя конституціи и пр.), права и обязанности гражданин .—7) *Проф. Боммели.* Исторія рас ит. царства. Папо от ики, хвойныя ,Оплодо вореніе цвѣтковыхъ.—8) Систематич. словарь юридич. наукъ, ч. II. Основы законовѣдѣнія. Ознакомленіе съ рус. законодательст.—9) *Проф. Бальфуръ-Стюартъ.* Курсъ физики, ч. II.—10) Системат. слов. юридич. наукъ. Ч. III, *справочная* (формы дѣловыхъ бумагъ, отвѣты на частные случаи юридич. практики и пр.)—11) *Проф. Оствальдъ.* Школа химіи. Химія неорганическая.—12) *Карлъ Каутскій* Очерки политич. экономіи. Легкое, живое и популярн. изложеніе; масса рисунк., портретовъ.

Легкая усвояемость.

12 книж. „Читальни“ „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“, состоящей изъ ряда соч. для болѣе *легкаго самообразоват.* чтенія, имѣющаго въ виду *широкое* образованіе: 1) *Бельше.* Происхожд. человѣка.—Будущность человѣчества.—2) *Проф. Моніе.* Соціологія.—3) *Д-ръ Целлъ.* Умъ животныхъ.—4) *Проф. Гюнтеръ.* Физическая географія. 5) *Бельше.* Прогрессъ дарвинизма.—6) *Проф. Лъесъ.* Статистика и ея з дачи.—7) *Проф. Уэльдстинъ.* Искусство въ XIX столѣтіи.—8) *Пеллисье.* Литер. школы, въ 2 част. *Ч. I.* Классицизмъ, псевдоклассицизмъ, лирика, лирическая драма.—9) *Э. Кей, І. Тимъ и др.* Воспитаніе и самовоспитаніе человѣка и гражданина. Цѣль жизни.—10) Соціальная мораль. Лекціи разн. профессоровъ.—11) *Пеллисье.* Литер. школы. *Ч. II.* Исторія, критика, старый и новый романъ, поэзія, драма.—12) *Проф. Арнольдъ.* Эпоха возрожденія и гуманизма.

Сверхъ перечисленныхъ 36 кн. приложеній мы рѣшили, исполняя просьбу подписчиковъ, дать еще **СЛОВАРЬ НАУЧНЫХЪ ТЕРМИНОВЪ, ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ,** вошедшихъ въ употребл. въ рус. яз. Что касается самаго „Вѣст. Зн.“ (12 кн.), то въ противоположность друг. „толстымъ“ журн. онъ главное вниманіе обращ. на популяризац. знанія и ознакомленіе со всѣми литер.-научн. теченіями, беллетр. же стоитъ на втор. планѣ. Статьи въ журналѣ не велики и разнообразны, большія же сочин. даются въ приложеніяхъ (убористъ. шрифтъ позвол. помѣщ. крупныя произвед.). Прогрессивное направленіе „Вѣст. Зн.“ лучше всего характериз. близкимъ участ. профессоровъ Париж. Рус. Высш. Шк. Общ. Наукъ. Основа изданія—служеніе интерес подписчиковъ восполняется между проч. отдѣлами: „ВЗАИМОПОМОЩЬ ЧИТАТЕЛЕЙ“ и „ОТВѢТЫ“.

Поддержка стремленія къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества, всестороннее освѣщеніе вопросовъ дѣйствительности—вотъ задачи, кот. неизмѣнно составляли основу наш. литерат. дѣятельн. „Вѣст. Зн.“ строго прогрессивный органъ, посвящ. служенію обществу. Больш. распростр. журнала даетъ возможность новымъ подписч. узнать у старыхъ о нашемъ добросовѣстномъ отношеніи къ обязательствамъ.

Подписная цѣна на 1905 годъ (48 кн.) со „Словар. иностранн. слов.“ безъ дост. 7 руб., съ дост. и пер. 8 р., за гран. 11 р. Разср. по 2 р. за 1/4 года.

„НЕДѢЛЯ“

Подписная ц. 70 к. 1/4 г. 2 р. 80 к. въ годъ.

Тамъ же принимается подписка на НОВЫЙ, выходящій съ 1 ноября 1904 г. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧ. ОРГАНЪ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

Въ настоящій моментъ, когда русск. общественность вступаетъ въ новую эру довѣрія къ общественнымъ силамъ, на земство, представляющее одно изъ главн. проявленій общественн. самодѣятельности обращено особое вниманіе. Но дѣятельность земствъ и ихъ представителей являлась рядомъ разрозненныхъ усилій. Трудовой жизни земствъ всегда недоставало живой поддержки со стороны освѣдомленности общественныхъ элемент. о земской дѣятельности. Отсутствовала у земствъ и взаимная поддержка, чувствовалась потребность въ объединеніи отдѣльныхъ земствъ путемъ печати. — «НЕДѢЛЯ» пойдетъ навстрѣчу этой потребности. Служеніе интересамъ провинціи, защита личности, ея правъ и достоинства, — слабаго противъ сильнаго, поддержка общественной самодѣятельности, борьба съ темными силами жизни, удовлетвореніе естественному стремленію къ свѣту, знанію и правдѣ,—вотъ задачи молодой «НЕДѢЛИ». Желая сдѣлать «НЕДѢЛЮ» доступ. широк. кругамъ, мы назнач. незнач. подпис. плату, 2 р. 80 к. въ годъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., № 1/47, уголъ Невскаго пр.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

Объявленія въ „Вѣст. Знанія“ принимаются по слѣдующему тарифу:

На обложкахъ приложеній: по 100 р. 1 страница; 60 р.—1/2 стр.; 40 р.—1/4 стр. и 20—1/8 стр. *Въ журналѣ:* впереди текста по 120 р.—1 стр.; 80—р.—1/2 стр.;—позади текста по 80 р.—1 стр.; 50 р.—1/2 стр.; 30 р.—1/4 стр.; 16 р.—1/8 стр. Ширина столбца 60 миллиметровъ, 2 ст.—120 мм. Число въ столбцѣ строкъ—66; кегль 8. Нонпарелью не набирается.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., № 1/47, уголъ Невскаго пр.

Лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ нашего журнала и его направленію, просимъ помочь распространенію свѣдѣній о «Вѣстникѣ Знанія».

Тип. Т-ва „Народная Польза“, Коломенская, 39.